

ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2019. Том 7, № 2

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW
2019, vol. 7, no. 2

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2019

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Emerging Sources Citation Index (ESCI) на платформе Web of Science Core Collection, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“**Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review**” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, AcademicKeys, WorldCat, Google Scholar, Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index П7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумоллы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почекаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванович, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Ilnur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Vice-president of AS RT, Academician of AS RT (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History	208
Селезнёв Ю.В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII вв.)	225
Казиев Э.В. О времени появления асов на монгольской службе	242
Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов (по летописным источникам)	254
Петров П.Н., Камышев А.М. Ыанги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным	266
Dashdondog B. The Black Sea Slave Trade in the 13 th –14 th century That Changed the Political Balance in the Near East	283
Тишин В.В. Еще раз о содержании термина <i>орда</i> и категориях «Золотая Орда», «Белая Орда», «Синяя Орда»	295
Гулевич В.П., Джанов А.В. Письмо крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года	318
Зайцев И.В. Была ли у казанских ханов тугра? Этимологическая заметка из эпохи Казанского ханства: «тавруи»	333
Белов Н.В. Два переворота 1545/46 г. в Казани: к вопросу о конфигурации политических сил в первые годы Казанской войны	339
Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним	351
Беляков А.В. Царицы сибирские	372
Halperin Ch.J. Book Review: Seleznev Yu.V. Kartiny ordynskogo iga [Scenes of the Horde's Yoke]	392

Хроника

Сайфетдинова Э.Г. Мероприятия, посвященные 750-летию юбилею Золотой Орды	401
---	-----

CONTENTS

Original papers

Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History	208
Seleznev Ju.V. The Rus Grandchildren of the Polovtsian Princes (The Question of Polovtsian Kinship in the Political Struggle in Rus from the 11 th to the first half of the 13 th century)	225
Kaziev E.V. On the Chronology of the As People's Entry into Mongol Service	242
Fomina T.Yu. The Diocesan Structure of Rus during the Mongol-Tatar Invasion in 1237–1240 (according to the chronicles)	254
Petrov P.N., Kamishev A.M. Yangi Taraz in the 13 th –14 th centuries and the Discovery of Its Geographical Location on the Basis of Numismatic Data	266
Dashdondog B. The Black Sea Slave Trade in the 13 th –14 th century That Changed the Political Balance in the Near East	283
Tishin V.V. Once again on the Meaning of the Term “Horde” and the Categories “Golden Horde”, “White Horde”, “Blue Horde”	295
Gulevich V.P., Dzhanov A.V. A Letter of the Crimean Khan Mengli Giray to the Genoese Emissaries Bartolomeo Campofregoso and Lodizio Fieschi of December 30, 1481	318
Zaytsev I.V. Did the Kazan Khans Have Tugra? Etymological Note from the Era of the Kazan Khanate: “Tavrui”	333
Belov N.V. Two Coups of 1545/46 in Kazan: The Question of the Configuration of Political Forces in the Early Years of the Kazan War	339
Trepavlov V.V. The Shibans: A Failed Ethnonym	351
Belyakov A.V. Siberian Queens	372
Halperin Ch.J. Book Review: Seleznev Yu.V. Kartiny ordynskogo iga [Scenes of the Horde's Yoke]	392

Chronicle

Sayfetdinova E.G. Events Dedicated to the 750-Year Anniversary of the Golden Horde	401
--	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 930.2(47)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.208-224

**COMPARING EASTERN AND MISSIONARY SOURCES
ON THE GOLDEN HORDE'S HISTORY*****Roman Hautala***^{1,2}¹ *Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*² *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* The author of this article seeks to draw the attention of researchers to the whole body of little-known Latin sources concerning the details of the development of Catholic missionary work in the territory of the Golden Horde since the second half of the 13th century.

Research materials: These sources seem to be important primarily because they include “internal” sources, namely, reports of Catholic missionaries compiled in the territory of the Golden Horde and sent to the leadership of the Mendicant orders (mainly the Franciscan Order of the Friars Minor) in Europe. The body of writings also includes “external” sources, that is, papal bulls addressed to the Golden Horde rulers, the missionaries themselves in the dominions of these rulers, and their subjects in the steppes and cities of the Golden Horde whom the Roman curia regarded as immediate targets for their missionary activity. In addition, narrative descriptions of the Franciscan chroniclers who received information either directly from missionaries returning from the Golden Horde, or through their unpreserved letters, are discussed here as “external” Latin sources.

The *novelty of this study* stems from its comparison of the already well-known sources on the Golden Horde with the content of reports of the Mendicants, papal bulls, and Franciscan chronicles, which allows the author to significantly diversify the information on its history.

Research results: In particular, the author resorted to a comparison of missionary and Eastern (Mamluk, Persian, Russian, Greek, and Armenian) sources, completely independent of each other. In doing this, the author sought to demonstrate the usefulness of such a comparison to clarify the existed data and to obtaining new information. In addition, the author tried to justify the importance of the missionary sources presented in the article.

Keywords: comparison of heterogeneous sources, history of the Golden Horde, Eastern sources, Catholic missions in the east, Franciscan reports, papal bulls, Franciscan chronicles

For citation: Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 7, no. 2, pp. 208–224. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.208-224

The study of the history of the Golden Horde is greatly hampered by the fact that, unlike the Ilkhanate of Persia or the Yuan Empire in China, its researchers do not have at their disposal a sufficient number of contemporary sources written on its territory. The history of the Golden Horde can be traced on the basis of “external” Arabic, Persian, Russian, Armenian, Greek and Latin sources. “Internal” contemporary sources are preserved in a very limited volume and the introduction of each of such sources into current scholarly discussions brings new, completely unknown information on the history of the Golden Horde or confirms and clarifies the information of already known sources.

The author of this article seeks to draw the attention of researchers to the whole body of little-known Latin sources concerning the details of the development of Catholic missionary work in the territory of the Golden Horde since the second half of the 13th century. These sources seem to be important primarily because they include “internal” sources, namely, reports of Catholic missionaries compiled on the territory of the Golden Horde and sent to the leadership of the Mendicant orders (mainly the Franciscan Order of the Friars Minor) in Europe. The body of writings also includes “external” sources, that is, papal bulls addressed to the Golden Horde rulers, the missionaries themselves in the dominions of these rulers, and their subjects in the steppes and cities of the Golden Horde whom the Roman curia regarded as immediate targets for their missionary activity. In addition, narrative descriptions of the Franciscan chroniclers who received information either directly from missionaries returning from the Golden Horde, or through their unpreserved letters, are discussed here as “external” Latin sources.

The information of these missionary sources predictably relate mainly to the proselytizing activity of the Mendicant Friars in the territory of the Golden Horde. These sources, however, contain extremely interesting information about the religious policy of the rulers of the Golden Horde, on the relations of missionaries with the nomads and local Christians among whom they deployed their activity and even about political events in the Golden Horde, although, as will be shown below, in this aspect missionary sources only supplement the information of the much more reliable Mamluk chronicles.

Comparison of the already well-known sources on the Golden Horde with the content of reports of the Mendicants, papal bulls and Franciscan chronicles allows the author to significantly diversify the information on its history and represents the main goal of this article. In particular, the author resorts to a comparison of missionary and Eastern (Mamluk, Persian, Russian, Greek, and Armenian) sources, completely independent of each other. In doing this, the author seeks to demonstrate the usefulness of such a comparison both to clarify the existed data and obtaining new information. In addition, the author tries to justify the importance of the missionary sources presented in the article.

The “case” of the ringing of bells

The very first document clearly evidencing the permanent presence of the Franciscans in the Golden Horde, points to the apparently tense relations of Western missionaries with Muslim residents of local cities. Along with the mention of the fact that the Franciscans had at their disposal convents in Caffa and Sarai, a church in Solkhat and houses in Qırq Yer in Crimea and in Vicina in the Danube

delta, the custodian or the head of the Northern Black Sea's Franciscans named Ladislaus reported in his message to the west of April 11, 1287, details of the conflict erupted in Solkhat in August 1286 between the local Franciscans and Muslims. The latter tore off the bell from the Franciscan church in Solkhat, apparently irritated by its ringing, and the Minorites lodged a complaint against these actions to Tula-Buga Khan (1286–1291) and Nogai (d. 1300). Both Mongol rulers took the Franciscans' side and sent, in addition to their representatives, a "special ambassador" who entered Solkhat with military force and forced the Minorites' offenders to pay them ample compensation. In addition to the fact that the Franciscans were allowed to hang three bells in their church instead of one torn off, shortly after these events, Nogai's wife, "empress Iaylak", arrived in Solkhat and expressed her desire to be baptized, to the sheer joy of the Franciscans. She was baptized from the hands of Ladislaus himself in the Crimean city of Qırq Yer [43, p. 248–250].

The patronage of the Mongol rulers played a decisive role in this conflict, but it was not necessarily the result of some special sympathy for Christianity. According to the account of the Mamluk author Baybars al-Mansuri, in 1270/71 Nogai notified the Egyptian Sultan about his conversion to Islam [45, p. 101]. Also the Golden Horde "ambassador" mentioned by friar Ladislaus was a Muslim, which did not prevent him from punishing the Franciscans' offenders in Solkhat, despite the fact that they, unlike the Minorites, were his co-religionists. Obviously, the Golden Horde "ambassador" sought in this case to restore the established order, where the right of the Franciscans to ring the bell was considered weightier than the reluctance of Muslims to hear it. Nevertheless, the attitude towards this right changed dramatically 30 years after this conflict, in connection with the ascension of Uzbek Khan, converted to Islam as well as Nogai, but who preferred the opinion of Muslims regarding this "issue".

In his yarlik of 1314 (which will be discussed in more detail below), Uzbek Khan (1313–1341) strictly forbade attacks on the Franciscan church in the Genoese Caffa and allowed the Minorities to ring bells on it [22, p. 65], and, according to the personal testimony of Ibn Battuta, this permission remained in force 20 years after this [47, p. 470–471].

For his part, Pope John XXII apparently believed that this khan's permission extended to other cities of the Golden Horde, reminding Uzbek in his letter of March 28, 1318, how the khan "allowed the said Christians to have and freely ring the bells, to which sound they could gather for divine services". Nevertheless, a year after granting this permission, Uzbek, according to the Pope, "seduced by the deceitful perseverance of the enemies of Christ", forbade Christians to ring bells [5, p. 148].

Probably, this prohibition was directly related to the confrontation between the Greek population of Soldaia (where the Franciscans also had one convent) and Uzbek's governor in Crimea, Tuluk-Timur. Two synchronous notes on the margins of the "Sudak Synaxarion"¹ show that this confrontation led to open conflict and that Soldaia was attacked by the military forces of Tuluk-Timur in August 1322

¹ Notes of the 12th–15th centuries on the margins of the "Sudak Synaxarion" (that is, a collection of abbreviated saints' lives composed in Greek in Soldaia in the 12th century) were published in 1863 by Archimandrite Antonin Kapustin [4, p. 595–628]. However, subsequently the original manuscript of the Synaxarion was lost [51, p. 261, nota 3].

and January 1323 [4, p. 600, 621]. Pope John XXII, being informed about these attacks, turned to the Golden Horde's khan again, regretting in his bull on September 27, 1323 that Christian inhabitants of Soldaia were "driven out of the city by Saracens, and after the bells had been removed from their churches, the churches were turned into mosques". In this connection the Pontiff urged Uzbek to both allow local Christians to "return for living in the said town" and give them back "the mentioned churches and bells" [3, p. 203]. Nevertheless, Uzbek did not listen to the Papal request; according to Ibn Battuta, in 1334 Soldaia was largely populated by the "Turks"².

The identification of "Coktoganus"

The baptism of "empress Iaylak" in 1286 reflected certain sympathies of some representatives of the Golden Horde elite towards Christianity and probably soon after that the Franciscans managed to convert to the Catholic religion "one great king of the Tartars". According to the Umbrian Franciscan Giovanni Elemosina, "secured by his benevolence", the Friars Minor "built 10 places in that Tartary: 5 permanent walled places in Tartar cities³ and 5 mobile places in pavilions or tents⁴ among the multitude of the Tartars"⁵. This same Chinggisid was also mentioned in the list of "the children of the emperors⁶ who were baptized by the Friars Minor" [13, p. 73]⁷, where he is called "Coktoganus" and where it is also reported that three of his sons were baptized with him: "Georgius, Curamas and Abusca", of whom only "Abusca" remained alive by the time this list was compiled (circa 1321). Apparently, a number of other Franciscan sources had also in mind precisely this Mongol prince in their reports that he was buried afterwards in the Franciscan convent of St John located three miles from Sarai⁸.

Despite the relatively numerous references to this Mongol prince in Franciscan sources⁹, his identification causes certain difficulties. Girolamo Golubovich and

² The ringing of the bells was forbidden in Solkhat as well, since Ibn Battuta never mentions it [47, p. 471–472 (Solkhat), 499 (Soldaia)].

³ Both full-fledged convents and more modest residences in Golden Horde's cities could be intended by "places" in Franciscan sources.

⁴ Giovanni Elemosina meant here the mobile altars that the Franciscans carried on wagons following the ever nomadizing "Tartars" [13, p. 125].

⁵ See the "Book of Histories of the Holy Roman Church" (1335) by Giovanni Elemosina, as well as his "Chronicle" (1336) [13, p. 107, 120].

⁶ The Golden Horde's khan Mengu-Timur (1267–1280) and ilkhan Arghun (1284–1291) were referred to here as "emperors".

⁷ This list is contained in the codex Nero A. IX (fol. 101^v) from the British library.

⁸ See the "Chronicle of the 24 Generals of the Order of the Friars Minor" by an anonymous Aquitanian author (perhaps Arnaud de Sarrant, the Minister of the Franciscan province of Aquitaine [32, p. 20]), in [1, p. 456]; a record "On the holy brothers resting in the Northern Vicariate" from the codex Canon. Misc. 525 of the Bodleian library, in [12, p. 46]; and the treatise "On the Conformity of the Life of St Francis to the Life of Our Lord Jesus Christ" by Bartolomeo Pisano, in [2, p. 557].

⁹ One would assume that all these Franciscan sources reported on various representatives of the Golden Horde's elite. However, with the exception of the fragment from the codex Nero A. IX, each of the above-mentioned sources mentions only one high-ranking Chinggisid baptized by the Franciscans, which makes it possible to assume that all together they mean the same person.

Devin DeWeese were inclined to believe that the Franciscans had in mind Toqta Khan (1291–1312) when writing about “Coktoganus” [13, p. 73, nota 1; 14, p. 171; 9, p. 98–99]¹⁰. In particular, Girolamo Golubovich argued that most of the sources called “Coktoganus” the emperor, that is, the supreme ruler of the Golden Horde. Indeed, the anonymous author of the “Chronicle of the 24 Generals” calls “Coktoganus”, who took the name of John at baptism, “dominus Iohannes, the emperor of the Tartars” [1, p. 456]¹¹. However, a record “On the holy brothers resting in the Northern Vicariate” (from the codex Canon. Misc. 525 of the Bodleian library) [12, p. 46] and the treatise “On the Conformity of the Life of St Francis” by Bartolomeo Pisano [2, p. 557] call “Coktoganus” the “king of the Tartars” (*rex Tartarorum*), that is, the ruler who was subordinate to the Golden Horde “emperor” or khan. Moreover, in two separate bulls of Pope John XXII addressed on November 22, 1321 and February 28, 1322 to “Abuscanus”¹², son of the same “Coktoganus” (called “Cotoganus” in both bulls), “the cherished in memory Cotoganus” is called “the king in the regions of Tartary” [5, p. 214; 3, p. 186]¹³; while in all bulls addressed to Toqta Khan’s successor, Uzbek Khan, Popes John XXII and Benedict XII invariably referred to Uzbek as the “emperor of the Tartars”¹⁴. It is obvious that Pope John XXII would not fail to call “Cotoganus” the emperor, if he would have meant by “Cotoganus” the predecessor of Uzbek – Toqta Khan.

In his attempt to prove that “Coktoganus” was Toqta Khan, Devin DeWeese referred to a letter of the Franciscans of Caffa addressed on May 15, 1323 to the cardinals of the Roman Curia and the general chapter of their Order, which was not known to Girolamo Golubovich [9, p. 98–100]. In one fragment of this letter, its anonymous authors briefly described the political struggle in the Golden Horde, which flared up after the death of Toqta Khan in August 1312. According to the Franciscans, Toqta Khan died a Christian and left behind him three baptized sons. Two of these sons set on foot a conspiracy against Uzbek Khan, who became Toqta’s successor in early 1313, and they left the Christian faith, according to the

¹⁰ Jean Richard at first expressed doubts about the validity of this identification [36, p. 157], but later changed his mind to the opposite [35, p. 239; 34, p. 350 (English translation); see also 38, p. 292, nota 49].

¹¹ See also the “Register of the Friars Minor of London”, where John is ranked among the deceased friars of the Franciscan Order and called the “emperor of the Tartars” as well [20, p. 539].

¹² Obviously, “Abusca” from the above codex Nero A. IX from the British library, the youngest son of “Coktoganus”, is meant here, who remained alive, unlike his brothers, at least until 1323.

¹³ Jean Richard clearly misread the statement of the Pope in the first of these bulls of November 22, 1321 that God directed “Abuscanus” “to the chamber of his bride” (*ad sponsae suae thalamum*) and concluded that John XXII mentioned here the baptism of the wife of “Abuscanus” [36, p. 157, nota 125; see also 38, p. 293]. In fact, the Pope had in mind the Roman Church when speaking about God’s “bride” and the corresponding communion of “Abuscanus” with it.

¹⁴ See the bulls of John XXII of March 28, 1318 [5, p. 148], September 27, 1323 [3, p. 202] and October 1, 1333 [5, p. 558], as well as the bulls of Benedict XII of June 13, 1338 [6, p. 60], October 31, 1338 [6, p. 64] and August 17, 1340 [6, p. 77]. It is curious that Pope Benedict XII called the Yuan khan Toghon Temür (1333–1370), senior among other Chinggisid khans, the “emperor of the emperors” [6, p. 58].

Minorites, “in their ambition to obtain the imperial honour”¹⁵. However, Uzbek Khan killed these two of his sons. The third son of Toqta, in turn, remained a “firm and stable” Christian and did not take part in the conspiracy of his brothers. Uzbek spared him therefore and treated him kindly, and by the time the letter was written (1323), Uzbek considered this younger son of Toqta his main heir [22, p. 111 (Latin text); 24, p. 365 (English translation)].

At first glance, this letter confirms that Toqta was that “Coktoganus” who was baptized by the Franciscans and significantly contributed to the development of their apostolate in the Golden Horde, and that the youngest son of Toqta was that “Abuscanus” who was alive by the time the letter was written, to whom Pope John XXII addressed two bulls in 1321 and 1322. However, this letter of the Franciscans transmitted clearly distorted information in this fragment, despite the fact that for the rest it contained quite reliable information about the activities of the Franciscans in the Golden Horde.

First of all, it should be noted that the Mamluk authors Ibn Duqmaq and al-Ayni, who followed the former, claimed from the words of the Mamluk ambassadors who arrived in the Golden Horde at the time of Toqta’s death, that Toqta did not leave behind the children, “neither male nor female” [45, p. 323, 515–516; see also 17, p. 114]¹⁶. According to these Mamluks authors, Uzbek faced the opposition of the amirs irritated by his conversion to Islam and the respective Islamization policy. However, his opponents were not headed by the sons of Toqta Khan, but amirs Tunguz and Taz, who previously enjoyed increased influence in the Golden Horde under the late Toqta Khan. Uzbek “killed both of them and several Tatar nobles along with them” and he did it after he became khan.

Undoubtedly, the Chinggisid princes could join the rebellious amirs and be among these “Tatar nobles” executed by Uzbek. However, the participation in the conflict with Uzbek of those sons of Toqta Khan who were eligible for the Golden Horde throne, seems dubious. In his “*Tarikh-i Uljaytu-Sultan*” (circa 1316) the Persian author Jamal al-Din ‘Abdullah b. ‘Ali Qashani referred to the words of the ambassadors of Uzbek Khan who arrived in the Ilkhanate in April 1313, and argued that, at the end of the conflict, Uzbek executed the son of Toqta along with more than a hundred Chinggisid princes [see 9, p. 107–109, with reference to the Iranian edition of Qashani in 33, p. 144–145]. Nevertheless, Qashani’s account is extremely doubtful, since he attributed the main role in plotting against Uzbek to amir Qutlugh Timur. In fact, Qutlugh Timur was one of the main supporters of the khan and his support contributed to Uzbek’s ascension [9, p. 108–109]. It is more important, however, that in Qashani’s account Toqta’s son plays an extremely secondary role, and that Qashani can not clarify his name¹⁷.

¹⁵ The authors of the letter probably meant by this that the camp of Uzbek Khan’s opponents consisted of adherents of traditional nomadic beliefs.

¹⁶ According to “*Shuab-i panjganah*” by Rashid al-Din (the genealogical supplement to his “*Jami at-tawarikh*” compiled by Rashid al-Din circa 1306), the sons of Toqta who had the right to the throne of the Golden Horde were Tukul Buqa, Ilbasar and Tukil-Buqa, all of whom apparently died before their father [16, p. 873–874; 9, p. 108, nota 91].

¹⁷ Devin DeWeese, in turn, was clearly mistaken in reading this account, when he claimed that Qashani wrote in its beginning on the conflict between Toqta’s two sons – Bayan and Mumqiya – and about the support that Toqta rendered to the former [9, p. 108]. In fact, Qashani wrote in this fragment about the conflict between the rival rulers of the eastern part of the Gol-

In the 1360s, the Persian author al-Ahari called in his “*Tarikh-i Shaykh Uvays*” this Toqta’s son by the name of Ilbasmish. He probably had here in mind the middle son of Toqta, Ilbasar, about whom it is reliably known that he died before his father [45, p. 123 (Baybars al-Mansuri), 174 (al-Birzali), 206 (al-Dhahabi), 384 (Ibn Khaldun), 513 (al-Ayni)]. Besides, he incorrectly dates these events to 1303/4 and further confuses Toqta with Ilkhan Ghazan, which casts doubt on the authenticity of his report [46, p. 100; see also 17, p. 114]. In turn, the anonymous continuator of “*Jami at-tawarikh*” (probably, Hafiz-i Abru) of the first half of the 15th century was obviously not familiar with the work of al-Ahari and almost word for word reproduced Qashani’s account with one significant change: in order to explain the clearly contradictory role of amir Qutlugh Timur in Qashani’s account, he introduced two amirs under the same name into his narrative, one of whom led a conspiracy against Uzbek and another Qutlugh Timur turned out to be his main supporter [46, p. 141].

Of course, the contradictions in Qashani’s account do not eliminate the possibility that some son of Toqta from any of his “younger” wives¹⁸, who did not have the right to the throne, could participate in the conflict with Uzbek. Such information about his possible participation in the power struggle could also affect the Franciscans who described these events almost 11 years after they happened. However, in their letter of 1323, the Franciscans wrote about two “sons” of Toqta who had every right to the throne, and they also mentioned the third “son” of Toqta who did not take part in the conflict and was then considered the closest heir to Uzbek Khan. Apparently, this third “son” of Toqta was that “Abuscanus” to whom Pope John XXII addressed two bulls in 1321 and 1322. However, the pope, who was extremely scrupulous in choosing titles when referring to secular rulers, did not name the father of “Abuscanus” as emperor or khan, and he did not make it clear that “Cotoganus” had previously hold the throne of the Golden Horde.

All these remarks suggest that the “sons” of Toqta in the letter of the Franciscans of 1323 were actually the children of another Chinggisid. In turn, the comparison of the list of “the children of the emperors who were baptized by the Friars Minor” from the codex Nero A. IX of the British library with the “*Shuab-i panjganah*” by Rashid al-Din allows to identify this Chinggisid. While an anonymous Franciscan pointed out that the names of the sons of “Cotoganus” were “Georgius, Curamas and Abusca”, Rashid al-Din, in turn, mentioned the following names of the sons of the Chinggisid prince Kutukan: Kurmas corresponding to Curamas; Kunkiz or Kurkiz – the Turkic and Mongolian equivalent of George; and Abšeqe, that is, Abušqa, obviously corresponding to the Latin writing “Abusca” [9, p. 98, nota 65; 16, p. 873]. The coincidences in these two completely independent sources suggest that both these sources meant the same Chinggisid, namely, Kutukan – the son of Mengu-Timur Khan and the younger brother of Toqta Khan.

Apparently, Kutukan was baptized after 1287, as the custodian Ladislaus did not mention him in the above letter dated April 11, 1287. It is equally obvious that Kutukan was baptized before 1291, that is, before he was executed by Toqta as a

den Horde (on the territory of modern Kazakhstan). Toqta really provided crucial support to Bayan in 1309. However, neither Bayan nor Mumqiya were the sons of Toqta [49, p. 142–143].

¹⁸ As, for example, from the illegitimate daughter of Byzantine emperor Andronik II named Maria, who became Toqta’s wife in 1297 [25, p. 294; see also 50, p. 395].

result of the conspiracy that brought the latter to power [45, p. 108 (Baybars al-Mansuri), 157 (an-Nuwayri)]. It remains unclear why Kutukan was buried in the Franciscan convent of St John near Sarai only at a time when the Franciscan order was headed by Gonsalvus Hispanus, that is, between 1304 and 1313, as indicated by the record “On the holy brothers resting in the Northern Vicariate” from the codex Canon. Misc. 525 of the Bodleian library [12, p. 46] and the treatise “On the Conformity of the Life of St Francis” by Bartolomeo Pisano [2, p. 557]. It is possible, however, that he was exhumed from his original burial and reburied in the said convent. In any case, these same sources indicate that the exhumation of Kutukan was an acceptable action, since he was reburied in Sarai 30 or 35 years after his burial in the convent of St John.

Two yarliks of Uzbek Khan

Despite the death of their high-ranking protector, the Franciscans, apparently, did not encounter any obstacles to their preaching activity after Toqta's ascension. Nevertheless, they had to suspend this activity at the end of his reign because of the conflict that suddenly broke out between Toqta Khan and the Genoese. In 1307, Toqta “ordered to capture all the Genoese throughout his empire” and on May 20, 1308 troops led by his son Ilbasar entered Caffa left by the Genoese [8, p. 500–501]. The Franciscan convents in the Golden Horde probably emptied due to reprisals against the Genoese merchants, which affected all the local Catholic residents. Respectively, Western missionaries were to begin their activities anew and their success depended on the favor of the new khan.

The Franciscans were able to return to Caffa only after Uzbek Khan's ascension in the beginning of 1313, and next year Uzbek granted them a yarlik (literally “privilege”) with the permission to move throughout the Golden Horde, exemption from military service and taxes, as well as permission to build in Caffa their church (of St Agnes)¹⁹.

Thus, despite his conversion to Islam, Uzbek continued to adhere to the traditional policy of religious tolerance of his predecessors. In his attempt to restore friendly relations with the Sultanate of Egypt (which deteriorated noticeably during the last years of Toqta's reign [7, p. 170–171; 10, p. 343]), Uzbek represented himself as a zealous adherent of the Islamic religion and his ambassadors who arrived in Cairo in March or April 1314, claimed (according to the Mamluk author an-Nuwayri) that Uzbek demanded from “a party adhering to a religion other than Islam” in his dominion “to enter into the religion of Islam” and destroyed them after their refusal [45, p. 163; see also 9, p. 111–112]. This assertion of Khan's ambassadors was to help to restore a warm relationship with the Muslim Sultan of Egypt, but at the same time it was a clear distortion of reality [40, p. 111]. Almost at the same time when the envoys of the Khan described to the Sultan in Cairo the death of all adherents of alternative religions in the Golden Horde, Uzbek himself granted the Franciscans the above-mentioned yarlik with the permission to freely preach the “Christian law” in his dominion [22, p. 65]²⁰.

¹⁹ This yarlik is preserved in the Latin translation contained in the codex D. Ii. 3.7 in the library of Cambridge University (fol. 148^v–149^r). See the edition of this translation in: [22, p. 65].

²⁰ Uzbek Khan granted the Minorities his yarlik on March 20, 1314, while his ambassadors arrived in Cairo in March or April of the same year.

In his letter of 1320, the Hungarian Franciscan Iohanca indicated that he began his missionary work in “Bascardia” (in the territory of modern Bashkortostan) six years before writing the letter [22, p. 67], and he testified in this way that the Minorities immediately took advantage of Uzbek’s permission. When describing the apostolate of his fellows in the Golden Horde, friar Iohanca mentioned their notable successes in preaching the gospel among the local nomads [22, p. 66], and the Franciscans of Caffa who addressed their letter to the general chapter of their Order in 1323, pointed to equally significant achievements of the missionaries [23, p. 107]. The Franciscans of Caffa did not mention any obstacles to their activities on the part of the Golden Horde administration, and friar Iohanca, in turn, encountered such obstacles only after he had allowed himself to call the Muslim religion “frivolous and profane” during the religious dispute organized at the court of the “ruler of Bascardia”. After that, Iohanca was thrown into prison, but it is significant that he was saved from the death sentence by the intercession of local “Tartar judges” (jarguchis) who were appointed from Sarai and felt sympathetic towards Christianity [22, p. 68].

The Muslim Uzbek had a similarly tolerant attitude toward the Orthodox Church of Russian principalities having granted in 1313 the Vladimir Metropolitan Petr the yarlik, which had a number of similarities with the “Franciscan” yarlik of 1314. The yarlik of Metropolitan Petr has been preserved in the Russian translation in the “Extensive edition” of the *Collection of the Yarliks Granted to the Russian Metropolitans* (compiled by the Metropolitan Chancellery in Moscow in the 1540s), which is preceded by an explanatory foreword describing the travel of the Metropolitan to the court of Uzbek Khan in order to obtain a yarlik [see the text of this yarlik, as well as of the foreword, in 15, p. 111–118].

The spuriousness of this yarlik’s translation was proved already at the beginning of the 20th century [41, p. 70–85], but several Russian chronicles imply that Uzbek Khan really granted the Metropolitan a yarlik in 1313. Indeed, the “Troitskaya chronicle” of the early 15th century explains the travel to the Horde in 1313 of the Tver prince Mikhail Yaroslavovich and Metropolitan Petr by the death of Toqta Khan and the subsequent ascension of the Muslim Uzbek: Mikhail and Petr had to go to the Horde to present themselves to the new khan and, obviously, to obtain his yarliks approving their rule [48, p. 354]²¹. The more verbose author of the “Nikonovskaya chronicle”, too, explained the travel of the Metropolitan (as well as of a number of Russian princes) by Uzbek’s ascension and the need to obtain a yarlik, and he added further that Petr returned from the Horde “with great honor” [28, p. 178].

Thus, although the translation of Uzbek’s yarlik has been preserved in a spurious form, this forgery based on a really existing yarlik, which, most likely, corresponded to the content of the earlier yarlik of Mengu-Timur Khan granted to the Kiev Metropolitan Kirill on August 1, 1267 [see the text of Mengu-Timur’s yarlik in 15, p. 124–126 (the “extended” edition of the 1540s); 26, p. 467–468 (the initial izvod of the middle of the 15th century)]. Respectively, the yarlik of Metropolitan

²¹ See similar account in the “Simeonovskaya chronicle” [29, p. 87–88], “Moscow Anna-
listic Svod of the end of the 15th century” [31, p. 160], “Ermolinskaya chronicle” [30, p. 97] and
“The Chronicle according to the Voskresenskaya copy” [27, p. 186].

Petr was to contain a listing of those taxes and duties, from which the Orthodox Church was exempted by Uzbek.

In addition, the foreword to this yarlik is of particular interest, since it lists the reasons that prompted the Metropolitan to go to the Horde and first of all his desire to obtain Uzbek's privileges before the khan would have granted them to a certain "Matthew, bishop of the Pope of Rome" [15, p. 111].

In this case, the author of the foreword to the yarlik made a blatant mistake, since the Dominican Matteo (Matthew) Manni da Cortona became the second Latin bishop of Caffa only 14 years after the Metropolitan's travel [19, p. 113]. The actual head of the Golden Horde's Franciscans at this time could only be Jerome from Catalonia, ordained the bishop without residence by Pope Clement V on February 19, 1311 [see the related bull in 5, p. 74]. Although Jerome is clearly called the head of the Caffa's Franciscans only in 1316 in one of the orders of the Office of Gazaria [21, p. 407]²², he probably arrived in Caffa a few years earlier and, apparently, was the main addressee of the Uzbek Khan's yarlik granted to the Franciscans with permission to administer "the people of the Christian law" [22, p. 65; see also 44, p. 24; 42, p. 476]²³. Nevertheless, Uzbek granted a yarlik to the Franciscans of Caffa a year after the yarlik of Metropolitan Petr, who managed to obtain in this way privileges from the Golden Horde's khan before the Latin bishop.

Although the question, why the Orthodox Metropolitan sought to get ahead of the Latin prelate in obtaining these privileges, remains unanswered, both khan's yarliks contained a clearly expressed exemption of the Orthodox and Catholic churches from taxes and military duties as well as the assertion of their full legal independence from local secular authorities, with the exception of the khan himself [15, p. 112–113 (the forged yarlik of 1313); 22, p. 65 (the yarlik of 1314)]. Thus, both yarliks are clear evidence that the Muslim Uzbek continued to adhere to the tolerant policies of his predecessors and to strictly observe the interests of his Christian subjects.

The "Armenian" apostolate

At the conclusion of this article, attention should be paid to the information of the Latin and Armenian sources concerning the proselytizing activities of Western missionaries among the Armenians of the Golden Horde. The bull of Pope John XXII of March 28, 1318 indicates the significant success of the Latin bishop of Caffa, Jerome of Catalonia, who, according to the pontiff, was able to persuade the Armenian archbishop of Solkhat named Arakel to accept the union with the Roman church [3, p. 78–79]. In addition to recognizing the primacy of the pope, Arakel apparently agreed to correct all inconsistencies in the Latin and Armenian rituals in accordance with the decrees of the church council in Sis in Cilicia in 1307, except

²² The Office of Gazaria was established in Genoa in 1313 to deal with issues related to trade in the Black Sea.

²³ After that Jerome was already called the "bishop of Caffa" in one authentication of the bull *Cum hora undecima* of Pope Clement V made in Pera on March 20, 1317 [14, p. 40]. In turn, Pope John XXII endowed him with the same title, beginning with the bull of February 6, 1318 [5, p. 143].

for the requirement to mix wine with water during communion²⁴. For his part, the Pope insisted on fulfilling this requirement both in this and the next bull addressed to Arakel three years later, which will be discussed below.

Nevertheless, a comparison of the contents of the papal bulls with memorable records in the Armenian manuscripts (in the Russian translation of Tatevik *Sargsian*) rewritten in the Golden Horde, shows quite a significant discrepancy between Arakel's rank in the Latin and Armenian sources. Indeed, the colophon in the book "Chetya Minei" rewritten in Solkhat in 1316 and now stored in the National Library in Paris (MS 180, fol. 339^v) like two records in the margins of the collection of the parables by Vardan Maratatsi compiled in Solkhat in 1324 and currently preserved in the book depository of the monastery of St Hakob in Jerusalem (manuscript 1690, fol. 248, 300), refers to Arakel as bishop of Solkhat before and after his acceptance of the union [39, p. 60, 66]. However, despite the fact that Arakel had obviously lower rank in the Armenian church hierarchy, Pope John XXII called him archbishop and probably perceived Arakel as the supreme prelate of the Armenians in the Golden Horde subordinated to the pro-Latin Catholicos of Sis in Cilicia, Kostandin II, who officially headed the entire Armenian church from 1307 to 1322²⁵.

In turn, the colophon in the gospel rewritten in Sarai in 1319 and now stored in the book depository of the Mekhitarist congregation in Vienna (HS 434, fol. 441^v), mentions the presence in Sarai of another archbishop of the Armenians named Pogos, who, apparently, was ordained by the Armenian catholicos Stepanos heading the Aghuan church (centered in the Gandzasar monastery in the modern de facto Republic of Nagorno-Karabakh) until 1323 [39, p. 61]²⁶.

Pogos, along with Catholicos Stepanos, obviously acted as the main opponents of the union of the Golden Horde's Armenians with the Roman Church as evidenced by three letters of John XXII, sent to the east in 1321. In the first of them, addressed on November 22 to the pro-Latin bishop of Sarai, Stepanos²⁷, the Pope showed him sympathy in connection with "serious injury and heavy damage" caused to Stepanos by the "Armenian bishop Bogos"²⁸, and promised to provide him all possible support [5, p. 212]. In his next bull addressed on the same date to the "beloved children, the people of the Armenians living in the city of Sarai and its diocese", the Pope expressed the essence of this support: the Pontiff blamed the Armenians of Sarai for both casting out bishop Stepanos, the "father and shepherd

²⁴ See on the decrees of the church council in Sis in 1307 and their open rejection in Great Armenia in [36, p. 201].

²⁵ However, already in the above mentioned letter of the custodian Ladislaus of 1287, the Armenian prelate of Solkhat was called the archbishop [43, p. 249], which suggests that, at least from the point of view of the Franciscans and the Roman Curia, he was perceived as the supreme prelate of the Armenians in the Golden Horde.

²⁶ In this record, the name of the Catholicos Stepanos precedes the name of the Cilician catholicos Kostandin, which implies the primary dependence of the Armenian archdiocese of Sarai on the eastern Catholicos. In his bull *Salvator noster* on November 22, 1321 addressed to a number of Armenian prelates and clerics of the Ilkhanate with an appeal to accept the union, Pope John XXII called the Catholicos Stepanos "the archbishop of Aghuan" [5, p. 215].

²⁷ Probably, he was a protégé of the Solkhat's archbishop Arakel.

²⁸ The Pontiff obviously did not recognize Pogos as the archbishop, despite the fact that he enjoyed this dignity according to the aforementioned record in the Armenian gospel.

of their souls”, from the capital of the Golden Horde, and for their recession “from the unity with the Roman church and from the truth of the Catholic faith”. John XXII, respectively, required them to recognize Stepanos as their legitimate bishop and reimburse him for all the losses incurred [3, p. 146]²⁹.

In his struggle against the influence of the Roman Curia on the Armenians of the Golden Horde, the Aghuan catholicos Stepanos also relied on his other protégé named Tadeos, whom he ordained the Armenian bishop of Caffa as evidenced by the third bull of John XXII addressed to the Solkhat archbishop Arakel on November 22, 1321. Quoting from the Epistle of the Apostle Jacob, Pope John urged Arakel to be patient in connection with the hostility shown to him by “the son of perdition by the name of Tadeos who separated from the unity with the church and succeeded in being elevated to the rank of bishop [of Caffa] by some his Catholicos in contradiction with the canonical decrees and prescriptions of the divine law” [11, p. 99].

As can be seen, the Papal policy aimed at concluding the union between the Roman and Eastern churches, caused a split among the Armenians of the Golden Horde. However, further negotiations of the eastern prelates with local Franciscans and Dominicans led to the easing of this conflict. Already in 1322, under the influence of the local Dominicans, Tadeos joined their Order, possibly receiving a parallel promise from the Latin bishop of Caffa Jerome to occupy his cathedra after his death. Thus, Tadeos accepted the union with the Roman Church and in the same year he went to Avignon with Jerome, where he remained until 1324. After that, he returned to the East, not to Crimea, but to Cilicia, from where he visited Avignon several times as the ambassador of Cilician King Leo V, until Pope John XXII appointed him in 1328 at the head of the new Diocese of Coricos in Cilicia. Finally, on 11 March 1334, John XXII ordained him the Latin bishop of Caffa and he headed this cathedra until his death in 1357 [36, p. 159; 37, p. 262–264; 18, p. 346–351]³⁰.

In turn, Pogos probably remained an irreconcilable opponent of the union for a much longer time. However, he also had to eventually accept the union: apparently, Pope John XXII addressed the bull of September 11, 1329 exactly to him with an expression of sincere joy in connection with his “reunification” with the Church of Rome “through the service of the beloved sons, friars of the Order of preachers” [11, p. 210; see also 36, p. 159, nota 133]³¹.

²⁹ In both bulls, Stepanos is simply called the “bishop of Sarai”. However, the latter bull addressed to the Sarai’s Armenians as subordinate to his canonical jurisdiction, leaves no doubt that he was an Armenian rather than a Latin bishop.

³⁰ Returning to Crimea, Tadeos translated from Latin into Armenian the “Interpretation of the Liturgy” and the colophon of one of its copies made in Pisa in 1354 (stored now in the Mesrop Mashtots Matenadaran in Yerevan, MS 4065, fol. 221) calls him “the bishop of Caffa from the Order of Preachers” [39, p. 120].

³¹ This bull was addressed “to Paul, the beloved brother in Christ, the bishop of the Armenians in the Uzbek’s empire”. Since the Armenian name of Pogos corresponds to Paul and in connection with the lack of information about other Armenian bishops in the Golden Horde with this name at this time, it can be stated with relative certainty that this prelate was exactly that Pogos who expelled the pro-Latin bishop Stepanos from Sarai eight years earlier.

REFERENCES

1. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Tomus III: *Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae*, Quaracchi, Firenze: Collegii S. Bonaventurae, 1897. xxvii + 748 p. (In Latin)
2. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia*. Tomus IV: *De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Jesu auctore fr. Bartholomaeo de Pisa*. Liber I, Fructus I–XII. Quaracchi, Firenze: Collegii S. Bonaventurae, 1906. xxxv + 668 p. (In Latin)
3. *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*. Vol. XXIV: 1313–1333. Rinaldi O., Laderchi G., Theiner A. (eds.). Barri-Ducis: L. Guerin, 1880. vi + 540 p. (In Latin)
4. Antonin, arkhimandrit (Kapustin). Zametki XII–XV veka, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannyye na grecheskom Sinaksare [Notes of the 12th–15th centuries Related to the Crimean City of Sugdeya (Sudak) Added to the Greek Synaxarion]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa: v gorodskoy tipografii, 1863, no. 5, pp. 595–628. (In Russian)
5. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum*. Vol. V: *Benedicti XI, Clementis V, Ioannis XXII monumenta*. Eubel K. (ed.). Romae: Typis Vaticanis, 1898. xlii + 643 p. (In Latin)
6. *Bullarium Franciscanum Romanorum Pontificum*. Vol. VI: *Benedicti XII, Clementis VI, Innocentii VI, Urbani V, Gregorii XI documenta*. Eubel K. (ed.). Romae: Typis Vaticanis, 1902. liv + 687 p. (In Latin)
7. Ciociltan V. *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Willcocks S.P. (trans.). Leiden: Boston: Brill, 2012. 344 p.
8. Continuazione della Cronaca di Jacopo da Varagine. Promis V. (ed.). *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Genova: Tipografia del Reale Istituto sordo-muti, 1874, vol. 10, pp. 493–512. (In Latin)
9. DeWeese D.A. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*, University Park: Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 p.
10. Favereau M. Zolotaya Orda i Mamluki [The Golden Horde and the Mamluks]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Khakimov R., Favereau M., Trepavlov V., Mirgaleev I., Hautala R. (eds.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 334–353. (In Russian)
11. *Fontes*. Series III. Volumen VII. Tomus II: *Acta Ioannis XXII (1317–1334) e regestis vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Tăutu A.L. (ed.). Romae: Typis pontificae universitatis gregorianae, 1966. xix + 302 p. (In Latin)
12. *Fragmenta Minora. Catalogus Sanctorum Fratrum Minorum, quem scriptum circa 1335 edidit notisque illustravit fr. Leonardus Lemmens O.F.M.* Romae: Typis Sallustianis, 1903. xvi + 54 p. (In Latin)
13. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. II: *Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. 641 p. (In Italian, Latin)
14. Golubovich G. *Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano*. Vol. III: *Dal 1300 al 1322*. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1919. 496 p. (In Italian, Latin)
15. Grigor'ev V.V. *O dostovernosti yarlykov, dannyykh khanami Zolotoy Ordy russkomu dukhovenstvu. Istoriko-filologicheskoe issledovanie* [On the Reliability of the

Yarliks Granted by the Khans of the Golden Horde to the Russian Clergy. Historical and Philological Research]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1842. 132 p. (In Russian)

16. Khamidova Ch. Rashid ad-din. Shuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (2) [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjghanah. 2. The Mongols and the Turks (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 868–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.868-880. (In Russian)

17. Lapshina I. Voprosy votsareniya i smerti Uzbek-khana [Questions of the Ascension and Death of Uzbek Khan]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. No. 6, pp. 112–120. (In Russian)

18. Loenertz R.-J. Deux évêques dominicains de Caffa. Frère Thaddée d'Arménie et Frère Matthieu Manni de Cortone. *Archivum Fratrum Praedicatorum*. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1949, vol. 5, pp. 346–357. (In French)

19. Loenertz R.J. *La Société des Frères Pérégrinants. Étude sur l'Orient Dominicain*. Vol. I: *Étude sur l'Orient dominicain*. Roma: Istituto Storico Domenicano, 1937. xii + 209 p. (In French)

20. *Monumenta Franciscana*. Vol. I: *Scilicet, 1. Thomas de Eccleston De adventu Fratrum Minorum in Angliam. 2. Adae de Marisco epistolae. 3. Registrum Fratrum Minorum Londoniae*. Brewer J.S. (ed.). London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1858. (In Latin)

21. *Monumenta historiae Patriae edita iussu regis Caroli Alberti*. Vol. II: *Leges*. Tom. I. Torino: Augustae Taurinorum Reg. Typograph., 1838. xxiv + 1774 cols. (In Latin)

22. Moule A.C. Textus trium novorum documentorum e Tartaria Aquilonari an. 1314–1322. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, vol. 17, pp. 65–71. (In Latin)

23. Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. *Archivum Franciscanum Historicum*. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, vol. 16, no. 1–2, pp. 104–112. (In Latin)

24. Moule A.C. Fourteenth Century Missionary Letters. *The East & the West: A Quarterly Review for the Study of Missionary Problems*. Westminster: Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts, 1921, vol. 19, pp. 357–366.

25. Pachymeres G. *Relations historiques*. Vol. 3: *Livres VII–IX*. Failler A. (ed.). Paris: Institut français d'études byzantines, 1999. (In French)

26. *Pamyatniki russkogo prava*. Is. 3: *Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv.* [Monuments of Russian Law. Issue 3: Monuments of the Law from the Period of the Russian Centralized State's Formation in the 14th–15th centuries]. Cherepnin V.L. (ed.). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1955. 527 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. VII: *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VII: The Chronicle according to the Voskresenskaya Copy]. Bychkov A.O. (ed.). St. Petersburg: Tipografiya Eduarda Pratsa, 1856. 345 p. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. X: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu (prodolzhenie)* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. X: The Chronicle Collection Called the Patriarch's or Nikonovskaya Chronicle (continued)]. Bychkov A.O. (ed.). Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1885. 244 p. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. XVIII: *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XVIII: The Simeonovskaya Chronicle]. Presnyakov A.E. (ed.). Saint Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913. 316 p. (In Russian)

30. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. XXIII: *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIII: The Ermolinskaya Chronicle]. Pokrovskiy O.I. (ed.). Saint Petersburg: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1910. 239 p. (In Russian)

31. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. XXV: *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV: The Moscow Annalistic Svod of the end of the 15th century]. Tikhomirov M.N. (ed.). Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1949. 462 p. (In Russian)

32. Power A. *Roger Bacon and the Defence of Christendom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. x + 303 p.

33. Qāshānī, Abū al-Qāsim ‘Abd Allāh ibn ‘Alī. *Tārīkh-i Uljāyūtū*. Hambalī M. (ed.). Tīhrān: Bungāh-i tarjumah va nashr-i Kitāb, 1969. 19 + 287 + viii p. (In Persian)

34. Richard J. The Missions to the North of the Black Sea (Thirteenth to Fifteenth centuries). *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions*. Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate, 2013, pp. 343–356.

35. Richard J. Les missions au nord de la mer Noire (XIIIe–XVe siècles). *Il Codice cumano e il suo mondo: Atti del Colloquio internazionale, Venezia, 6–7 dicembre 2002*. Schmieder F., Schreiner P. (eds.). Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2005, pp. 231–246. (In French)

36. Richard J., *La Papauté et les missions d’Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles)*. 2ème éd. Rome: École Française de Rome, 1998. xxxiv + 331 p. (In French)

37. Richard J. Deux évêques dominicains agents de l’Union arménienne au Moyen-Age. *Archivum Fratrum Praedicatorum*. Romae: Institutum Historicum Fratrum Praedicatorum Romae ad S. Sabinae, 1949, vol. 19, pp. 255–265. (In French)

38. Ryan J.D. Christian Wives of Mongol Khans: Tatar Queens and Missionary Expectations in Asia. *The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions*. Ryan J.D. (ed.). Farnham: Ashgate, 2013, pp. 285–295.

39. Sargsyan T. *Svod armyanskikh pamyatnykh zapisey, otnosyashchikhsya k Krymu i sopredel’nyim regionam (XIV–XV vv.)* [The Collection of Armenian Commemorative Records Related to Crimea and the Adjacent Regions (14th–15th centuries)]. Simferopol: SONAT, 2010. 320 p. (In Russian)

40. Sinor D. Some Latin Sources on the Khanate of Uzbek. *Essays on Uzbek History, Culture, and Language*. Nazarov B. et al. (eds.). Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies, 1993, pp. 110–119.

41. Sokolov P.P. Podlozhnyy yarlyk khana Uzbeka mitropolitu Petru [The Counterfeit Yarlik of Uzbek Khan to Metropolitan Petr]. *Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal]. Petrograd, 1918, vol. 5, pp. 70–85. (In Russian)

42. Soranzo G. *Il Papato, l’Europa cristiana e i Tartari*. Milano: Vita e pensiero, Pubblicazioni dell’Università Cattolica del Sacro Cuore, 1930. xii + 624 p. (In Italian)

43. Starzer A., Redlich O. *Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts*. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894. 422 p. (In German, Latin)

44. Tānase T. Frère Jérôme de Catalogne, premier évêque de Caffa, et l’Orient franciscain. *Espaces et Réseaux en Méditerranée VIe–XVIe siècle*. Vol. II: *La formation des réseaux*. Coulon D. et al. (ed.). Saint-Denis: Centre de recherche d’histoire et civilisation de Byzance, 2010, pp. 127–166. (In French)

45. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom I: *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Related to the Golden Horde’s History. Vol. I: Extracts from the Arabic Writings]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1884. 579 p. (In Russian)

46. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy*. Tom II: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde’s History. Vol. II: Extracts from the Persian Writings]. Romaskevich A., Volin S. (eds.). Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1941. 306 p. (In Russian)

47. *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354*. Gibb H.A.R. (tr.). Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1962, vol. II. xii + 266 p.

48. *Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta* [The Troitskaya Chronicle. Reconstruction of the Text]. Priselkov M.D. (ed.). Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1950. 514 p. (In Russian)

49. Uskenbay K. *Vostochnyy Dasht-i Kipchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Dasht-i Kipchak in the 13th – early 15th century. Problems of the Ethnopolitical History of the Ulus of Jochi]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. 288 p. (In Russian)

50. Uzelac A. *Zolotaya Orda i Balkany (XIII–XIV veka)* [The Golden Horde and the Balkans (13th–14th century)]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Khakimov R., Favereau M., Trepavlov V., Mirgaleev I., Hautala R. (eds.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 384–403. (In Russian)

51. Vásáry I. *Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries*. Burlington: Ashgate Publishing, 2007. x + 352 p.

About the author: Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (1, Pentti Kaieran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016. E-mail: romanhautala@gmail.com

*Received March 1, 2019 Accepted for publication May 30, 2019
Published June 29, 2019*

СОПОСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ВОСТОЧНЫХ И МИССИОНЕРСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Роман Хаутала^{1,2}

¹ *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

² *Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Цель исследования: автор настоящей статьи стремится привлечь внимание исследователей к целому корпусу малоизвестных латинских источников, касающихся подробностей развития католического миссионерства на территории Золотой Орды начиная со второй половины XIII века.

Материалы исследования: эти источники представляются важными в первую очередь по той причине, что они включают «внутренние» источники, а именно, отчеты католических миссионеров, составленные на территории Золотой Орды и отправленные руководству мендикантских орденов (в основном францисканского ордена меньших братьев) в Европе. Они также включают «внешние» источники, то есть папские буллы, адресованные золотоордынским правителям, самим миссионерам во владениях этих правителей, как и их поданным в степях и городах Золотой Орды, воспринимавшимся Римской курией в качестве непосредственных объектов миссио-

нерской деятельности. Кроме того, к «внешним» латинским источникам причисляются нарративные описания францисканских хронистов, получавших сведения либо непосредственно от миссионеров, возвратившихся из Золотой Орды, либо посредством их несохранившихся посланий.

Новизна данного исследования заключается в сравнении уже хорошо известных источников по Золотой Орде с содержанием отчетов мендикантов, папских булл и францисканских хроник, которые позволяют автору существенно разнообразить сведения по ее истории.

Результаты исследования: в частности, автор прибег к сопоставлению совершенно независимых друг от друга миссионерских и ориентальных (то есть мамлюкских, персидских, русских, греческих и армянских) источников в стремлении продемонстрировать полезность такого сравнения для уточнения уже имеющихся сведений и выявления новых, как и в попытке обосновать важность представленных в статье миссионерских источников.

Ключевые слова: сравнение разнородных источников, история Золотой Орды, восточные источники, католические миссии на востоке, францисканские отчеты, папские буллы, францисканские хроники

Для цитирования: Hautala R. Comparing Eastern and Missionary Sources on the Golden Horde's History // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 208–224. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.208-224

Сведения об авторе: Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, ResearcherID: H-9114-2016. E-mail: romanhautala@gmail.com

*Поступила 01.03.2019 Принята к публикации 30.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

УДК 94(47)"10/12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.225-241

**РУССКИЕ ВНУКИ ПОЛОВЕЦКИХ КНЯЗЕЙ
(К ВОПРОСУ О ПОЛОВЕЦКИХ РОДСТВЕННЫХ
СВЯЗЯХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ НА РУСИ
В XI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВВ.)**

Ю.В. Селезнёв

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
orda1359@mail.ru*

Цель: построение вербальной модели родственных связей половецких и русских князей в XI – первой половине XIII вв. для выяснения роли матримониальных связей с кочевниками в политической жизни русских княжеств того времени.

Материалы исследования: анализ свидетельств летописных известий, материалы исторических, источниковедческих и археологических исследований.

Результаты и научная новизна: построена вербальная модель родственных связей русских и половецких князей в XI–XIII вв. Впервые отмечена роль внуков половецких князей во внутрирусской истории рассматриваемого периода и использование ими своих родственных связей в половецком обществе для решения своих политических задач. Вполне закономерно и в определенной степени неизбежно то, что представители живущих по соседству народностей заключают между собой брачные союзы. Не являются исключением половцы и русские в XI–XIII вв. Летописные источники фиксируют в первую очередь браки представителей правящей элиты народов и государств, между русскими и половецкими князьями. Несомненно, что подобные династические союзы представляли собой политическую декларацию дружественных и союзнических намерений, в том числе в военной сфере. Сами князья, их дети и внуки оказывались в сложной системе родства и свойства, как на Руси, так и в Половецкой степи. Это способствовало тому, что князья, как русские, так и половецкие, и их дети могли рассчитывать не только на мирное взаимодействие с породнившимися кланами и племенами, но и на поддержку своих родственников вооруженными силами. Свидетельства летописных источников позволяют нам проследить одиннадцать браков русских князей с дочерьми половецких правителей. Потомки этих союзов – внуки половецких князей – принимали в той или иной степени участие в политической жизни на Руси. Известия летописей позволяют нам выделить привлечение князьями своих половецких родственников в качестве союзников в решении своих политических задач, либо выявить противостояние с половецкими войсками дружин рассматриваемых князей. Анализ этих свидетельств позволяет предполагать степень вовлеченности «половецкого фактора» в политическую жизнь Восточной Европы XI–XIII вв. В рамках матримониальных связей фиксируются брачные союзы внуков и внучек половчанок с европейскими дворами, что показывает значительный вес, приобретенный половецкой знатью к середине XIII в., на международной арене. Случаев же выдачи замуж за половецкого князя русских княжен или боярынь в источниках не зафиксировано.

Ключевые слова: Русь, Половецкая степь, Киев, матримониальные связи, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский

Для цитирования: Селезнёв Ю.В. Русские внуки половецких князей (к вопросу о половецких родственных связях в политической борьбе на Руси в XI – первой половине XIII вв.) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 225–241. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.225-241

**THE RUS GRANDCHILDREN OF THE POLOVTSIAN PRINCES
(THE QUESTION OF POLOVTSIAN KINSHIP
IN THE POLITICAL STRUGGLE IN RUS
FROM THE 11TH TO THE FIRST HALF OF THE 13TH CENTURY)**

Ju.V. Seleznev

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
orda1359@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* A reconstruction of a verbal model of kinship relations among the Polovtsian and Rus princes from the eleventh to the first half of the thirteenth century in order to clarify the role of matrimonial relations with nomads in the political life of the Rus principalities of the time.

Research materials: The analysis is based on evidence from chronicles, historical source studies, and archaeological research.

Results and novelty of the research: The author reconstructed a verbal model for the kinship of the Rus and Polovtsian princes (c. 1000s–1250). He emphasized for the first time the role of the grandchildren of the Polovtsian princes in Rus history during the period, and the use of kinship in the Polovtsian society to solve their political problems. The fact that representatives of these neighboring nations entered into marriage unions is quite natural and to some extent inevitable. The Polovtsians and the Rus in the established timeframe were no exception. The chronicles record first of all the marriages of representatives of the ruling elite of peoples and states, between the Rus and Polovtsian princes. There is no doubt that such dynastic unions were a political declaration of friendly and shared intentions, including those that pertained to the military sphere. The princes, their children, and grandchildren found themselves in a complex system of kinship both in Rus and in the Polovtsian steppe. This contributed to the fact that the Rus and Polovtsian princes and their children could count not only on peaceful interaction with the paired clans and tribes, but also on the military support of their relatives. The testimony of the chronicles allows us to trace eleven marriages of Rus princes with the daughters of the Polovtsian rulers. The descendants of these unions – the grandchildren of the Polovtsian princes – took part in political life in Russia to one degree or another. The chronicles' accounts allow us to show how the princes used their Polovtsian relatives as allies in solving their political issues along with the confrontation of the princes' squads with Polovtsian troops. An analysis of these testimonies makes it possible to determine the degree of influence of the "Polovtsian factor" on the political life of Eastern Europe from the eleventh to the first half of the thirteenth century. Marriage unions of Polovtsian grandchildren and granddaughters with European courts are recorded within the framework of dynastic ties, and this reflects the significant role of Polovtsian nobility in the international arena by the middle of the thirteenth century. However, the sources did not record any cases of a marriage between Polovtsian princes and Rus princesses or boyarynyas.

Keywords: Rus, Polovtsian steppe, Kiev, matrimonial relations, Vladimir Monomakh, Yuri Dolgoruky, Andrei Bogolyubsky

For citation: Seleznev Ju.V. The Rus Grandchildren of the Polovtsian Princes (The Question of Polovtsian Kinship in the Political Struggle in Rus from the 11th to the first half of the 13th century). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 225–241. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.225-241

Одним из аспектов взаимоотношений русских князей с половецкой знатью является наличие смешанных браков между половецкими и русскими правящими родами. Дети от данных браков оказывались в системе родства и свойства, как на Руси, так и в Половецкой степи. Князья и их дети могли рассчитывать не только на мирное взаимодействие с породнившимися кланами и племенами, но и на военно-политическую поддержку своих родственников. Причем, мы можем предполагать, что и половецкие князья рассчитывали на военные силы своих русских родичей.

Самым ранним браком с половецкой считается женитьба князя Всеволода Ярославича (князя Переяславского, а позже – великого князя Киевского) [9, с. 239, 346]. Сведения о данном браке основываются на труде В.Н. Татищева, который не пояснил источники своего умозаключения: «Всеволод I... Супруги: 1) дочь Константина Мономаха; 2) Анна, княжна половецкая; умерла в 1111-м. Дети: от первые Владимир II Мономах; от вторые Ростислав переяславский...» [42, с. 505]. Этот вывод, как устоявшийся повторили Е. Филиповский («Всеволод I или Андрей Ярославич... В супружестве имѣлъ I ю Греческую Цесаревну Анну Константиновну, дочь Императора Константина IX Мономаха Багрянороднаго, которая сочеталась браком въ 1046, скончалась же 1067 года въ Ноябрь мѣсяцѣ, погребена подлѣ гроба супруга своего. – 2 ю Княжну Половецкую во Св. крещении Анну, сочетавшись съ нею въ 1068; а скончалась она 1111 года Октября 7 числа») [45, с. 69] и М.Ф. Берлинский, описывая монастырь св. Андрея в Киеве: «Въ семь монастыре погребена Княжна Половецкая Анна, супруга Всеволода Ярославича, въ 1111 году» [1, с. 165]. Эти авторы также не приводят аргументов и свидетельств, подтверждающих данные суждения. Прямых или косвенных известий о половецком происхождении второй жены князя Всеволода Ярославича в источниках не встречается. Следует признать причисление второй супруги князя Всеволода Ярославича к половецким княжнам если не ошибочным, то преждевременным. К детям от этого брака обычно относят Ростислава, Евпраксию (Адельгейду) и Екатерину [9, с. 239, 346, 415, 417]. При этом гибель князя Ростислава в 1093 г. в битве с половцами у р. Стугна свидетельствует, скорее, о том, что он не являлся потомком половецких князей, а его мать и вторая жена князя Всеволода не была половецкой [14, с. 18, 202; 17, стб. 218–225; 18, стб. 209–216; 19, с. 136; 20, стб. 207; 21, с. 6–7; 22, с. 120–123; 27, с. 25; 28, с. 71; 30, с. 45; 32, с. 51; 34, с. 39; 35, с. 71; 36, с. 99].

Первым надёжно зафиксированным браком между русским князем и половецкой княжной является женитьба князя Олега Святославича на дочери половецкого князя Осулука. Известно о нём из упоминаний о событиях 1146 г., когда половецкие князья Камос и Тюнрак (Тюнрако), сыновья Осулука, выступили союзниками князя Святослава Ольговича Новгород-Северского (сына Олега Святославича). Дело в том, что Камос и Тюнрак названы уями – дядьями по материнской линии – князя Святослава Ольговича [18, стб. 329–335, 338–339; 21, с. 36–37; 22, с. 170–171; 34, с. 43; 5, с. 113; 6, с. 186–188, 16, с. 107–108]. Это указывает на то, что женой князя Олега (вероятно, второй) была половецкая княжна, дочь князя Осулука и сестра Камоса и Тюнрака.

Сам князь Олег Святославич привлекал половцев к решению военно-политических задач летом-осенью 1078 г. [14, с. 18; 201; 17, стб. 200–202; 18, стб. 191–193; 19, с. 133–134; 20, стб. 204; 21 с. 2; 22, с. 107–108; 28, с. 68–69; 27,

с. 24; 32, с. 49; 34, с. 38–39; 35, с. 69; 36, с. 98; 6, с. 104; 15, с. 116; 16, с. 42–43; 39, с. 70. 41, с. 101–103]; летом 1079 г. [14, с. 18; 201; 17, стб. 204, 248; 18, стб. 196; 19, с. 134; 20, стб. 204; 21, с. 3; 22, с. 109; 27, с. 24; 28, с. 69; 30, с. 44; 32, с. 49; 34, с. 39; 35, с. 69; 36, с. 71; 6, с. 107; 15, с. 116; 41, с. 108–110]; **летом (июль) 1094 г.** [17, стб. 226, 249; 18, стб. 216–217; 19, с. 137; 20, стб. 207–208; 21, с. 8; 22, с. 123; 30, с. 45; 32, с. 51; 36, с. 71; 15, с. 117] (**три** раза). Несмотря на то, что именно применительно к действиям князя Олега Святославича летописец заметил, что «наведе Олег поганья на Рускую землю» [18, стб. 217], после 1094 г. князь выступает противником половецких отрядов: зимой – весной 1097 г. князь Владимир Всеволодович прислал на помощь своему сыну Мстиславу половецкий отряд (во главе с другим сыном Вячеславом) [14, с. 19, 202; 17, стб. 239–240; 18, стб. 229–230; 21, с. 11–12; 22, с. 128–129; 27, с. 26; 28, с. 71 (под 1095 г.); 34, с. 40; 6, с. 120–121; 9, с. 351, 540; 41, 148–151]; летом (июль–август) 1107 г. Олег уже входит в коалицию князя Владимира Всеволодовича и выступает против половцев и участвует в отражении их набега [17, стб. 249–250, 281; 18, стб. 258; 21, с. 20–21; 22, с. 141; 27, с. 29; 28, с. 72; 32, с. 56; 34, с. 40; 35, с. 72; 6, с. 136; 7, с. 49; 8, стб. 83; 16, с. 57–58, 160]; летом (после 16–20 апреля) 1113 г. Олег участвует в аналогичных действиях (узнав о приближении войск русских князей во главе с Владимиром Мономахом, половцы отступили в степь) [17, стб. 250; 18, стб. 276; 6, с. 141; 16, с. 61].

Сын Олега Святославича и дочери Осулука князь Святослав также использовал половецкие войска в качестве союзных при решении своих политических проблем и задач. Кроме упомянутого случая в связи с усабицей осени 1146 – зимы 1146–1147 гг. (от Дедославля в январе 1147 г. половцы, получив богатые дары за военную поддержку, были отпущены), половецкие союзники князя Святослава фиксируются летом 1136 (июнь–август), когда половцы выступили союзниками Всеволода Олеговича Черниговского и его братьев Святослава и Игоря (правда, участие Святослава и Игоря отмечено только в позднем Никоновском своде, что вызывает сомнение в достоверности свидетельства.); летом–осенью 1137 г. (до 11 февраля 1138 г.), когда он (тогда занимавший новгородский стол) и его брат Глеб Курский пытаются выгнать из Пскова князя Всеволода Мстиславича [14, с. 25, 210; 19, с. 148; 20, стб. 224; 22, с. 161; 6, с. 164]; летом (до 1 августа) 1146 г., когда в рамках большой коалиции, возглавляемой старшим братом Святослава Всеволодом Киевским, половцы участвуют во вторжении в Галицкую землю (сам Святослав был оставлен в Киеве командовать гарнизоном и обеспечивать тыл войскам) [18, стб. 319; 16, с. 91, 107]; под 1147 г., когда они приходят вновь на помощь к Святославу и двигаются на Черниговские земли [18, стб. 341–342, 356, 357–358; 21, с. 39–44; 22, с. 173; 34, с. 43–44; 16, с. 108], а также один из отрядов разоряет часть Смоленской земли [18, стб. 329–335, 338–339; 6, с. 192; 16, с. 97]; под 1148 г., когда черниговские Давыдовичи и Ольговичи ведут боевые действия против Изяслава Мстиславича Киевского [18, стб. 360–362]; под 1151 г. (апрель–май) в рамках большой коалиции князей во главе с суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким во время похода на Киев [10, с. 64–65; 17, стб. 328–335; 18, стб. 424–443; 21, с. 51–55; 22, с. 187–189; 28, с. 77; 32, с. 65; 34, с. 46–48; 6, с. 8. с. 196, 218–219; 16,

с. 90–91, 108–109]. Всего фиксируется **восемь** случаев участия князя Святослава Ольговича в союзных действиях с половцами.

Однако летом 1159 г. [10, с. 74; 17, стб. 349; 19, с. 158; 34, с. 50] и осенью–зимой 1159/1160 гг. [10, с. 74; 17, стб. 350; 18, стб. 508; 21, с. 72; 22, с. 215–216; 6, с. 250] половцы выступили сторонниками князя Изяслава Давыдовича – противника князя Святослава Ольговича. Надо полагать, что противниками князя были половцы из иного, не родственного ему клана.

Прямое указание на матримониальные связи с половцами зафиксировано в источниках под 1094 г. Тогда был заключен брак между киевским князем Святополком Изяславичем и дочерью половецкого князя Тугорканя, которая при крещении, по всей вероятности, получила имя Елена [9, с. 417]. Целью было закрепление заключенного с половцами мира [17, стб. 226; 18, стб. 216]. Длительных мирных отношений, однако, данный брачный союз не принес – в 1096 г. при набеге на Переяславль Тугоркань погиб в битве с войсками своего зятя Святополка. Тем не менее, от этого брака родились сыновья: Брячислав и Изяслав, которые, таким образом, оказываются *внуками* Тугорканя. Свидетельств об участии в их политических действиях половцев не известно.

Следующий брачный альянс был также связан с мирными переговорами. В конце 1107 г. в степь оправилась представительная делегация: «иде Володимеръ и Давыдъ, и Олегъ, къ Аепѣ, и ко другому Аепѣ, и створиша миръ». Переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах для укрепления мирных договоренностей женил своего сына Юрия (Долгорукого) [9, с. 240] на дочери князя Аепы, сына Осеня (Асеня), а Олег Святославич Черниговский женил своего сына (Глеба или Святослава) на дочери также Аепы, только сына князя Гиргеня [17, стб. 282–283; 18, стб. 259]. Свадьбу сыграли 12 января 1108 г.

Жена Юрия Долгорукого в крещении получила имя Анна [9, с. 240] и у неё родились сыновья – Андрей (Боголюбский) и Борис; и дочь, неизвестная по имени [9, с. 359].

Князь Юрий Владимирович привлекал половцев в качестве союзников в усобной борьбе шесть раз: в июле–августе 1149 г. князю при помощи половцев удалось занять Переяславль и Киев [10, с. 60; 17, стб. 320–321; 18, стб. 373–389; 21, с. 46; 22, с. 182; 16, с. 90]; осенью 1149 г., вероятно, тот же отряд по распоряжению князя Юрия разорил земли около Луцка [10, с. 61; 18, стб. 387–391; 21, с. 47]; весной (апрель–май) 1151 г. князь Юрий привлёк половцев для штурма Киева, однако компания сложилась для него и половцев не удачно [10, с. 64–65; 17, стб. 328–335; 18, стб. 424–443; 21, с. 51–55; 22, с. 187–189; 28, с. 77; 32, с. 65; 34, с. 46–48; 6, с. 218–219; 16, с. 90–91, 108–109]; осенью 1152 г. – зима 1153 г. (до 18–19 февраля) в походе на Черниговское княжество и осаде Чернигова [10, с. 68–69; 17, стб. 338–340; 18, стб. 455–458; 21, с. 58–59; 22, с. 194–195; 28, с. 77; 32, с. 66; 35, с. 75; 6, с. 224–225; 16, с. 97–98, 108]; летом 1154 г. (однако из-за мора в войсках князя Юрия военных действий не велось) [10, с. 69–70; 17, стб. 341; 18, стб. 468; 21, с. 60; 22, с. 198; 6, с. 228]; зимой–весной 1155 г. в походе на черниговские земли (войска возглавлял князь Глеб Юрьевич) [10, с. 70–71; 17, стб. 342–344; 18, стб. 474–476; 19, с. 153–154; 21, с. 62; 22, с. 200–201; 30, с. 50; 32, с. 67; 36, с. 102; 6, с. 234].

Зафиксирован и единственный случай (летом 1136 (июнь–август)), когда половцы выступили союзниками Всеволода Олеговича Черниговского и его

братьев Святослава и Игоря, а, соответственно, противниками Мономашичей: Ярополка Владимировича Киевского и его братьев – Юрия и Андрея [19, с. 147–148; 20, стб. 223; 22, с. 159–160; 36, с. 100–101]. Внук Осулука (Святослав) и зять Аепы (Юрий) казались по разные стороны противостояния.

Дети князя Юрия Владимировича суздальского, в частности, Ростислав и Андрей участвовали в военно-политических акциях отца осенью 1149 г. [10, с. 61; 18, стб. 387–391; 21, с. 47]. Летом (до Воздвиженья (14 сентября)) 1150 г. они вдвоем противостоят набегу половцев на Переяславль-Южный [10, с. 63; 17, стб. 328; 18, стб. 404; 21, с. 49; 22, с. 184; 6, с. 192]. В 1154 г. к половцам для переговоров князь Юрий Владимирович направил своего сына Глеба [18, стб. 468].

Князю Андрею Юрьевичу пришлось столкнуться с половцами летом 1154 г., когда кочевники выступили союзниками рязанского князя Ростислава Ярославича и изгнали суздальского князя из Рязани [34, с. 48].

В коалиции с половцами князь вступал осенью-зимой 1159/1160 г. (коалицию возглавлял князь Изяслав Давыдович, а суздальские войска – сын Андрея Изяслав) [10, с. 74; 17, стб. 350; 18, стб. 508; 21, с. 72; 22, с. 215–216; 6, с. 250]; в Никоновском своде сохранилось свидетельство об участии половцев во взятии Киева коалицией русских князей во главе с князем Андреем Юрьевичем в 1169 г. [22, с. 236–237.]. Таким образом, князь Андрей Юрьевич только дважды (причем, один достаточно сомнительный эпизод) привлекал в качестве союзников половецкие отряды.

Летописец не называет имени сына, которого женил на дочери половецкого правителя князь Олег Святославич. В.Н. Татищев, вероятно, исходя из более поздних союзнических отношений князя Святослава Ольговича с Юрием Владимировичем Суздальским, назвал именно его (Святослава) мужем внучки половецкого князя Гиргеня [43, с. 141]. Это заключение стало важным доводом для реконструкции половецкого родства князя Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве», который оказывается в этом случае не только внуком, но и сыном половецкини [см., например: 5, с. 113; 38, с. 107]. Однако Е.В. Пчелов обратил внимание на указание в «Учении» Кирика Новгородца, созданном в 1136 г. при князе Святославе Ольговиче, что ему, князю, шел тогда тридцатый год. Автор делает вполне закономерный вывод: Святослав Ольгович родился около 1106–1107 гг., и он не мог быть тем сыном Олега, которого женили одновременно с Юрием Владимировичем [37, с. 71]. Следовательно, Олег предложил в качестве претендента на династический союз другого своего сына: Игоря или Глеба. Показательно, что летом-осенью 1137 г. князь Глеб Ольгович, занимавший тогда курский стол, приводит на помощь своему брату Святославу для похода на Псков половецкий отряд [14, с. 25, 210; 19, с. 148; 20, стб. 224; 22, с. 161; 6, с. 164]. Можно предполагать, что Глеб привлек к военным действиям полки своих родственников. И тогда именно он должен быть сыном Олега, женившимся на внучке Гиргеня в 1108 г.

На момент заключение брака князю Юрию Владимировичу было около десяти лет [аргументацию см.: 37, с. 71]. Надо полагать, что и князь Глеб на тот момент был такого же возраста, то есть, его рождение можно отнести ко времени около 1098 г. Если принимать датировку брака князя Олега с дочерью князя Осулука, относимую традиционно к около 1094 г., то Глеб также

как Святослав являлся сыном половчанки. Если же его считать младшим сыном первой жены Олега, то он мог появиться на свет не позже 1094 г., и тогда в 1108 г. ему было около 14 лет.

У Глеба Ольговича и его супруги известно двое их сыновей – Изяслав и Ростислав, князей курских [9, с. 359]. Их участие в усобицах с привлечением половцев в источниках не зафиксировано.

В 1117 г. Владимир Мономах женил на половчанке ещё одного своего сына Андрея, «поя... внуку Тугъртъканову» [18, стб. 285]. В следующем 1118 г. Андрей стал владими́ро-во́лынским князем (позже, и Переяславским). От этого брака у супругов родились сыновья Ярополк и Владимир (князья дорогобужские), а также дочь, неизвестная по имени. Вероятно, Владимир Мономах, заключая браки своих сыновей с половчанками, пытался обезопасить их уделы от вторжения кочевников. Однако Андрей Владимирович дважды (летом 1136 (июнь–август) [19, с. 147–148; 20, стб. 223; 22, с. 159–160; 36, с. 100–101] и летом (после апреля) 1138 г. [10, с. 53; 17, стб. 305; 18, стб. 301; 21, с. 31; 22, с. 162; 28, с. 75; 32, с. 61; 34, с. 42; 6, с. 165; 16, с. 107]) входил в коалиции князей, которые воевали с войсками, на стороне которых выступали половецкие отряды. Сам князь Андрей и его сыновья не замечены в привлечении половцев в усобную брань. Тем не менее, князь Владимир Андреевич в рамках борьбы за власть в 1140–1160-е гг. неоднократно входил в те или иные коалиции, к которым присоединялись и половецкие отряды (весной (апрель–май) 1151 г. (во главе коалиции – князь Юрий Владимирович Суздальский) [10, с. 64–65; 17, стб. 328–335; 18, стб. 424–443; 21, с. 51–55; 22, с. 187–189; 28, с. 77; 32, с. 65; 34, с. 46–48; 6, с. 218–219; 16, с. 90–91, 108–109]; летом 1159 г. (во главе коалиции – князь Изяслав Давидович Киевский) [10, с. 74; 17, стб. 349; 19, с. 158; 34, с. 50]; зимой–весной 1169 г. (во главе коалиции – князь Андрей Юрьевич Суздальский) [22, с. 236–237]). Однако князь Владимир Андреевич оказывался и в коалициях, где противником выступали и половецкие отряды: зимой (до 22 декабря) 1158 г. [17, стб. 349–350; 18, стб. 499–501; 21, с. 69; 22, с. 213; 30, с. 51; 32, с. 69; 34, с. 50; 35, с. 76; 6, с. 247–248; 16, с. 103–104; 39, с. 121] и летом 1160 г. [18, стб. 499–505; 6, с. 249].

Уникальный случай выхода замуж за половецкого князя русской княгини (точнее, вдовы) упоминают летописи под 1158 г. В июле 1151 г. умирает князь Владимир Давыдович Черниговский. Его жена (дочь Всеволодко Давыдовича Городенского и Агафьи (дочь Владимира Мономаха)) бежит в половецкую степь и выходит замуж за князя Башкорда, который впоследствии выступает союзником её сына от первого брака [17, стб. 349–350; 18, стб. 499–501; 21, с. 69; 22, с. 213; 30, с. 51; 32, с. 69; 34, с. 50; 35, с. 76; 6, с. 247–248; 16, с. 103–104; 39, с. 121].

В 1163 г. князь Ростислав Мстиславич «приведе» Белуковну «князя Половецкого дочь ис Половецъ, за сына своего за Рюрика». После упоминания о бракосочетании отмечается, что «того же лѣта и миръ взя с Половци...» [18, стб. 521–522]. Вероятно, брак носил политический характер и являлся залогом мирного договора между половцами и князем Ростиславом Мстиславичем, занимавшем в то время верховный киевский стол. До своей женитьбы на половецкой княжне князь Рюрик Ростиславич летом 1159 г. воевал против князя Изяслава Давидовича Киевского, союзниками которого были половцы [10, с. 74; 17, стб. 349; 19, с. 158; 34, с. 50]. После своей женитьбы (брак про-

длился с 1163 по 1171 гг.) князь Рюрик Ростиславич выступал против половецких войск двенадцать раз: в марте 1168 г. (входил в коалицию князя Мстислава Изяславича Киевского) [18, стб. 538–541; 21, с. 82–83; 22, с. 235; 34, с. 51; 6, с. 271; 7, с. 50; 16, с. 154–155 (под 1170 г.); 39, с. 135–136, 208]; в июне 1177 г. отражал набег [18, стб. 603; 6, с. 295; 7, с. 51]; летом 1184 г. (входил в коалицию князей, во главе с князем Святославом Всеволодовичем Киевским) [10, с. 95–96; 17, стб. 394–396; 18, стб. 630–633; 19, с. 172–173; 20, стб. 246–247; 21, с. 97–98; 23, с. 11–12; 24, стб. 46; 25, с. 28–29; 28, с. 83; 30, с. 56; 31, с. 36; 32, с. 75; 33, с. 65; 34, с. 55; 35, с. 80; 36, с. 106; 6, с. 306–308; 16, с. 147; 39, с. 18, 173, 203, 208–210, 226]; в январе–феврале 1185 г. (отражал набег Кончака) [18, стб. 634–636; 6, с. 308–309; 7, с. 51; 16, с. 87, 119, 136, 159; 39, с. 203, 212–216, 227]; летом 1185 г. участвовал в организации обороны от половецких вторжений, когда князь Игорь (герой «Слова о полку Игореве») и его поражение в степи «отвориша ворота на Роусьскою землю» [10, с. 97; 17, стб. 397–400; 18, стб. 644–651; 23, с. 23; 25, с. 30; 32, с. 76; 6, с. 312–313; 39, с. 256–271]; весной (февраль–март) 1187 г. отражал набег половцев [18, стб. 652; 6, с. 316; 7, с. 51–52; 16, с. 89; 39, с. 282]; зимой 1187–1188 гг. участвовал в походе в степь на половцев в составе коалиции во главе со Святославом Всеволодовичем Киевским [18, стб. 653–654, 659; 6, с. 316–317; 16, с. 152]; зимой 1192–1193 гг. отражал набег половцев [18, стб. 679]; осенью 1196 г. половцы были союзниками его противника Ярослава Всеволодовича Черниговского [18, стб. 698–700; 23, с. 30]; зимой 1203–1204 гг. возглавлял коалицию князей во время похода на половцев [10, с. 106–107; 14, с. 240; 17, стб. 420; 23, с. 36; 24, стб. 47; 25, с. 38; 32, с. 80; 6, с. 339]; зимой 1206 г. [17, стб. 428; 21, с. 113; 23, с. 54; 32, с. 81] и в 1207 г. [17, стб. 429 (*половцы в источнике напрямую не названы. Однако фигурируют «поганые»*)] половцы были сторонниками его противника князя Всеволода Святославича.

Князь Рюрик Ростиславич участвовал в коалициях или сам приглашал половцев как союзников **шесть** раз: осенью 1195 г. – зимой 1195–1196 гг. (с Рождества Христова – 25 декабря) [14, с. 42; 235; 18, стб. 690; 23, с. 28; 6, с. 332; 16, с. 92] и летом 1196 г. [18, стб. 694–695; 23, с. 28; 6, с. 334] половцы оказывали военную поддержку князю Рюрику в его противостоянии с князем Ярославом Всеволодовичем Черниговским; зимой 1202/1203 гг. (князь Рюрик с половцами захватил Киев) [10, с. 105–106; 14, с. 45; 240; 17, стб. 418; 19, с. 180; 23, с. 34–35; 25, с. 38; 28, с. 85; 32, с. 76; 34, с. 57; 35, с. 81; 36, с. 106; 6, с. 339; 39, с. 290]; летом (после 19 июня) 1205 г. возглавлял поход на Галич [3, с. 184–186; 18, стб. 717–718; 23, с. 51]; летом 1206 г. также в походе на Галич [17, стб. 425; 21, с. 112–113; 23, с. 51–52; 27, с. 42–43]; в октябре–ноябре 1207 г. вновь при захвате Киева [23, с. 59 (события описано только в позднем источнике, поэтому их реальность может вызывать сомнения)]. Из приведённой статистики нетрудно заметить, что противником половцев князь Рюрик Ростиславич выступал в два раза чаще, чем союзником.

Считается, что первенцем от второго брака князя Рюрика с Анной, дочерью князя Юрия Ярославича Туровского, был Ростислав, родившийся в 1172 г. Надо полагать, что брак с Анной был заключен не ранее 1171 г. Следовательно, в первом браке с половецкой княжной князь Рюрик Ростиславич прожил около семи лет. В 1180-е годы князь Рюрик Ростиславич выдает за-

муж одну за другой своих дочерей, которые, если бы были младше его старшего сына Ростислава, то к указанному времени не достигли бы брачного возраста. Тогда вполне логично предположение, что они были старшими его сестрами и, следовательно, дочерьми князя Рюрика от первого брака, то есть, внучками половецкого князя Белука.

Итак, в 1182 г. замуж за князя Глеба Святославича (сына киевского князя Святослава Всеволодовича) была выдана Анастасия Рюриковна [18, стб. 625]. Летом 1206 г. половцы выступили на стороне большой коалиции князей против Даниила Романовича Волынского и венгерского короля Андраша II (шла борьба за галицкий стол). Входил в коалицию и князь Глеб Святославич, и его тесть князь Рюрик Ростиславич [17, стб. 425; 21, с. 112–113; 23, с. 51–52; 25, с. 42–43]. А зимой (декабрь) 1206 г. старший брат Глеба князь черниговский Всеволод Святославич призвал половцев для похода на его тестя, князя Рюрика Ростиславича [17, стб. 428; 21, с. 113; 23, с. 54; 32, с. 81]. Не исключено, что в привлечении степных союзников немаловажную роль сыграло родство с половецкими правителями князя Глеба, который вполне закономерно был союзником своего брата, а не своего тестя. В двух других случаях взаимодействий с половцами князь Глеб Святославич замечен только как противник: летом 1184 г. (входил в коалицию князей, возглавляемую его отцом князем Святославом Всеволодовичем Киевским) [10, с. 95–96; 17, стб. 394–396; 18, стб. 630–633; 19, с. 172–173; 20, стб. 246–247; 21, с. 97–98; 23, с. 11–12; 24, стб. 46; 25, с. 28–29; 28, с. 83; 30, с. 56; 31, с. 36; 32, с. 75; 33, с. 65; 34, с. 55; 35, с. 80; 36, с. 106; 6, с. 306–308; 16, с. 147; 39, с. 18, 173, 203, 208–210, 226]; зимой (январь–февраль) 1190–1191 гг. отразил набег половцев на Товаров [18, стб. 670–673; 6, с. 322; 16, с. 86]. Правда, среди его противников не отмечен ни Белук (Беглюк), ни «Белуковичи».

В 1180-е гг. супругой князя Романа Мстиславича Волынского становится Предслава Рюриковна [2, с. 225, 379, 381]. Однако около 1196 г. князь Роман, поссорившись со своим тестем Рюриком Ростиславичем «поча пушати» [17, стб. 412–413. *А.В. Горovenko* на основе свидетельств польского автора Винцентия предлагает отнести развод князя Романа Мстиславича и Предславы Рюриковны к периоду до сентября 1195 г.: 4, с. 140] (отослал) свой жену и развелся с ней. Около 1200 г. князь Роман заключил соглашение с Византией, которое, по мнению А.В. Майорова, «было скреплено браком галицко-волынского князя с родственницей византийского императора» [12, с. 88]. Одним из условий достигнутого матримониального союза было, по словам византийского историка и царедворца Никиты Хониата, ведение русскими войсками военных действий против половцев [13, с. 246], с целью ослабить их и уменьшить масштабы вторжений кочевников во Фракию. Именно следствием данного договора «стали новые походы к Степи, осуществленные Романом» [12, с. 88].

Такие походы фиксируются зимой (декабрь–январь) 1201–1202 гг. [10, с. 105; 17, стб. 418; 21, с. 107, 108; 23, с. 34; 28, с. 84; 32, с. 79; 35, с. 81; 6, с. 339] и зимой 1203–1204 гг. [10, с. 106–107; 14, с. 240; 17, стб. 420; 23, с. 36; 24, стб. 47; 25, с. 38; 32, с. 80; 6, с. 339]. Кроме того, в борьбе с князем Рюриком Ростиславичем князь Роман столкнулся с половцами зимой 1202/1203 гг., когда бывший тесть пригласил половцев и с их помощью захватил Киев [28, с. 85; 32, с. 76; 34, с. 57; 35, с. 81; 36, с. 106; 6, с. 339; 39, с. 290].

Таким образом, на политических действиях князя Романа Ростиславича влияние женитьбы на внучке половецкого князя Белука никак не сказалось. После же развода с ней и женитьбе на византийской царевне, князь Роман становится активным противником половцев и совершает походы в степь.

В 1187 г. Ярослава Рюриковна была выдана замуж за князя Святослава Игоревича (сына Игоря Новгород-Северского) [18, стб. 659]. Зафиксировано единственное упоминание об участии половецких войск в политической жизни князя. Летом (до сентября) 1211 г. братья-Игоревичи в борьбе за галицкие земли использовали половецкий отряд. Несмотря на то, что союзные их противнику князю Даниилу Романовичу венгерские войска были разгромлены, князья-Игоревичи попали в плен и были галичанами повешены (в том числе и князь Святослав); половцы бежали в степь [3, с. 190–196; 18, стб. 725–726; 39, с. 290].

Однако необходимо отметить, что привлечение половцев к данному конфликту скорее связано со старшим братом князя Святослава, оставшимся в живых после этих событий князем Владимиром Игоревичем. В 1187 г. попавший в плен в 1185 г., после неудачного похода на половцев своего отца Игоря Новгород-Северского, князь Владимир Игоревич (Путивльский) вернулся домой в сопровождении жены-половчанки и новорожденного сына. Супруга князя Владимира названа Кончаковной, а отец князя – Игорь Святославич Новгород-Северский «створи свадбоу... сынови своему и вѣнча его и с дѣтятемъ» [18, стб. 659], признав тем самым и брак сына, и новорожденного внука. У супружеской пары родились два сына – Изяслав и Всеволод. При этом Игорь и Кончак с этого времени старались не воевать друг с другом [40, с. 156–161].

Сам князь Владимир Игоревич в 1184 г. входил в большую коалицию князей, совершивших поход на половцев [18, стб. 633; 6, с. 308; 7, с. 51; 16, с. 153; 39, с. 203, 210–212; 44, с. 225]. А в 1207 г., занимая галицкий престол, входил в коалицию князя Всеволода Святославича Черниговского, которого поддерживали половцы в его действиях против князя Рюрика Ростиславича [17, стб. 429] (*половцы в источнике напрямую не названы; однако фигурируют «поганые»; не исключено, что половецкую поддержку обеспечили родственные связи князя Владимира Игоревича*).

Его сын князь Изяслав Владимирович участвовал в событиях 1211 г., не счастливых для его родственников. А также активно привлекал половцев для решения своих политических задач в Галицкой земле летом 1233 г. когда половцы стали его противниками [3, с. 228–229; 18, стб. 770–771], а также летом 1234 г. [3, с. 228–231; 14, с. 73–74; 284; 18, стб. 772–774; 19, с. 214; 23, с. 104; 25, с. 54; 30, с. 70; 32, с. 87; 34, с. 66; 6, с. 577; 16, с. 169], когда при помощи своих половецких союзников князю удалось занять киевский престол.

В событиях 1233 г., в которых половцы поддержали противников князя Изяслава Владимировича, немаловажную роль, надо полагать, сыграли родственные связи князя Даниила Романовича, который был женат на дочери Мстислава Мстиславича Удатного Анне, которая приходилось внучкой Котяну – активному участнику событий тех лет. Женой князя Мстислава Мстиславича Удатного ((предпол.) Мария) была дочь Котяна. К сожалению, ни годы жизни, ни время выхода замуж за Мстислава источники до нас не донесли [9, с. 514]. Однако известно, что от этого брака она имела детей: Ростиславу-Феodosию, Василия, Анну и Елену (или Марию).

Известен также брак князя Ярослава Всеволодовича Переяславского: в конце 1205 г. «на зиму велики князь Всеволодь ожени сына своего Ярослава и приведоша за нь въ Переяславль Юрьевну Кончяковичя» [25, с. 423; 29, с. 104; 9, с. 665–666]. Однако первая жена переяславского князя (предположительно получившая в крещении имя Елены) довольно рано умерла и, по всей видимости, не оставила потомства. Князь Ярослав Всеволодович в 1214 г. вторым браком женился на дочери Мстислава Мстиславича Удатного Ростиславе-Феодосии. Показательно, что она приходилась внучкой половецкому князю Котяну: князья Суздальской Руси в начале XIII в. не оставляли попыток укрепить свои матримониальные связи с Половецкой степью.

Последним по хронологии фиксируется брак сына князя Даниила Романовича Галицкого Мстислава на дочери половецкого князя Тегака [3, с. 264, 265; 18, стб. 818; 9, с. 297–298].

От упомянутых одиннадцати надежно идентифицируемых браков (исключая вторую жену князя Всеволода Ярославича и включая брак Всеволодковны с князем Бошкордом) [перечень браков см. также: 11, с. 21–22] известен двадцать один ребенок – русских княжичей/князей и княжон/княгинь, которые оказываются внуками половецких князей:

- **Анастасия Рюриковна** (после 1163 – ?) – дочь князя Рюрика Ростиславича и дочери половецкого князя Белука (его **внучка**). С 1182 г. замужем за князем Глебом Святославичем.

- **Андрей (Боголюбский) Юрьевич** (ок. 1110–1111 – 29 июня 1174) – сын половчанки Анны (в крещении) и Юрия Владимировича Долгорукого. **Внук Аепы, правнук Осеня**. Вел. князь владими́ро-суздальский; причислен Православной церковью к лику святых.

- **Анна** (ок. 1195 – после 1241) – дочь Марии (предпол.) и князя Мстислава Мстиславича Удатного. **Внучка Котьяна**. Жена с 1213 (или 1218–1219) г. Даниила Галицкого, короля Галицкого. От этого брака имела детей: Романа, Льва, Мстислава, Шварна, предп. Ираклия и дочь, неизв. по имени.

- **Борис Юрьевич** (после 1108 – 2 мая 1159) – сын Анны (в крещении) и князя Юрия Владимировича (Долгорукого); **внук Аепы, правнук Осеня**. Удельный князь белгородский, затем князь туровский. От брака с (предп.) Марией Борис имел единственную дочь Ефросинью.

- **Брячислав Святополчич (после 1094 г.)** – сын Елены (?) (в крещении) (? – 28 февраля 1124), дочери князя Тугорканя (Тугортоканя) и князя Святополка (**внук Тургоканя**).

- **Василий Мстиславич** (? – 1218) – сын Марии (предпол.) – дочери Котьяна – и князя Мстислава Мстиславича Удатного (**внук Котьяна**).

- **Владимир Андреевич** (ок. 1132 – 28 января 1170), князь дорогобужский, сын половчанки (неизвестной по имени), внучки Тугорканя, которая с 1117 г. являлась женой Андрея Владимировича Доброго (1102 – 22 января 1141 гг.), князя владими́ро-волынського и Переяславского (сын Владимира Мономаха) (**внук сына Тугорканя**).

- **Владимир Мстиславич** (после 1253 – ?) – княжич или князь Луцкий; сын Мстислава Даниловича Луцкого от брака с половчанкой (неизвестной по имени). Судя по родословным оставил после себя единственную дочь Анну (**внук Тегака**).

• **Всеволод Владимирович** (после 1187 – ?) – княжич или князь путивльский. Сын Владимира Игоревича, удельного князя путивльского, от брака с дочерью (неизв. по имени) Кончака. Судя по родословным потомства не оставил (**внук Кончака**).

• **Глеб Юрьевич** (после 1108 – 20 января 1171 г.) – сын Анны (в крещении) и князя Юрия Владимировича (Долгоругого); **внук Аепы, правнук Осеня**. Удельный князь белгородский, затем князь туровский. От брака с дочерью Изяслава Давидовича Глеб имел сыновей: Владимира и Изяслава.

• **Елена (или Мария)** – дочь Марии (предпол.), дочери Котяна, и князя Мстислава Мстиславича Удатного. Около 1226–1227 г. выдана замуж за венгерского принца Андрея (**внучка Котяна**).

• **Изяслав Владимирович** (1187– после 1236 гг.) – **внук князя Кончака**. Сын дочери (неизвестной по имени) князя Кончака и Владимира Игоревича Путивльского.

• **Изяслав Глебович** (после 1108 – 14 мая 1134 г.) – сын дочери (неизвестной по имени) **Аепы (правнук Гиргеня)** и Глеба Ольговича, князя Курского. Княжич курский.

• **Изяслав Святополчич** (после 1094 г.) – сын **Елены (?)** (в крещении) (? – 28 февраля 1124), дочери князя Тугорканя (Тугортоканю) и князя Святополка (**внук Тургоканя**).

• **Рюриквна** (после 1163 – ?) – дочь князя Рюрика Ростиславича и дочери половецкого князя Белука (**внучка**). С 1180-х гг. замужем за князем Романом Мстиславичем Волынским. С около 1196 г. – в разводе.

• **Ростислав Глебович** (после 1108–?) – сын дочери Аепы и князя Глеба Ольговича. **Внук Аепы, правнук Гиргеня**. Княжич курский.

• **Ростислава-Феодосия** (? – 4 мая 1244) – дочь Марии (предпол.), дочери Котяна, жены князя Мстислава Мстиславича Удатного (**внучка Котяна**). Жена с 1214 г. Ярослава Всеволодовича Владимирского. Мать Федора, Александра (Невского), Андрея, Даниила, Михаила Храброго (Михалка Хоробрита), Ярослава, Василия, Константина, Марии и предп. Ульяны.

• **Ростислав Юрьевич** (после 1108 – 1151 г.) – сын Анны (в крещении) и князя Юрия Владимировича (Долгоругого); **внук Аепы, правнук Осеня**. Удельный князь белгородский, затем князь туровский. От брака с неизвестной имел сыновей Мстислава и Ярополка.

• **Святослав Ольгович** (1106/1107 гг. – 1164 г.) – сын князя Олега Святославича Черниговского и его второй жены – дочери князя Осулука (**внук** половецкого князя). Его дядья, Тюнрак и Камос, активно поддерживали своего племянника в ходе междоусобных войн. Отец князей Игоря и Всеволода – героев «Слова о полку Игореве».

• **Ярополк Андреевич** (после 1117 – ?) – сын внучки Тугорканя (неизвестной по имени) и Андрея Владимировича Доброго, князя Владимировольнского и Переяславского (сын Владимира Мономаха) (в замужестве с 1117 г.) (**внук сына Тургоканя**).

• **Ярослава Рюриквна** (после 1163 – ?) – дочь князя Рюрика Ростиславича и дочери половецкого князя Белука (**внучка**). С 1187 г. замужем за Свя-

тославом Игоревичем (сыном князя Игоря Святославича Новгород-Северского).

Следует при этом отметить, что за исключением Андрея Боголюбского и Изяслава Владимировича (занимавших киевский престол), внуки половецких князей по женской линии не играли значительной роли во внутривосточной жизни Руси. Только к концу половецкого господства в южнорусских степях русские влиятельные княжеские особы, в частности, Даниил Галицкий и Ярослав Владимирович женились на внучках Котьяна. Однако их выбор скорее был связан с той ролью, которую играл на Руси их отец – Мстислав Мстиславич Удатный. Тем не менее, сыновья Даниила и Ярослава, в том числе Лев Галицкий и Александр Невский, оказываются внуками половецких князей и правнуками половецкого князя Котьяна. Однако жили и действовали они уже в иных политических и социальных условиях, сложившихся после нашествия монголо-татар.

Показательно, что половецкие имена жен русских князей источникам неизвестны. Донесены до нас, в лучшем случае, имена, принятые половецкими князьями при крещении. Как правило, они определяются как дочери того или иного половецкого князя или же жены соответствующего русского князя.

Надо отметить, что фиксируются брачные связи с европейскими дворами внуков и внучек половецких князей, что показывает значительный вес, приобретенный половецкой знатью к середине XIII столетия, на международной арене.

Случаев же выдачи замуж за половецкого князя русских княжен или боярынь в источниках не зафиксировано: побег княгини-вдовы скорее исключение из правил, нежели закономерность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлинский М.Ф. Краткое описание Киева, содержащее историческую перечень сего города. СПб., 1820 г.
2. Войтович Л.В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Львів, 2000. 649 с.
3. Галицко-Вольнская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. (XIII в.). СПб.: «Наука», 2000.
4. Горовенко А.В. Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2011. 480 с.
5. Данилевский И.Н. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие» // Родина: российский исторический журнал. 2012. № 9. С. 112–114.
6. Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы М.: Эксмо, 2008. 800 с.
7. Иноземцев И.В. Особенности военных конфликтов Руси с кочевниками в X–XII вв. // Новик: Сборник научных работ студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 1. Воронеж, 1998. С. 43–59.
8. Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1842. Т. 2.
9. Коган В.М., Домбровский-Шагалин В.И. Князь Рюрик и его потомки. Историко-генеалогический свод. СПб.: «Паритет», 2004. 688 с.
10. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214–1219 гг.) / Изд. М. Оболенским. М., 1851.
11. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. 280 с.

12. *Майоров А.В.* Из истории внешней политики Галицко-Волынской Руси времен Романа Мстиславовича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 78–96.

13. *Никита Хониат.* История со времени царствования Иоанна Комнина: В 2х т. / Пер. Н.В. Чельцова. СПб., 1862. Т. II. (1186–1206).

14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 571 с.

15. *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

16. *Плетнёва С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.

17. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Вып. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2–3: Лаврентьевская летопись по Суздальскому списку. М., 1962.

18. ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962.

19. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

20. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

21. ПСРЛ. Т. VII: Воскресенская летопись. М., 2001.

22. ПСРЛ. Т. IX: Никоновская летопись. М., 2000.

23. ПСРЛ. Т. X: Никоновская летопись. М., 2000.

24. ПСРЛ. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М., 2000.

25. ПСРЛ. Т. XVIII: Симеоновская летопись. М., 2007.

26. ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1: Львовская летопись. СПб., 1910.

27. ПСРЛ. Т. XXIII: Ермолинская летопись. М., 2004.

28. ПСРЛ. Т. XXIV: Типографская летопись. М., 2000.

29. ПСРЛ. Т. XXV: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л. 1949.

30. ПСРЛ. Т. XXVI: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.

31. ПСРЛ. Т. XXVII: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.-Л., 1962.

32. ПСРЛ. Т. XXX: Владимирская летопись. Новгородская вторая летопись. М., 1965.

33. ПСРЛ. Т. XXXI: Летописцы последней четверти XVII в. М., Наука. 1968.

34. ПСРЛ. Т. XXXIII: Холмогорская летопись. Л., 1977.

35. ПСРЛ. Т. XXXIV: Пискаревский летописец. М., 1978. С. 31–220.

36. ПСРЛ. Т. XLII: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002

37. *Пчелов Е.В.* Генеалогия семьи Юрия Долгорукого // Ruthenica. Киев: Институт історії України НАН України, 2004. С. 68–79.

38. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине. XIII вв. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977.

39. *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку игореве» и его современники. М.: Изд-во «Наука», 1971. 296 с.

40. *Селезнёв Ю.В.* Половецкий «князь» Кончак // Вопросы истории. № 12. 2012. С. 156–161.

41. *Селезнёв Ю.В.* Княжеские усобицы в Древней Руси 977–1132 гг. М.: Универс, 2017. 232 с.

42. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.: АСТ: Ермак, 2005. 568 с.

43. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М.: АСТ: Ермак, 2005. 732 с.

44. *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 276 с.

45. *Филиповский Е.* Краткое историческое и хронологическое описание жизни и дѣяній великих князей Российских, царей, императоров и их пресвѣтлѣйших супругов и детѣй от Р. КН. с 862 года до нынѣ благополучно царствующаго Великаго Государя

Императора Александра I. Самодержца Всероссийского. Ч.1. М. : В типографии Платона Бекетова, 1805.

Сведения об авторе: Юрий Васильевич Селезнёв – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного университета (394068, Московский проспект, 88, Воронеж, Российская Федерация). E-mail: orda1359@mail.ru

Поступила 15.02.2019 Принята к публикации 20.05.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Berlinskiy M.F. *Kratkoye opisaniye Kiyeva, soderzhashcheye istoricheskuyu perechen' sego goroda* [A brief description of Kiev, containing a historical list of this city]. St. Petersburg, 1820. (In Russian)
2. Vojtovych L.V. *Knjazivs'ki dynastii' Shidnoi' Jevropy (kinec' IX – pochatok XVI st.). Sklad, suspil'na i politychna rol'* [The princely dynasties of Eastern Europe (the end of the 9th – the beginning of the 16th century). Composition, social and political role]. Lviv, 2000. 649 p. (In Ukrainian)
3. Galitsko-Volynskaya letopis' [Galician-Volyn chronicle]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus literature]. Vol. 5. [13th century]. St. Petersburg: "Science", 2000. (In Russian)
4. Gorovenko A.V. *Mech Romana Galitskogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [Roman Halytsky's sword. Prince Roman Mstislavich in history, epic and legends]. St. Petersburg: DMITRIY BULANIN, 2011. (In Russian)
5. Danilevskiy I.N. *Knyaz'ya domongol'skoy Rusi: "svoi" ili "chuzhiye"* [Princes of the pre-Mongol Rus: "one of us" or "others"]. *Rodina: rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. [Rodina: Russian historical journal]. 2012, no. 9, pp. 112–114. (In Russian)
6. Yekaterina II. *Rossiyskaya istoriya. Zapiski velikoy imperatritsy* [Russian history. Notes of the great empress]. Moscow: Eksmo, 2008. 800 p. (In Russian)
7. Inozemtsev I.V. *Osobennosti voyennykh konfliktov Rusi s kochevnikami v X–XII vv.* [Features of military conflicts in Rus with nomads in the 10th–12th centuries] *Novik: Sbornik nauchnykh rabot studentov istoricheskogo fakul'teta Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Novik: Collection of research works of students of the Faculty of History of the Voronezh State University]. Is. 1. Voronezh, 1998, pp. 43–59. (In Russian)
8. Karamzin N.M. *Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. St. Petersburg, 1842. Vol. 2. (In Russian)
9. Kogan V.M., Dombrovskiy-Shagalin V.I. *Knyaz' Rurik i yego potomki. Istoriko-genealogicheskiy svod* [Prince Rurik and his descendants. Historical and genealogical collection]. St. Petersburg: "Parity", 2004. (In Russian)
10. *Letopisets Pereyaslavlya Suzdal'skago, sostavlennyy v nachale XIII v. (mezhdru 1214–1219 gg.)* [The chronicler of Pereyaslavl of Suzdal, compiled in the beginning of the 13th century (between 1214–1219)]. Ed. M. Obolensky. Moscow, 1851. (In Russian)
11. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Russkiye imena polovetskiikh knyazey: Mezhdinasticheskiye kontakty skvoz' prizmu antroponimiki* [Russian names of Polovtsian princes: Interdynamic contacts through the prism of anthroponymics]. Moscow: POLYMEDIA, 2013. (In Russian)
12. Mayorov A. V. *Iz istorii vneshney politiki Galitsko-Volynskoy Rusi vremen Romana Mstislavovicha* [From the history of foreign policy of the Halych-Volyn Rus of Roman Mstislavovich's time]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Questions of medieval studies]. 2008, no. 4 (34), pp. 78–96. (In Russian)

13. Nikita Khoniati. *Istoriya so vremeni tsarstvovaniya Ioanna Komnina: V 2kh t.* [Nicetas Choniates. History since the reign of John Comnenus: In 2 vols.]. St. Petersburg, 1862. Vol. II. (1186–1206). (In Russian)

14. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov.* Pod red. i s predisl. A.N. Nasonova. [Novgorod first chronicle of senior and junior redactions. Ed. and with the pref. by A.N. Nasonov]. Moscow, Leningrad, 1950. (In Russian)

15. Pashuto V.T. *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign policy of Ancient Rus]. Moscow: SCIENCE, 1968. (In Russian)

16. Pletnova S.A. *Polovtsy* [The Polovtsians]. Moscow: SCIENCE, 1990. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1: Lavrentevskaya letopis [Laurentian Chronicle]. Moscow, 1997. (In Russian)

18. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2: Ipatievskaya [Hypathian Chronicle]. Moscow, 1998. 648 p. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. Part 1: Novgorodskaya chetvertaya letopis [Novgorod fourth chronicle]. Moscow, 2000. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Rel.1: Sofiiskaya pervaya letopis starshogo isvoda [Sofia First Chronicle of the senior redaction]. Moscow, 2000. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 7: Voskresenskaya letopis [Voskresenskaya Chronicle]. St. Petersburg, 1856. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 9: Nikonovskaya letopis [Nikon Chronicle]. Moscow, 2000. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 10: Nikonovskaya letopis [Nikon Chronicle]. Moscow, 2000. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 16: Letopisnyy sbornik, imenyuyemyy letopis'yu Avraamki. [The Chronicle Collection Called the Avraamka's Chronicle]. Moscow, 2000. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18: Simeonovskaya letopis [Simeon Chronicle]. Moscow, 2007. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. Rel.1: L'vovskaya letopis'. [The Lviv Chronicle]. St. Petersburg, 1910. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23: Yermolinskaya letopis' [The Ermolinskaya Chronicle]. Moscow, 2004. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 24: Typographskaya letopis [Typographical Chronicle]. Petrograd, 1921. (In Russian)

29. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25: Moskovskiy letopisnyi swod konca XV [Moscow Chronicle of the end of the 15th century.]. Moscow, Leningrad, 1949. (In Russian)

30. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26: Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. Moscow, Leningrad, 1959. (In Russian)

31. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 27: Nikanorovskaya letopis'. Sokrashchennyye letopisnyye svody kontsa XV veka [Nikanorovskaya Chronicle. Abbreviated chronicles of the end of the 15th century.]. Moscow, Leningrad, 1962. (In Russian)

32. *Polnoe sobranie russkih letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 30: Vladimirskaya letopis'. Novgorodskaya vtoraya letopis' [Vladimir Chronicle. Novgorod Second Chronicle]. Moscow, 1965. (In Russian)

33. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 31: *Letopistsy posledney chetverti XVII v.* [Chroniclers of the last quarter of the 17th century]. Moscow, 1968. (In Russian)

34. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 33: *Kholmogorskaya letopis'* [The Kholmogory Chronicle]. Leningrad, 1977. (In Russian)

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34: *Piskarevskiy letopisets* [Piskarevsky Chronicler]. Moscow, 1978. (In Russian)

36. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 42: *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [The Novgorod Karamzin Chronicle]. St. Petersburg, 2002. (In Russian)

37. Pchelov Ye.V. *Genealogiya sem'i Yuriya Dolgorukogo* [Genealogy of the family of Yuri Dolgoruky] *Ruthenica*. Kyiv: Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine, 2004, pp. 68–79. (In Russian)

38. Рапов О.М. *Knyazheskiye vladeniya na Rusi v X – pervoy polovine. XIII vv.* [Princely domains in Rus in the 10th – first half of the 13th centuries]. Moscow: Moscow State University Publ., 1977. (In Russian)

39. Rybakov B.A. «*Slovo o polku igoreve*» i yego sovremenniki ["The Tale of Igor's Campaign" and its contemporaries]. Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russian)

40. Seleznev Yu.V. *Polovetskiy «knyaz'» Konchak* [The Polovtsian "prince" Konchak]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2012, no. 12, pp. 156–161. (In Russian)

41. Seleznev Yu.V. *Knyazheskiye usobitsy v Drevney Rusi 977–1132 gg.* [Princely feuds in Ancient Rus in 977–1132]. Moscow: Runivers, 2017. 232 p. (In Russian)

42. Tatischev V.N. *Istoriya Rossiyskaya* [The Russian History]. Vol. 1. Moscow: AST: Ermak, 2005. (In Russian)

43. Tatischev V.N. *Istoriya Rossiyskaya* [The Russian History]. Vol. 2. Moscow: AST: Ermak, 2005. (In Russian)

44. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Yevropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [The Nomads of Eastern Europe under the rule of the Golden Horde's khans]. Moscow, 1966. (In Russian)

45. Filipovskiy E. *Kratkoye istoricheskoye i khronologicheskoye opisanie zhizni i dnyaniy velikikh knyazey Rossiyskikh, tsarey, imperatorov i ikh presvnyatnyshikh suprug i detey ot R. KH. s 862 goda do nynny blagopoluchno tsarstvuyushchago Velikago Gosudarya Imperatora Aleksandra I. Samoderzhitsa Vserossiyskago* [A brief historical and chronological description of the lives and deeds of the great princes of Russia, tsars, emperors and their most faithful spouses and children from 862 until now safely reigning Great Emperor Alexander I, the autocrat of the All-Russia]. Part 1. Moscow: In the printing house of Platon Beketov, 1805. (In Russian)

About the author: Yury V. Seleznev – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Department of History of Russia of the Voronezh State University (88, Moskovsky Avenue, Voronezh 394068, Russian Federation). E-mail: orda1359@mail.ru

Received February 15, 2019 Accepted for publication May 20, 2019
Published June 29, 2019

УДК 94(47)(=221.18)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ АСОВ НА МОНГОЛЬСКОЙ СЛУЖБЕ**Э.В. Казиев**

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
Владикавказ, Российская Федерация
kedmon@rambler.ru*

Цель исследования: установить время и обстоятельства появления асов на службе у монгольских верховных правителей.

Материалы исследования: биографии асских военачальников, представленные в разделе «Жизнеописания знаменитых» китайской «Истории династии Юань», а также сведения из повествований монахов-францисканцев об их миссиях в Монгольской империи.

Результаты и научная новизна: впервые в одном исследовании обобщены имеющиеся сведения письменных источников о времени и обстоятельствах появления асов на монгольской службе; установлено, что сведения францисканца Джовани Мариньолли о службе асов у монголов со времен Чингиз-хана не подкрепляются сведениями из других синхронных письменных источников и не позволяют следовать в этом вопросе далее предположений; кроме того, были выявлены фактические ошибки, содержащиеся в русскоязычном переводе жизнеописаний асских военачальников, представленных в «Истории династии Юань», выполненном А.И. Ивановым, которые стали причиной неправильного определения в научной традиции времени и обстоятельств появления асов на монгольской службе; оригинальный текст китайского источника позволяет утверждать, что асы переходили на службу к монголам только при каане Угэдэе во время Западного похода, присягая Чингизиду Мункэ; все прочие определения времени этих событий не находят подтверждения в источниках и являются лишь предположениями, которые в научной традиции выдаются за факты.

Ключевые слова: асы, монголы, династия Юань, францисканцы, Западный поход

Для цитирования: Казиев Э.В. О времени появления асов на монгольской службе // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 242–253. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253

**ON THE CHRONOLOGY OF THE AS PEOPLE'S ENTRY
INTO MONGOL SERVICE****E. V. Kaziev**

*Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
Vladikavkaz, Russian Federation
kedmon@rambler.ru*

Abstract: Objective: To ascertain the time and circumstances of the As people's incorporation into the service of the Mongol Empire's supreme rulers.

Research materials: Biographies of the As military commanders found in the section of "Biographies of the Famous" in the Chinese "History of the Yuan Dynasty" (Yuan Shi) as well as information from the Franciscan friars' accounts of their missions in the Mongol Empire.

Results and novelty of the research: For the first time, a single study summarizes the available information from written sources about the time and circumstances of the As people's joining Mongol service. It has been ascertained that the Franciscan John of Marignolli's information on the As people's service among the Mongols since the time of Chinggis Khan is not confirmed by information from other synchronous written sources which does not allow one to advance anything further than assumptions on this matter. In addition, this study exposes factual errors contained in A.I. Ivanov's Russian translation of the As military commanders' biographies presented in the "History of the Yuan Dynasty" which led to the incorrect definition in the academic tradition of the time and circumstances of the As people's incorporation into Mongol service. The original text of the mentioned Chinese source makes it possible to assert that the As people entered Mongol service only under Ögödei Khan during the Western campaign after having sworn allegiance to the Chinggisid Prince Möngke. All other arguments for the timeframe of this subjugation are not confirmed in the sources and remain only assumptions, which, however, have been presented as facts in the academic tradition.

Keywords: Ases, Mongols, Yüan dynasty, Minorites, Western campaign

For citation: Kaziev E.V. On the Chronology of the As People's Entry into Mongol Service. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 242–253. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.242-253

В европейской традиции первое упоминание времени, когда асы появились на службе у монголов, встречается у Джованни Мариньолли (1290–1357) – итальянского францисканца-миссионера, дипломата, папского легата и епископа Базиньянского. Известно, что в XIII–XIV вв. францисканцы и доминиканцы исполняли обязанности послов европейских государей и пап к различным восточным властителям [11, с. 36], и Мариньолли был последним сановным францисканцем, которого святой престол в 1338 г. отправил в Ханбалык (Пекин) ко двору монгольского каана и императора Юань [27, р. 278].

Миссия Мариньолли была организована в ответ на посольство, которое было отправлено из Ханбалыка в 1336 г. по инициативе асских подданных китайского императора и которое направилось к папе в Авиньон во главе с неким генуэзцем Андреа ди Наскио (Андреем «Франком») в сопровождении другого генуэзца Андало ди Савиньоне, а также еще четырнадцати человек [27, с. 278], среди которых был ас Тогай [11, с. 120–121; 25, р. 29]. Посольство везло папе письма последнего императора династии Юань Шунь-ди (Тогон-Тэмура/Токалмута), а также письмо аланских «князей» (*principes Alanorum*), состоявших на его службе, содержащее просьбу прислать им епископа взамен умершего Джованни ди Монтекорвино [30, р. 209–211]. Папа Бенедикт XII, следуя пожеланиям императора, а также асских князей, направил в Ханбалык миссию, во главе которой и был поставлен францисканец Джованни Мариньолли, везший письма папы монгольскому правителю Китая и служившим ему аским князьям [11, с. 121]. Джованни Мариньолли не оставил законченного описания своей поездки и посещенных им стран. Некоторые описания своего путешествия Мариньолли включил в «Богемскую хронику» (*Chronicon Bohemiae*), которую он составил по поручению императора Священной Римской империи Карла IV в 1353 или 1354 гг. [11, с. 118–126; 29, р. 2]. Фрагменты из этих описаний Мариньолли вместе с выдержками из переписки папы с монгольским правителем Китая и аскими князьями были

опубликованы с комментариями в работе Р. Хеннига, переведенной на русский язык [17, с. 224–225, 230]. Избранные описания Мариньолли его путешествия, вошедшие в «Богемскую хронику», также были переведены на русский язык Я.М. Светом [19]. Кроме того, часть сведений об аланах из описания путешествия Мариньолли была опубликована на русском языке в сборнике иностранных свидетельств об осетинах, подготовленном Б.А. Калоевым [18, с. 22–23]. Однако ни в одном из перечисленных переводов не представлен фрагмент, в котором Мариньолли говорит о времени появления асов на монгольской службе.

На английский язык этот фрагмент был впервые переведен Г. Юлом, включившим описания путешествия Мариньолли в свою компиляцию средневековых источников о «Китае и путях туда» [31, р. 373]. Из этой работы его позаимствовал Э.В. Бретшнейдер, переведший его с английского языка на русский [2, с. 70], благодаря чему это сообщение Мариньолли вошло в русскоязычную научную традицию [5, с. 213; 14, с. 36–37]. Оригинальный перевод на русский язык этого отрывка использовал в своей работе В.А. Кузнецов, отметив его панегирический характер [9, с. 360]. Само собой разумеется, что англоязычный вариант перевода использовался и в западной научной традиции [29, р. 20–21; 27, р. 278]. Однако ни Г. Юл, ни последующие западные или российские авторы никак не комментировали сообщение Мариньолли о том, что аланы состояли на монгольской службе уже со времен Чингиз-хана, хотя уже во втором издании компиляции Г. Юла редактор этого издания А. Кордье сделал примечание, указав на ошибочность этих сведений [32, р. 248].

Приведем полностью этот пассаж об асах/аланах из сочинения Мариньолли на языке оригинала: «*Nic secundo anno post diluvium genuit Arfahat, qui eciam genuit Elam, a quo nobilis generacio Alanorum in oriente dicitur exorta, & est hodie maior & nobilior nacio mundi, & homines pulciores, & forciores, quorum auxilio Tartari optinuerunt Imperium orientis, & sine quibus nunquam habuerunt victoriam gloriosam. Conduxit enim Cingwis Caam primus Thartarorum Rex de eis LXXII principes, quando voluit precepto Dei castigare mundum*» [24, р. 110]. Взяв за основу перевод этого отрывка, сделанный с английского языка Э.В. Бретшнейдером [2, с. 70], представим его полный перевод на русский язык: «На второй год после потопа он [Сим] произвел на свет Арфахата, который произвел на свет Элама, от которого на Востоке, как говорят, пошел благородный народ Аланов. Они в настоящее время есть самый великий и благородный народ на свете, самые красивые и храбрые люди. Благодаря их помощи Татары овладели Востоком, и без них никогда бы они не одержали ни одной славной победы. Ибо Чингиз Каан, первый царь татарский, собрал из них семьдесят два аланских князя, когда он пожелал по повелению Бога покарать мир».

Следует заметить, что Р. Хенниг полагал, что описания Мариньолли, в сравнение с описаниями Гийома де Рубрук и Марко Поло, «выглядят убого» и состоят по большей части из никчемных подробностей, переплетающихся с фантазиями автора и отсылками к библейским сюжетам [17, с. 232]. Однако Я.М. Свет оспаривает это мнение Р. Хеннига, утверждая, что оно основано на неверном подходе к оценке деятельности людей XIV в., сочетавшей наивную непосредственность со всеядным любопытством, и что аналогичные обвине-

ния можно предъявить и предшественникам Мариньолли, тогда как отсылки к библейским сюжетам, по мнению Я.М. Света, есть не что иное, как литературный прием, использованный автором для того, чтобы «не пугать» европейского читателя XIV в., «когда речь идет о явлениях странной восточной действительности», которую Мариньолли описывает, исходя из собственного опыта и опровергая вымыслы своих предшественников, представленные рассказами о псоголовых людях, людях, «ногой своей делающих тени» и пр. [11, с. 122–123, 125].

Вместе с тем известно, что к содержанию францисканских отчетов и описаний следует относиться критически, поскольку их авторы были склонны преувеличивать свои миссионерские достижения, а также степень и масштаб христианизации окормляемых ими народов, надеясь таким образом способствовать отправке на Восток других своих братьев, представляя их будущее поле миссионерской деятельности в наиболее выгодном свете [16, с. 85]. Как бы там ни было, сведения об асах, находившихся на службе у монголов со времен Чингиз-хана, отсутствуют в сочинениях собратьев Мариньолли по ордену миноритов – Иоанна де Плано Карпини, Бенедикта Поляка, Гийома де Рубрук, а также у доминиканца Андре де Лонжюмо, – которые прежде него отправлялись к монгольскому двору. Кроме того, не содержится такого рода сведений и в персидских и китайских источниках того времени, таких как «Та'рих-и джахангушай» Джувеини и официальные хроники монгольских династий в Персии и Китае – «Джами ат-таварих» Рашид-ад-Дина и «Юань ши».

Впрочем, в сочинении францисканца Ц. де Бридиа *Hystoria Tartarorum*, представляющем собой сокращенное переложение донесения Бенедикта Поляка, являвшегося переводчиком при миссии Иоанна де Плано Карпини, есть упоминание о том, что г. Орнас (Ургенч), через который следовала миссия, был наполнен «христианами, то есть газарами и аланами» [6, с. 17, 19, 111]. Вероятно, это сообщение, а также сведения, представленные С.П. Толстовым о сармато-аланской составляющей в этногенезе туркмен [15, с. 197], позволили М.Я. Свету утверждать, что аланы в XIII в. проживали в Закаспийских степях [11, с. 120–121]. Это положение было обосновано О.Б. Бубенком с помощью данных среднеазиатской этнографии, топонимии и антропологии [3, с. 139]. Исходя из всех этих сведений, можно, конечно, допустить, что какая-то часть закаспийских асов после завоевания Средней Азии в 1219–1221 гг. действительно могла оказаться в монгольском войске. Но при отсутствии свидетельств других письменных источников по этому вопросу такое допущение сложно представить как обоснованный факт. Кроме того, Мариньолли мог превозносить достоинства алан в приводимом выше пассаже вследствие ошибок своих информаторов или неточного перевода их сведений, непреднамеренно приняв события, относящиеся ко времени завоевания Южного Китая и подавлению мятежей монгольской знати (например, мятежа чжувана¹ Наяня, в подавлении которого, как и в завоевании Южного Китая,

¹ Чжуван 诸王 – титул, которым именуются члены «золотого рода» в хронике династии Юань [8, с. 270; 21, гл. 15]. Упомянутый Наянь приходился праправнуком младшему брату Чингиз-хана Тэмугэ-Отчигину и, согласно Рашид ад-Дину, перешел на сторону внука каана Угэдэя Хайду и праправнука Чагатая Дувы в их многолетнем противостоянии с императором Хубилаем [10, с. 193], на стороне которого в этой междоусобной борьбе также участвовали аские гвардейцы [21, гл. 123, 132, 135].

асы принимали активное участие [21, гл. 14, 15, 123, 127, 132, 135]), за события, имевшие место во времена правления Чингиз-хана, как это произошло в описаниях миссии Платона Карпини, в которых смешаны события различных походов монголов – похода на Хорезм, похода в Хорасан, похода в Дешт-и-Кыпчак и др. [22, с. 262–263].

Единственным источником, содержащим конкретную и развернутую информацию о времени вступления асов на монгольскую службу, является китайская «История династии Юань», согласно которой большинство аских военачальников (*Ханхусы* 杭忽思² и его вассал *Еле-Бадур* 也烈拔都儿; *Елия* 也里牙, *Негула* 捏古剌, *Аэрсylanь* 阿儿思兰; братья *Бадур* 拔都儿, *Матаэрша* 马塔儿沙 и *Уцзоэрбухань* 兀作儿不罕; *Юэлудамоу* 月鲁达某 [21, гл. 123, 132, 135]) присягали монгольскому военачальнику Мункэ либо уже в период верховного правления Мункэ вступали в дворцовую гвардию (*Фудэйласы* 福得来赐, *Коуэрцизи* 口儿吉 [21, гл. 135]), а также командовали тысячей воинов-асов (*Анхэсы* 昂和思) или получали награды за участие в военных действиях в Южном Китае (*Бэцзиба* 别吉八 [21, гл. 135]).

Конкретности этих сведений источника противоречит их интерпретация в научной традиции, в которой полагается, что переход асов на службу монголам проходил в два этапа: первый случился в Западной Алании (район Верхней Кубани и Пятигорья [9, с. 239]) с 1238 по 1240 гг. в правление великого хана Угэдэя, а второй – в правление великого хана Мункэ, т.е. между 1251 и 1259 гг. [3, с. 98–99; 4, с. 50; 14, с. 36]. Однако разделение, на основании сведений китайской хроники, асов, служивших монголам, на тех, кто пошел на эту службу при каане Угэдэе, и тех, кто пошел на нее при каане Мункэ, представляется не вполне корректным по ряду причин.

Во-первых, Мункэ в жизнеописаниях аских военачальников «Истории династии Юань» назван не великим ханом (кааном) Мункэ, а по своему храмовому имени-титулу (*Сяньцзун* 宪宗) [21, гл. 123, 132, 135], которое, согласно китайской традиции, давалось правителю после его смерти, и под которым он становился известным в письменной истории [12, с. 13]. По этой причине, события, представленные в этих жизнеописаниях, могли иметь место до того времени, когда этот Чингизид стал великим ханом. Мункэ оказался на землях асов во время т.н. Западного похода, организованного монголами в правление каана Угэдэя (храмовое имя *Тайцзун* 太宗), который сам в нем участия не принимал, поручив возглавить его Бату – сыну хана Джучи, правившему его улусом [10, с. 37]. В этом походе Мункэ командовал левым «крылом» монгольского войска, завоевывая владения кипчаков и асов по низовью Волги и на Северном Кавказе зимой 1237–1238 и 1239–1240 гг. [26, р. 381; 28, р. 224–

² В настоящей работе иероглифические написания имен и цитаты из оригинального текста «Истории династии Юань» взяты из электронной версии этого источника, в которой представлен упрощенный вариант написания иероглифов, отличающийся от их традиционного написания, представленного в печатных изданиях этой хроники. Следует сказать, что лишь около 10–15 процентов иероглифов, составляющих тексты рассматриваемых жизнеописаний аланских военачальников в «Истории династии Юань», имеют отличия в своем традиционном и упрощенном написаниях. При этом отличия в написании между традиционными и упрощенными иероглифами в этих жизнеописаниях не несут какой-либо лексической, морфологической или синтаксической нагрузки.

226, 228–229]. Поскольку ни о каких других завоеваниях монголов в Поволжье и на Северном Кавказе после правления каана Угэдэя неизвестно³, справедливо полагать, что большинство асских военачальников переходило на службу к монголам в правление каана Угэдэя, присягая Мункэ во время Западного похода, состоявшегося в 1236–1242 гг.

Во-вторых, О.Б. Бубенок для обоснования своего положения о двух периодах в поступлении асов на службу монголам использует перевод жизнеописания асского военачальника *Юйваши*, представленный А.И. Ивановым, который является не вполне верным, поскольку в оригинальном тексте источника ничего не говорится о том, что отец *Юйваши*, ас *Еле-Бадур*, как пишет А.И. Иванов, «подчинился Угэдэю»: «Его отец бадур (Илья багатур) пришел с правителем его государства и подчинился Угэдэю. Ему было повелено служить в гвардии» [7, с. 108]. В самом же источнике говорится только то, что «отец [Юйваши] Еле-Бадур, [он] подчинился вслед за владельцем его страны [и] Тайцзун [Угэдэй] приказал ему служить в гвардии» (*Фу Еле-Бадур, цун чжи гочжу лайгуй, Тайцзун минчун сувэй* 父也烈拔都儿，从其国主来归，太宗命充宿卫) [21, гл. 132]. В таком же смысле это предложение представлено и в труде А. Алеманя, который справедливо указывает в примечании, что под «владельцем его страны» (у А. Алеманя – «правителем его страны») подразумевается ас *Ханхусы* [1, с. 528], поскольку из всех асов, чьи биографии представлены в *Юань ши*, только *Ханхусы* назван «владельцем/правителем/государем страны асов» – *чжу а-су го* 主阿速国 [21, гл. 132].

В-третьих, в жизнеописании аса *Ханхусы* говорится, что он вместе со своим народом подчинился не *Тайцзуну* (Угэдэю), но «войску Тайцзуна, подошедшему к границе его страны» (*Тайцзун бин чжи цзин, Ханхусы шуай чжун лай цян...* 太宗兵至其境，杭忽思率众来降...) [21, гл. 132], из чего следует, что это было войско, отправленное Угэдэем в Западный поход, левое «крыло» которого, как указывалось, возглавлял Мункэ. Таким же образом переводит данное предложение и А. Алемань [1, с. 525], тогда как А.И. Иванов добавляет от себя, что «Ханхусы...подчинился Угэдэю» [7, с. 105]. Такой же вариант перевода этого предложения представлен и А.К. Моулом [29, с. 22]. Однако ни владелец страны асов *Ханхусы*, ни его вассал *Еле-Бадур* не могли присягать непосредственно каану Угэдэю по причине личного неучастия последнего в Западном походе, о чем было сказано выше.

³ Согласно Иоанну де Плано Карпини и Гийому де Рубрук, в 40–50-е годы XIII в. сопротивление в горных районах Алании продолжалось, но, как следует из повествований упомянутых авторов, это были локальные стычки запертых в горах алан и контролировавших Предкавказье монголов, а не завоевательные походы последних [23, р. 73; 26, р. 380]. Что касается похода Менгу-Тэмур и русских князей на асский город Деяков (он же, вероятно, Магас или Верхний Джулат), состоявшегося в 1277 г. [13, с. 75], то, по нашему мнению, это было не завоевание, а карательная экспедиция, необходимость в которой возникла в контексте противостояния Джучидов и Хулагуидов, оспаривавших между собой контроль над Кавказским перешейком. Можно полагать, что эти события сопровождалось переселением какой-то части алан в Китай, но в письменной традиции не представлено каких-либо сведений, с помощью которых можно было бы обосновать данное предположение.

В-четвертых, в жизнеописании аса *Ханхусы* также говорится о том, что после присяги последовал «ему высочайший указ набрать тысячу асских воинов, а его старшему сыну Атачи – быть возничим императора в походе» (*Сюнь фэн чжи сюань а-су цзюнь цяннь жэнь, цзици чжанцзы хуцзя циньчжэнь* 寻奉旨选阿速军千人，及其长子阿塔赤扈驾亲征) [21, гл. 132]. Очевидно, что под словом *цинь* 亲, обозначающем в данном предложении императора, подразумевается все тот же Мункэ, подтверждением чему служит следующее предложение жизнеописания аса *Ханхусы*, сообщающее о том, что сам он вернулся в свою страну, а его сын Атачи стал гвардейцем (*Цзи хуань, Атачи жу чжи сувэй* 既还，阿塔赤入直宿卫) [21, гл. 132] – т.е. отправился с Мункэ, поскольку известно, что Мункэ после похода на Северный Кавказ, по приказанию каана Угэдэя, вернулся в свою орду [10, с. 39–40], т.е. в Центральную Монголию, где находились владения его отца, Толюя. Подтверждением ухода в Монголию, а затем в Китай вместе с Мункэ аса Атачи также может служить то, что Атачи, как сообщается в том же жизнеописании его отца *Ханхусы*, «был вместе с Сяньцзунем при походе в провинцию Сычуань к [крепости] Дяоюйшань, где он отличился, участвуя в боях против войск Сун» (*Атачи цун Сяньцзун чжэнь Сичуань цзюнь юй Дяоюйшань, юй Сун бин чжань ю зунн...* 阿塔赤从宪宗征西川军于钓鱼山，与宋兵战有功...) [21, гл. 132]. Едва ли Мункэ-каан специально для этого похода вызывал аса Атачи из Алании.

В-пятых, в трактате «Войско» хроники «Истории династии Юань» прямо говорится о том, что в 1272 г. три тысячи асских воинов были набраны «из регулярных военных дворов асов» [21, гл. 99]. Можно утверждать, что эти военные дворы входили в войсковой реестр, составленный по приказу каана Хубилая в 1271 г. [21, гл. 99; 8, с. 212], и едва ли следует допускать, что Хубилай повелел вписать в свой восковой реестр какие-либо военные дворы, находящиеся вне пределов его непосредственной власти – в Западном «крыле» Великого монгольского улуса.

На основании приведенных сведений китайской хроники, не будет ошибкой полагать, что почти все из названных военачальников присягали непосредственно Мункэ во время Западного похода. По этой причине представляется сомнительным утверждение О.Б. Бубенка о том, что переход асов на службу к монголам проходил в два этапа, первый из которых случился в Западной Алании с 1238 по 1240 гг., а второй – в правление каана Мункэ, т.е. между 1251 и 1259 гг. [3, с. 98–99; 4, с. 50]. Более вероятно полагать, что асы, служившие кану Мункэ, либо также пришли из Алании с тем же Мункэ после Западного похода, либо они были потомками этих непосредственных выходцев из Алании, что отражено в жизнеописаниях ряда асских военачальников.

Приведенные аргументы позволяют полагать, что сведения из жизнеописаний асских военачальников, содержащихся в «Истории династии Юань», не могут быть основанием для утверждения, как это делает О.Б. Бубенок, о том, что переход асов на службу монголам в период правления каана Мункэ был более или не менее массовым в сравнение с периодом правления каана Угэдэя [3, с. 98]. Нельзя, конечно, исключать того, что асы отправлялись в Монголию со своей родины уже в период правления каана Мункэ [14, с. 36], и поставка на Дальний Восток воинских контингентов из числа покоренных на Западе народов, как пишет О.Б. Бубенок, «входила в ...обязанность» золото-

ордынских ханов, бывших вассалами каана [4, с. 50], или даже указать, как это делает Ч. Чжу-Чэн, на бесспорность факта отправки аских (как и русских и кыпчакских) воинов «на Дальний Восток из Улуса Джучи в период наивысшего могущества этого государства во времена правления хана Узбека» [20, с. 782]. Однако для такого рода предположений и бесспорных утверждений следует приводить какие-то другие аргументы, а не сведения из китайской хроники монгольской династии Юань, которые ничего об этом не сообщают ни прямо, ни косвенно.

Таким образом, можно утверждать, что сведения Джовани Мариньолли о службе асов у монголов со времен Чингиз-хана не подкрепляются сведениями из других письменных источников того времени и не позволяют следовать в этом вопросе далее предположений, которые можно соотносить только с косвенными данными (этнографическими, топонимическими, антропологическими и пр.) и потому не способными представить какое-либо однозначное решение данного вопроса. Кроме того, анализ сведений из жизнеописаний аских военачальников, представленных в «Истории династии Юань», не позволяет согласиться с утверждением о том, что переход их на службу к монголам происходил в два этапа, поскольку данное утверждение основывается на переводе оригинального текста источника, представленного А.И. Ивановым, который содержит фактические ошибки. На основании сведений из оригинального текста этого источника можно утверждать только то, что асы переходили на службу к монголам при каане Угэдэе во время Западного похода, присягая Мункэ, являвшемуся одним из военачальников этого похода, которому было поручено завоевывать их земли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
2. *Бретшнейдер Э.В.* Русь и асы на военной службе в Китае // Живая старина. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1894. Вып. I. С. 67–73.
3. *Бубенок О.Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев: Истина, 2004. 324 с.
4. Бубенок О.Б. Политика монголов по переселению народов на юге Восточной Европы во времена Александра Невского // *Rossica antiqua*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. №1(9). С. 41–63.
5. *Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 254 с.
6. *де Бридиа Ц.* История Тартар // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, пер. с лат. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко, исслед. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. С. 258–263.
7. Иванов А.И. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах (извлечение) // Хрестоматия по истории осетинского народа / Сост., прим., предисл. и указ. М.П. Санакоев. Цхинвал: Ирystон, 1993. Том I. С. 104–118.
8. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань» // Золотая Орда в источниках (Материалы для истории Золотой орды и улуса Джучи). Т. III. Китайские и монгольские источники / Перев. с кит., сост., введ. стат. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. С. 121–292.

9. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
10. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, прим. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевского. М., Л.: АН СССР, 1960. Т. II. 253 с.
11. Свет Я.М. Запад и Восток на рубеже XIII-XIV вв. (Вступительная статья) // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Перев. с лат. и староитал. яз., вступит. статья и прим. Я.М. Света. М.: Наука, 1968. С. 3–129.
12. Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. Минск: Миринда, 2004. 448 с.
13. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
14. Сланов А.А. Военное дело алан I–XIV вв. / Под ред. Р.С. Бзарова. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2007. 400 с.
15. Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник Древней истории. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. №1(2). С. 176–204.
16. Хаутала Р. Письма францисканцев из Золотой Орды: сведения латинских источников о религиозной политике хана Узбека (1312/13–1341) // *Rossica antiqua*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. №1(9). С. 63–103.
17. Хенниг Р. Неведомые земли / Пер. с нем. А.В. Лисовской, предисл. и ред. И.П. Магидовича. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. Т. III. 469 с.
18. Хроника Иоанна Мариньола, флорентийца, епископа Визиньянского // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) / Сост. введ. ст. и прим. Б.А. Калоева. Орджоникидзе: Сев.-Ос. книгоиздат, 1967. С. 22–23.
19. Хроника флорентинца Джованни Мариньолли, епископа Базиньянского // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Перев. с лат. и староитал. яз., вступит. статья и прим. Я.М. Света. М.: Наука, 1968. С. 196–212.
20. Чжао Чжу-Чэн. Сведения из Юаньши о военном сотрудничестве между Золотой Ордой и юаньской династией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 779–783.
21. Юань-ши 元史 [История [династии] Юань]. [Сайт «Синология» 国学网站专用]. Адрес доступа: <http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuasml.htm> (дата обращения: 25.04. 2018).
22. Юрченко А.Г. Военные походы хана Угедея // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Крит. текст, пер. с лат. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко, исслед. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002. С. 258–263
23. *Carpini*, original Latin text, wanting the last, i.e. IXth, chapter: this did not occur in the Lumley MS. [‘Lond.-Lum.’], from which Hakluyt printed / The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces. C.A. Beazley (ed.). London: Printed for the Hakluyt society, 1903. P. 43–74.
24. Chronicon Riverendissimi Joanis dicti de Marignolis de Florentia Ordinis Minorum Bysinianensis // Monumenta Historica Boemiae nusquam antehac edita, etc. T. II. Pragae: J.J. Clauser, Regii Typography, 1768. 506 p. + Index.
25. de La Roncière Ch., Dorez L. Lettres inédites et mémoires de Marino Sanudo l’ancien (1334–1337) // Bibliothèque de l’École des Chartes. Paris, Genève: Librairie Droz, 1895. T. LVI. P. 21–44.
26. Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales / Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie. Paris: Société de Géographie, 1839. T. IV. P. 215–399.

27. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Medieval European Sources // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 276–289.

28. Minorsky V. Caucasia III: The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Cambridge University press, 1952. Vol. 14, № 2. P. 221–238.

29. Moule A.C. The Minor friars in China // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Cambridge University Press, 1917. January. P. 1–36.

30. Wadding L.H. Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum. Editio secunda. Romae: Rochi Bernabò, 1733. Tomus Septimus. 632 p.

31. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In II vols. / Trans. and edit. by H. Yule. London: Hakluyt Society, 1866. Vol. II. 254–596 + xcviij p.

32. Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In IV vols. / Trans. and edit. by H. Yule and H. Cordier. London: Hakluyt Society, 1914. Vol. III. xv + 269 p.

Сведения об авторе: Эдуард Викторович Казиев – старший научный сотрудник Отдела истории Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (362025, ул. Ватутина, 46, Владикавказ, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4386-248X>, ResearcherID: L-9777-2018. E-mail: kedmon@rambler.ru

Поступила 31.01.2019 Принята к публикации 15.05.2019

Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Aleman' A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Sources on the Alans: a critical compilation]. Moscow: Menedzher Publ., 2003. 608 p. (In Russian)

2. Bretschneider E.V. Rus' i asy na voennoy sluzhbe v Kitae [The Rus' and the Ases upon the military service in China]. *Zhivaia starina* [Living Antiquity]. St. Petersburg: S.N. Khudekov Publ., 1894, no. 2, pp. 67–73. (In Russian)

3. Bubenok O.B. *Alany-asy v Zolotoy Orde (XIII–XV vv.)* [The Alans-Ases in the Golden Horde]. Kyiv: Istina Publ., 2004. 324 p. (In Russian)

4. Bubenok O.B. Politika mongolov po pereseleniyu narodov na yuge Vostochnoy Evropy vo vremena Aleksandra Nevskogo [The policy of the Mongols on the resettlement of peoples in the South of Eastern Europe at the time of Alexander Nevsky]. *Rossica Antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2014, no. 1(9), pp. 41–63. (In Russian)

5. Gagloyti Yu.S. *Alany i voprosy etnogeneza osetin* [The Alans and the issues of the Ossetian ethnogenesis]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1966. 254 p. (In Russian)

6. de Bridia C. Istoriya Tartar [Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia]. *Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya»*. *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and “The Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245]. S.V. Aksenov i A.G. Yurchenko (transl., research). St. Petersburg: Evraziya Publ., 2002, pp. 77–126. (In Latin, Russian)

7. Ivanov A.I. Istoriya mongolov (Yüan'-shi) ob asakh-alanakh (Izvlachenie) [History of the Mongols (Yüan-shih) about the Ases-Alans (Extract)]. *Khrestomatiya po istorii osetinskogo naroda* [Chrestomathy on the history of the Ossetian people]. M.P. Sanakoev (comp., ed.). Vol. I. Tskhinval, Iryston Publ., 1993, pp. 104–118. (In Russian)

8. Kitayskaya dinastiynaya istoriya “Yüan’ shi (Ofitsial’naya istoriya [dinastii Yüan’])” [Chinese dynasty history “Yüan shih (The Official History of the Yüan [Dynasty])”]. *Zolotaya Orda v istochnikakh (Materialy dlya istorii Zolotoy ordy i ulusa Dzhuchi)*. T. III: *Kitayskie i mongol’skie istochniki* [The Golden Horde in the sources (Materials for the history of the Golden Horde and the Ulus of Jochi). Vol. III: Chinese and Mongolian sources]. Khrapachevskiy R.P. (transl., compil., comment.). Moscow: Nauka Publ. 2009, pp. 121–292. (In Russian)

9. Kuznetsov V.A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of the Alans]. Vladikavkaz, Ir Publ., 1992. 392 p. (In Russian)

10. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey*. Tom II [Compendium of Chronicles. Vol. II]. Yu.P. Verkhovskiy (transl., comment.), B.I. Pankratov (comment.), I.P. Petrushevskiy (ed.). Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1960. 253 p. (In Russian)

12. Svet Ya.M. Zapad i Vostok na rubezhe XIII–XIV vv. (Vstupitel’naya statya) [West and East at the turn of the 13th–14th centuries. (Introductory article)]. *Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy* [After Marco Polo. Travels of Western foreigners to the three Indies]. Ya.M. Svet (transl., comment.). Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 118–126. (In Russian)

13. Sidikhmenov V.Ya. *Man’chzhurskie praviteli Kitaya* [The Manchu rulers of China]. Minsk: Mirinda Publ., 2004. 448 p. (In Russian)

14. *Simeonovskaya letopis’* [Simeonovskaya Chronicle]. Moscow: Znack, 2007. 328 p. (In Russian)

15. Slanov A.A. *Voennoe delo alan I–XIV vv.* [The Warfare of the Alans in the 1st–14th centuries]. R.S. Bzarov (ed.). Vladikavkaz: V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies Publ., 2007. 400 p. (In Russian)

15. Tolstov S.P. Osnovnye voprosy drevney istorii Sredney Azii [The main issues of the ancient history of Central Asia]. *Vestnik Drevnei Istorii=Journal of Ancient History*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo Publ., 1938, no. 1(2), pp. 176–204. (In Russian)

16. Hautala R. Pis’mo frantsiskantsev iz Zolotoy Ordyy: svedeniya latinskikh istochnikov o religioznoy politike khana Uzbeka (1312/13–1341) [Franciscan Letters from the Golden Horde: Latin Sources on the Religious Policy of Uzbek Khan (1312/13–1341)]. *Rossica Antiqua*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2014, no. 1(9), pp. 63–103. (In Russian)

17. Hennig R. *Nevedomye zemli*. Tom III [Terra incognita. Vol. III]. A.V. Lisovskaya (transl.), I.P. Magidovich (introd., ed.). Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1962. 469 p. (In Russian)

18. Khronika Ioanna Marin’ola, florentiytsa, episkopa Vizin’ianskogo [Chronicle of Johannes Marignola, the Florentine, the bishop of Bisignano]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (XIII–XIX vv.)* [The Ossetians through the eyes of the Russian and foreign travelers (13th–19th centuries)]. B.A. Kaloev (comp., comment.). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1967, pp. 22–23. (In Russian)

19. Khronika florentintsa Dzhovanni Marin’olli, episkopa Bazin’ianskogo [Chronicles of John of Marignolli, the Florentine, the bishop of Bisignano]. *Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy* [After Marco Polo. Travels of Western foreigners to the three Indies]. Ya.M. Svet (transl., comment.). Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 196–212. (In Russian)

20. Zhao Zhu-Cheng. Svedeniya iz Yüan’ shi o voennom sotrudnichestve mezhdyy Zolotoy Ordoy i yuan’skoiy dinastiey [Information from Yüan shih on the military cooperation between the Golden Horde and the Yüan’ dynasty]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 4, pp. 779–783. (In Russian)

21. 元史 [History of the Yüan dynasty]. 国学网站专用-Site «Sinology». Available at: <http://www.guoxue.com/shibu/24shi/yuanshi/yuasml.htm> (last accessed: 25.04. 2018). (In Chinese)

22. Yurchenko A.G. Voennye pokhody khana Ugedeia [Military campaigns of Ögödei Khan]. *Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and “The Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245]. S.V. Aksenov i A.G. Yurchenko (transl., research). St. Petersburg: Evraziya Publ., 2002, pp. 258–263. (In Russian)

23. Carpini, original Latin text, wanting the last, i.e. IXth, chapter: this did not occur in the Lumley MS. [‘Lond.-Lum.’], from which Hakluyt printed. *The text and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces*. C.A. Beazley (ed.). London: Printed for the Hakluyt society, 1903, pp. 43–74. (In Latin)

24. Chronicon Riverendissimi Joanis dicti de Marignolis de Florentia Ordinis Minorum Bysinianensis. *Monumenta Historica Boemiae nusquam antehac edita, etc.* T. II. Pragae: J.J. Clauser, Regii Typography, 1768. 506 p. + Index. (In Latin)

25. de La Roncière Ch., Dorez L. Lettres inédites et mémoires de Marino Sanudo l’ancien (1334–1337). *Bibliothèque de l’École des Chartes*. Paris: Genève: Librairie Droz, 1895, t. LVI, pp. 21–44. (In French)

26. Itinerarium fratris Willelmi de Rubruk de ordine fratrum minorum anno gratiae MCCLIII ad partes Orientales. *Recueil de Voyages et de Mémoires publié de la Société de Géographie*. Paris: Société de Géographie, 1839, Vol. IV, pp. 215–399. (In Latin)

27. Liščák V. The Christian Nobles at the Court of Great Khan, as Described in Medieval European Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 276–289.

28. Minorsky V. Caucasia III: The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Cambridge University press, 1952, vol. 14, no. 2, pp. 221–238.

29. Moule A.C. The Minor friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. Cambridge University Press, 1917, January, pp. 1–36.

30. Wadding L.H. *Annales Minorum seu Trium Ordinum a S. Francisco Institutorum*. Editio secunda. Romae: Rochi Bernabò, 1733. Tomus Septimus. 632 p. (In Latin)

31. *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In II Vols.* Trans. and edit. by H. Yule. London: Hakluyt Society, 1866. Vol. II. 254–596 + XCVIII p.

32. *Cathay and the way thither; being a collection of medieval notices of China. In IV Vols.* Trans. and edit. by H. Yule and H. Cordier. London: Hakluyt Society, 1914. Vol. III. xv + 269 p.

About the author: Eduard V. Kaziev – Senior Research Fellow, History Department of Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania (46, Vatutin Str., Vladikavkaz 362025, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4386-248X>, ResearcherID: L-9777-2018. E-mail: kedmon@rambler.ru

Received January 31, 2019 Accepted for publication May 15, 2019
Published June 29, 2019

УДК 94(47):271-9"1237/1240"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

ЕПИСКОПАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУСИ В ПЕРИОД МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ВТОРЖЕНИЯ 1237–1240 ГОДОВ (ПО ЛЕТОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Т.Ю. Фомина

*Набережночелнинский государственный педагогический университет
Набережные Челны, Российская Федерация
stal73@yandex.ru*

Цель: проанализировать на основе летописных источников изменения епископальной структуры Руси, произошедшие в ходе похода монголо-татарских войск 1237–1240 гг., и с помощью историко-генетического метода охарактеризовать процесс становления взаимоотношений монгол с представителями древнерусской церковной организацией.

Материалы исследования: в статье указывается на дискуссионность оценки влияния монголо-татарского вторжения на изменения епископальной структуры киевской митрополии. Возникновение, перенесение и ликвидация древнерусских епископских центров активно происходила и до первой трети XIII в. В статье подчеркиваются особенности положения русских епископий в ходе монгольского наступления 1237–1240 гг. Летописные источники сообщают о разорении и разграблении ордынскими войсками Владимирской и Переяславской кафедр, в то время как Ростовский, Черниговский и Галицкий архиереи сохранили свой сан и материальные ресурсы. После монгольского вторжения представители высшей церковной иерархии Руси склонились к сотрудничеству с Золотой Ордой. В результате русская церковь была освобождена от уплаты ордынской дани, укрепила свое влияние на общерусские политические процессы, клир и церковная собственность были выведены из подчинения удельных князей.

Результаты и научная новизна: применение историко-генетического метода позволило выявить особенности выстраивания взаимоотношений ордынцев с представителями русского епископата. Законы Яссы обязывали представителей Монгольской Империи, а затем и Золотой Орды, с высокой степенью терпимости относиться к представителям местного духовенства. Фиксируемая летописными источниками смерть представителей древнерусского епископата и спасение части из них, связаны непосредственно с периодом активных боевых действий, после окончания которых судьба духовенства зависела в основном от их лояльности к монгольской власти. Таким образом, взаимоотношения ордынцев с представителями высшей церковной иерархии Руси видятся не столь однозначными, как это нередко представляется в отечественной историографии.

Ключевые слова: церковно-ордынские отношения, монголо-татары, Древняя Русь, митрополиты, епископы, епископии

Для цитирования: Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов (по летописным источникам) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 254–265. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

THE DIOCESAN STRUCTURE OF RUS DURING THE MONGOL-TATAR INVASION IN 1237–1240 (ACCORDING TO THE CHRONICLES)

T.Yu. Fomina

*Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
stal73@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* To analyze, on the basis of the chronicle sources, changes in the episcopal structure of Rus, which occurred during the campaign of the Mongol-Tatar troops of 1237–1240, and with the help of the historical-genetic method, characterize the process of the formation of relations between the Mongols and representatives of the ancient Russian church organization.

Research materials: The article points to the debatable assessment of the impact of the Mongol-Tatar invasion on changes in the episcopal structure of the Kiev Metropolis. The emergence, transfer and liquidation of the ancient Russian episcopal centers actively took place before the first third of the 13th century. The article emphasizes the peculiarities of the position of Russian bishops during the Mongol offensive of 1237–1240. Chronicle sources report the devastation and plunder by the Horde troops of the Vladimir and Pereyaslav departments, while the Rostov, Chernigov and Galician bishops have retained their rank and material resources. As a result, the Russian church was freed from the payment of the Horde tribute, strengthened its influence on the all-Russian political processes, the clergy and church property were removed from the subordination of the princes.

Results and novelty of the research: The use of the historical-genetic method made it possible to reveal the peculiarities of building up the relations of the Horde with representatives of the Russian episcopate. The laws of Yasa obliged the representatives of the Mongol Empire, and then the Golden Horde, with a high degree of tolerance to the representatives of the local clergy. The death of representatives of the Old Russian episcopate, recorded by chronicle sources, and the salvation of some of them, was directly related to the period of active hostilities, and after they ended, the fate of the clergy depended mainly on their loyalty to the Mongol power. Thus, the relationship of the Horde with representatives of the highest ecclesiastical hierarchy of Rus is not seen as so unambiguous, as it often appears in Russian historiography.

Keywords: church-Horde relations, Mongol-Tatars, Old Rus, metropolitans, bishops, bishoprics

For citation: Fomina T.Yu. The Diocesan Structure of Rus during the Mongol-Tatar Invasion in 1237–1240 (according to the chronicles). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden HordeReview*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 254–265. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

В древнерусском летописании ход монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов представлен сюжетами масштабных разрушений и разорений. В историографии принято считать, что в этот период была нарушена церковная структура Руси [5; 26; 12; 13; 10; 24; 25; 4]. Хотя при обстоятельном анализе летописных известий общая картина требует дополнительного уточнения. Во-первых, стоит отметить, что и до монгольского нашествия на Русь епископское управление на ее территории претерпевало значительные трансформации, как различного рода перенесения кафедр или их объединения, так и формирование новых. Источником подобных изменений в еписко-

пальной структуре в значительной мере становились главы княжеского рода. Во-вторых, необходимо уточнить, что епископальная структура домонгольской Руси не может рассматриваться как взаимосвязанное единое устройство древнерусской православной церкви. Раздираемая внутренними противоречиями и служащая в угоду местным княжеским родам, не единожды митрополия приходила к разделению на части. В-третьих, само древнерусское летописание изобилует поздними вставками или попытками реконструкции события на основе библейских мотивов или вставок из более ранних по хронологии летописных сюжетов. В итоге, мы получаем летописное разорение Москвы: «град и църкви стѣна ѿгневи предаша и монастыри вси и села пожгоша» [19, стб. 462]. В то время как религиозные постройки в этот период в области близ города просто не фиксируются, а поздний Московский свод о раннем церковном строительстве и вовсе умалчивает.

Прежде всего, стоит заметить, что, судя по летописным источникам, формально к 30-м гг. XIII в. древнерусская церковная организация под руководством киевских митрополитов имела на территории подвластной роду Рюриковичей разветвленную, но не единую епископальную структуру. Сама численность и статус епископий претерпевали значительные изменения вслед за политическим развитием русских земель. По сути, были образованы три области политической силы: Новгородская, Северо-Восточная и Юго-Западная. Составляющие костяк каждой области княжеские роды, претендовавшие на лидерство на Руси, формировали в своих ключевых городах собственные независимые друг от друга епископские центры. Юридически епископальная структура была объединена властью киевского митрополита, но фактически иерархи оставались подневольными в принятии решений от собственных князей и представителей их родов, а порой и городского вече. Так, например, со второй половины XII в. Великий Новгород занял особое положение в рамках митрополии, новгородские архиереи получили статус архиепископов, а их кандидатуры избирались городской знатью и лишь утверждались киевскими митрополитами. Отсутствие стабильной епископальной структуры, неустойчивость границ и именованья самих епископий подтверждаются многочисленными событиями, произошедшими в Центральной, Юго-Западной и Северо-Восточной части Древней Руси.

Относительно центра Руси среди качественных примеров княжеского вмешательства можно выделить: во-первых, борьбу за Туровскую епископию, в которой победил Киев [3, с. 109–110], утвердив своего ставленника Киево-Печерского монастыря Лаврентия [9, с. 395]; во-вторых, активизацию смоленских князей по утверждению своей воли в полоцкой земле, вылившуюся в утверждение в нем смоленских князей [2, с. 29], которые в свою очередь поддерживали активные связи с двором Рижского епископа. В Полоцке одновременно с католическим духовенством, святительствовал епископ Олекса (упоминается под 1231 г.), управлявший также Белгородской и Юрьевской кафедрами [19, стб. 456]. Сама же смоленская епархия, возглавлявшаяся епископом Лазарем [8, с. 45], терпела многочисленные «обиды», исходившие от местных властителей, «отнимающие чужое несправедно и обижающие вдов и сирот» [8, с. 45]. Не выдержав княжеского произвола, Лазарь оставил своё служение. Пришедшие ему на смену иерархи были более

лояльными к такому роду властителей и не проявляли, судя по всему, служебного рвения [22, с. 224].

Для Юго-Западной Руси несколько затруднительно восстановить жизнь епархий, действовавших на её территории в период с 1223 по 1240 г., так как галицко-волинское летописание в основном ориентировалось на упоминание деяний представителей именно княжеского рода. Однако учитывая даже эти особенности, можно встретить упоминания о личном участии Даниила Романовича Галицкого в церковном устройении. Основанный им крепость-град Холм стал новым епископским центром, переподчинив на себя Угровскую кафедру. Такое переподчинение связано с борьбой со своеволием «пискупа Асафа», который без княжеского на то разрешения «скочи на стол митрофолч» [20, стб. 740]. Кратковременной, но небезынтесной была и судьба возрожденной Перемышльской кафедры, которая существовала в первой половине XIII в. на территории Юго-Западной Руси [17, с. 60]. Кратковременность её действия и последующее объединение с Галицкой епархией также можно связать с волей рода Романовичей.

В Галиче, в котором боярская оппозиция была сродни новгородской, но лишь по степени своих амбиций, святительствовал епископ Артемий. Неоднократно выступая против Даниила Романовича, Артемий, всё же поняв, что силы оппозиции не справляются с защитой собственных территорий, в 1235 году вместе с дворским Григорием отправился к Даниилу Романовичу прося принять княжение в Галиче: «слезнама вчима и вслабленомъ лицемъ. и лижюща оуста своа . æко не имѣюща власти кнаженьæ своего . рѣста же с ноужею . прииди кнаже Данило приими градъ Данило же вниде во градъ свои.» [20, стб. 777–778].

В Северо-Восточной Руси основной особенностью развития диоцеза было дробление епископий с организацией новых кафедр и выведения из под юрисдикции территорий, подчиненных южнорусским архиереям. В результате подобных княжеских действий к уже имеющимся были добавлены Рязанская [1] и Переяславская кафедры [19, стб. 415]. Данная политика проводилась не без прямого княжеского вмешательства. Начатое Всеволодом Большое Гнездо, непосредственное дробление и организация новых епископских центров было продолжено его сыновьями, создававшими на подвластных им территориях самостоятельные кафедры. Так решением князя Юрия Всеволодовича в 1214 г. был основан Владимирский диоцез.

Вышеперечисленные сюжеты убедительно доказывают, что накануне монголо-татарского вторжения происходили значительные изменения в структуре Киевской митрополии, которые отражали желание наиболее сильных князей упрочить своё положение, учитывая средневековую особенность сакрализации власти. В этом отношении прошедшее монголо-татарское нашествие не только упростило многие неразрешимые межкняжеские споры за старшинство, установив особый порядок получения прав на княжение из рук хана, но и установило новые порядки, особенно в области церковно-княжеских отношений.

Безусловно, нельзя отрицать разрушения, разорения и гибель ряда иерархов, произошедшие в ходе осады городов во время западного похода Бату. Однако преувеличенная в историографии степень произошедшего несколько разнится с исторической действительностью, которую мы обретаем в ходе

анализа летописных свидетельств. С одной стороны это связано с желанием многих церковных историков отразить в своих трудах эффектное мученическое геройство представителей церкви. С другой стороны схожую цель преследовали как ранние, так и поздние древнерусские хронисты. Порой домысливая те или иные сюжеты, они из века в век переносили и добавляли всё более детальные подробности о событиях, всё дальше и дальше отстоящих от времени составления того или иного летописного списка.

Северо-восточная Русь в 1237 г. первой приняла на себя удар монгольских войск. Захватив Рязань, монголы «много же стхъ цркви и гнєви предаша и манастирьѣ и села пожгоша» [19, стб. 461]; о гибели духовенства летопись не сообщала, что само по себе странно. Лишь в «Повести о Николае Заразском», время создания которой, по мнению Д.С. Лихачева, относится не ранее первой половины XIV в. [11, с. 258], говорится, что «татары» рязанского «епископа и священнический чин огню предаша, во святей церкви пожегоша» [11, с. 292]. «Повесть», казалось бы, позволяет восстановить имя погибшего архиерея: вероятно, это упоминаемый там же под 1223 г. рязанский епископ Ефросин, который благословил на битву с монголами князя Юрия Ингоревича [11, с. 286]. Однако само количество разнородных списков, составляющих целый цикл повестей о Николае Заразском, позднее время их составления (около века спустя), отсутствие в самом описании имени погибшего епископа, в отличие от летописного сюжета взятия Владимира, могут указывать лишь на желание составителей Повести усилить эмоциональный эффект от произошедшего исключительно в политических целях. Прежнее указание в Лаврентьевской летописи на цели прихода татар как казнь Божью, сменилось утверждением древнерусских книжников XIV в. и в особенности середины XVI вв., что монголы «желая Рускую землю поплєнити, и веру христьянскую искорєнити и церкви божии до основаниа разорити» [11, с. 292]. Но подобная поздняя трактовка цели не соответствовала действительности в связи с тем, что иначе нарушался бы один из главных законов Монгольской Империи «Яссы», который утверждал полную веротерпимость по отношению к любому культу, с одной лишь оговоркой, что его непосредственные представители должны были быть лояльны действиям монголов [27, с. 224]. Неудивительно, что призыв к стойкому сопротивлению и вхождение в ряд защитников города предопределил судьбу владимирского епископа Митрофана. В ходе штурма города Владимира войсками Батые в кафедральной церкви пресвятой Богородицы с «кнагѣни Юрьєва съ дчерью и с снохами и со внучаты и прочиѣ кнагѣни» в пожаре погиб епископ Митрофан [19, с. тб. 464].

Очевидно, что материальному положению церкви действительно был нанесен значительный урон; о богатстве кафедр Северо-восточной Руси позволяет судить замечание Владимиро-Суздальского епископа Симона (ум. 1226 г.): «много городов и сел, и со всей той земли я получаю десятину» [9, с. 395]. Вместе с тем, успешное бегство епископа ростовского Кирилла на Белоозеро [19, стб. 465] и удивительно быстрое восстановление им служения в Ростове, позволяют говорить и о том, что многое всё же удалось спасти. Последующие события и установившиеся прямые церковно-ордынские отношения лишь подтверждают предположение о том, что вовремя сбежавший Кирилл сумел впоследствии договориться с монголами, и вся последующая

история ростовской епархии повествует о стабильном росте материального достатка, принесения от местных князей «дары многы», открытии новых храмов и т.п. [15, с. 267; 19, стб. 524; 18].

Успешно налаженные Ростовским епископом Кириллом церковно-ордынские связи позволили последнему получить первые ханские ярлыки, даровавшие полный налоговый иммунитет [6, с. 45]. Кроме того, учитывая мнение Р.Ю. Почекаева, можно заключить, что выданные ярлыки, ставя защиту церкви в приоритет своей внутренней политики и защищая их от любого произвола, в том числе княжеского, выводили из-под прямой зависимости от удельных князей архиереев, а также весь церковный люд и, что важно, церковную собственность [24, с. 184]. Следовательно, если в первые десятилетия после монголо-татарского вторжения церковная структура северо-восточного региона была еще более усложнена, чем это было в домонгольский период, многие епископские кафедры оставались вакантными в связи с гибелью архиереев, а смерть прежних ктиторов делала невозможным материальное содержание ряда епископских дворов, то к 60–80-х гг. XIII в., в том числе благодаря полученным ярлыкам, восстанавливается регулярная церковная жизнь, как и её материальный достаток, а епархиальная структура устремилась к упорядочиванию.

Устоявшиеся отношения с монголами поддерживал и следующий ростовский епископ Игнатий, как минимум дважды ездивший в Орду «за причет церковный» [19, стб. 525]. Современный исследователь А.В. Масленников справедливо отмечал, что грамотные действия епископов «позволили установить взаимовыгодный союз между Ростовской епископией и ханами Золотой Орды... В период непрекращавшихся междоусобных войн местных князей, ростовские архиереи получили право на сбор ежегодной дани ростовских и ярославских князей, что, несомненно, говорит о том, что Ростовская кафедра в данный период времени представляла существенную политическую силу и являлась гарантом политической стабильности в регионе» [15; 18].

Великий Новгород в период монголо-татарского вторжения не пострадал. Спасение города от ордынских войск приписывается молитвам владыки Спиридона. В результате его заступничества, вероятно, нашедшего своё реальное воплощение лишь на страницах списков древнерусских летописей, монгольские войска «за 100 верьсть до Новаграда не дошед» [17, с. 289]. Реальные причины такого неожиданного поворота остаются до сих пор не разгаданными. Вполне возможно, город, обладавший недюжими ресурсами, попросту откупился, использовав владыку Спиридона как посла. Однако под 1257 г. сообщается о попытке установить ордынский выход для Новгорода, что привело к волнениям горожан, и лишь в 1259 г. «почаша ѓздити оканнии (вероятно, представители администрации Монгольской Империи, переписчики – Т.Ф.) по улицамъ, пишуще дома крестияньскыя», и начался сбор дани «бояре легко, а меншимъ зло» [17, с. 310–311], при этом церковь от уплаты «тамги» была освобождена. Данное обстоятельство позволило следующему новгородскому архиепископу Далмату «поби святую Софѣю всю свинцомъ, и даи ему богъ спасаная молитва, отпушение грѣховъ» [17, с. 311].

Иначе решилась судьба Переяславской епископии. В ходе продвижения монгольских войск по территории Руси 3 марта 1239 г. «татарове взаша Переяславль Рускыйи и епспа оубиша и люди избиша а град пожьгоша огнем и

люди и полона много вземше ѿидоша» [19, стб. 470]; на основании Московского свода восстанавливается имя погибшего епископа – Семен [21, с. 179]. С этого времени Переяславская епископия на некоторое время исчезает с карты Киевской митрополии. Отсутствие поддержки со стороны княжеского рода и необходимости в собственном епископе, в связи с перенесением центра политической силы во Владимир, привело к тому, что восстановление епископии произошло лишь номинально и только после 1269 г. По сути, это была инициатива киевского митрополита Кирилла, который своим решением объединил Переяславскую кафедру и созданный в 1261 году епископский центр в Сарае. Но даже с учетом этого обстоятельства восстановление епископского центра непосредственно в Переяславле так и не произошло [3, с. 104–114].

Менее трагичная участь, чем в Переяславле, постигла и Черниговскую кафедру. Осенью 1239 г. «взаша Татарове Черниговъ князи ихъ выѣхаша въ Оугры а град пожегше и люди избиша и манастьрѣ пограбиша в спсѣа Перфурья пустиша в Глуховѣ а сами идоша в станы своѣ» [19, стб. 470]. Впервые источники сообщают, что в ходе активного вооруженного штурма города монголы пленили архиерея и по прошествии некоторого времени отпустили его. В сущности, данный сюжет является подтверждением приверженности монголо-татарских войск законам Яссы. Следовательно, монголы оставляли в живых тех, кто сдавался без боя или же, находясь в плену, принимал предъявляемые ими условия их освобождения. К схожему предположению пришел и канадский исследователь Мартин Димник [7, с. 21]. Лояльность Порфирия в плену у захватчиков позволила сохранить ему собственную жизнь. Церковные историки не смогли принять данный факт и предпочли в своих трудах вскорости умертвить святителя, придав ему ореол мученичества, который, по их мнению, «истомленный скорбями вскоре скончался» [14, с. 532]. После гибели в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича с «боярином его Федором» (1246 г.) сын князя Роман перенес княжескую резиденцию в Брянск. Таким образом, восстановления черниговской епископии не произошло в связи с разделением Черниговского княжества и выделением отдельных епископских центров в новообразованных Глуховском и Брянском княжествах.

Церковная ситуация в период монголо-татарского вторжения в Галицко-Волынских землях, объединенных под властью Даниила и Василько Романовичей, была несколько иной и более сложной, чем в остальных землях Руси. Ситуация в церковной структуре на Руси усложнилась после того, как в 1240 г., после осады и штурма Киева, оказалась вакантной митрополичья кафедра. Занимавший кафедру грек Иосиф, скорее всего, заблаговременно удалился с места служения, либо скоростижно погиб во время осады Киева, что менее вероятно, так как летописи не оставили нам известий о его мученической смерти [23, с. 467]. В это же время, в связи с непрекращающейся борьбой Даниила против боярской оппозиции, возникла фигура Кюрила, печатника галицкого князя (хранителя печати, по сути канцлера), который в 1241 году восстановил власть Даниила над городом Дядяков и рейдом прошелся по Болоховской земле. Вероятно, именно своей преданностью Кирилл заслужил высшее доверие князя и был отправлен им как кандидат на митрополичий стол, став таким образом первым русским митрополитом по происхождению, статус которого был утвержден Константинопольским патриархом [20, стб. 791, 792, 794, 809].

В этот период весьма сложно прослеживается судьба галицкого епископа. Ранее упоминавшийся Артемий, неоднократно выступавший против кандидатуры Даниила Романовича на галицкое княжение, почувствовав близкую над ним и Ростиславом Михайловичем расправу, бежал в 1241 г. в Перемышль, откуда был изгнан в том же году в ходе рейда княжеского дворского Андрея, войска которого «разграби гордые и тоулы ихъ бобровые раздра и прилбичѣ их вольчѣ и борьсуковые раздраны быша» [20, стб. 793]. Однако описание богатств, принадлежавших гордым слугам галицкого епископа, свидетельствует о том, что, скорее всего, кафедра не пострадала в результате татаро-монгольского похода. Судьба самого Артемия после вышеописанных событий, увы, не известна. Однако свет Галицкой епархии в дальнейшем не угас, а кафедра, решением Константинопольского патриарха, приобретает статус митрополии в 1303 г., вобрав в себя Владимиро-волинскую, Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Луцкую епархии. Правда, среди перечисленных епархий, до 1303 г., лишь епископ Иоанн Холмский заслужил внимание древнерусского летописца, который оставил упоминание о нем под 1260 г. Наряду с освящением кафедральной церкви, Иоанн оставил след в истории своей дипломатической неудачей в составе посольства, направленного Даниилом Романовичем к Бурундаю [20, стб. 846, 849]. Увы, Бурундай «великоу впалоу створшоу на Василка кнѣза и на Лва», представлявших интересы Даниила Романовича, а Иоанн «стоѣше во оужасти величѣ» [20, стб. 849].

Епископы Юго-Западной Руси, подавляемые княжеским домом Романовичей, были вынуждены принимать все решения князей, как и прежде, до монгольского вторжения. Однако хорошо известно наличие обоюдного желания, как у епископата, так и у самого Даниила Романовича, совершить унию с Римским престолом. При этом в данном направлении в ходе переговоров с папскими легатами были достигнуты некоторые успехи, и в итоге был издан папский «наказ» не вторгаться рыцарям монашествующих орденов в земли Даниила и Василька Романовичей [16, с. 322–328]. Само по себе это означало, что в своих дальнейших планах Даниил мог хотя бы не опасаться удара в спину с Запада. Таким образом, епископат Юго-Западной Руси, поддерживаемый княжеской политикой, устремился к обособлению от Северо-Восточного диоцеза и отхода в сторону Европы.

В итоге, можно констатировать, что, согласно летописным источникам, древнерусская церковная организация пережила монголо-татарского вторжения 1237–1240 гг. с меньшими для себя потерями, чем это утверждается в историографии. Гибель епископата фиксируется на страницах древнерусских летописей лишь в условиях осады и разграбления русских городов; при лояльности к монгольской власти архиереи сохраняли не только жизнь, но и свое социальное положение. Однако в этот период, вследствие действий древнерусских князей, получает новое дыхание движение за разделение Киевской митрополии на две части. Юго-Западные епископии обособляются от общерусских церковных процессов и, при поддержке княжеского рода Романовичей, активизируют контакты с кафедрами Западной церкви. Северо-Восточные же епископии предпочли сотрудничество с татарами, и, как следствие, поддержали политическую власть княжеского рода Ярославичей в выстраивании отношений с Золотой Ордой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов Ю. А.* Епархии Киевской митрополии // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2015. С. 945.
2. *Богданов В.П., Рукавишников А.В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 19–32.
3. *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII–первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 104–114.
4. *Галимов Т.Р.* Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. в оценках современников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 29–55. DOI:10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55
5. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II: период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Грааль, 1997. 920 с.
6. *Григорьев А.П.* Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.
7. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1 (35). С. 17–35.
8. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5. С. 30–65.
9. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 432 с.
10. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII–первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. М., 1990. Ч. 1. С. 15–69.
11. *Лихачев Д.С.* Повести о Николае Заразском // Труды отдела древнерусской литературы. Л, 1949. Т. 7. С. 257–406.
12. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриархата (988–1240). Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
13. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви в период постепенного перехода к ее самостоятельности (1240–1589). Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 704 с.
14. *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи (992–1892): в 3 т. М.: Сретенский монастырь, 2003. Т. 2: Иоанн–Симеон. 607 с.
15. *Масленников А.В.* Взаимоотношения светской и церковной властей в X–XVIII веках (на материалах Ростовско-Ярославской епархии). Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 281 с.
16. *Назаренко А.В.* Галицкая епархия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 322–328.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 642 с.
18. Повесть о Петре, царевице Ордынском // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л.: Художественная литература, 1958. С. 267–288.
19. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 379 с.

20. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 638 с.
21. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры; 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. 488 с.
22. Помянник смоленских епископов XVI в. // Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. М.: Синодальная тип., 1869. Отд. III. Ч. I. С. 224.
23. Понте А. Митрополиты Киевские и всея Руси // Щанов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М.: Наука, 1989. С. 191–206.
24. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2009. 260 с.
25. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами русских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
26. Филарет (Гумилевский), архиеп. История русской церкви. Период второй: монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии (1236–1410). М.: Тип. Волчанинова, 1888. 840 с.
27. Хара-Даван Э. Чингис-хан: эссе. Казань: Идея-пресс, 2008. 204 с.

Сведения об авторе: Татьяна Юрьевна Фомина – кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского государственного педагогического университета (423806, ул. Низаметдинова, 28, Набережные Челны, Российская Федерация). E-mail: stal73@yandex.ru

Поступила 06.03.2019 Принята к публикации 31.05.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Artamonov Yu. A. Eparkhii Kievskoy mitropolii [Dioceses of the Kyiv Metropolis]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Rus in the Medieval World: Encyclopedia]. Moscow: Lodomir, 2015. 945 p. (In Russian)
2. Bogdanov V.P., Rukavishnikov A.V. Vzaimootnosheniya polotskikh i smolenskikh knyazey v XII– pervoy treti XIII v. [Relations of the Polotsk and Smolensk Princes in the 12th – the first third of the 13th century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002, Vol. 10, pp. 19–32. (In Russian)
3. Galimov T.R. Russkaya tserkovnaya ierarkhiya v knyazheskikh mezhdousobitsakh serediny XII–pervoy treti XIII vv. [Russian Church Hierarchy in Princely Feuds of the middle of the 12th – first third of the 13th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University: History]. Is. 52, 2012, Vol. 25 (279), pp. 104–114. (In Russian)
4. Galimov T.R. Hierarchy of the Russian Church and Relations between the Horde and the Russian Church during the Tatar-Mongol Invasion of 1237–1240 according to Contemporary Estimates. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55 (In Russian)
5. Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi. Tom II: period vtoroy, Moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no* [History of the Russian Church. Volume 2: The Second, Moscow Period from the Invasion of the Mongols to Metropolitan Macarius Inclusively]. Moscow: Graal', 1997. 920 p. (In Russian)
6. Grigor'ev A.P. *Sbornik Khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [A Collection of Khan's Yarliks Granted to

Russian Metropolitans: A Source Study of the Golden Horde's Documents]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 2004. 276 p. (In Russian)

7. Dimnik M. Daniil Galitskiy, Mikhail Chernigovskiy i tatory: bor'ba za Galitskuyu zemlyu v 1239–1245 gg. [Daniil Galitsky, Mikhail Chernigovsky and Tatars: The Struggle for the Galician Land in 1239–1245]. *Rusin*. 2014, Vol. 1 (35). pp. 17–35. (In Russian)

8. Zhitie Avraamiya Smolenskogo [The Life of Avraamy of Smolensk]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005, vol. 5, pp. 30–65. (In Russian)

9. *Kievo-Pecherskiy paterik, ili Skazaniya o zhitii i podvigakh svyatykh ugodnikov Kievo-Pecherskoy lavry* [The Kyiv-Pechersk Paterik, or Tales of the Lives and Deeds of the Saints of the Kyiv-Pechersk Lavra]. Moscow: Sretenskiy monastyr' Publ., 2012. 432 p. (In Russian)

10. Kuchkin V.A. Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII–pervaya chetvert' XIV v.) [The Mongol-Tatar Yoke in the Light of Ancient Rus Scribes (13th – first quarter of the 14th century)]. *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian Culture in the Conditions of Foreign Invasions and Wars. Collected studies]. Moscow, 1990, Vol. 1, pp. 15–69. (In Russian)

11. Likhachev D.S. Povesti o Nikolae Zarazskom [Tales of Nikolai Zarask]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 7. Leningrad, 1949, pp. 257–406. (In Russian)

12. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: istoriya Russkoy Tserkvi v period sovershennoy zavisimosti ee ot konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240)*. Part 2. [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Complete Dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240). Book 2]. Moscow: Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1995. 704 p. (In Russian)

13. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepennogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589)*. Kn. 3. [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Gradual Transition to Independence (1240–1589). Book 3]. Moscow: Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1996. 704 p. (In Russian)

14. Manuil (Lemeshevskiy), mitr. *Russkie pravoslavnye ierarkhi (992–1892)* [Russian Orthodox Hierarchs (992–1892): in 3 volumes]. Moscow: Sretenskiy monastyr', 2003. Vol. 2. 607 p. (In Russian)

15. Maslennikov A.V. *Vzaimootnosheniya svetskoy i tserkovnoy vlastey v X–XVIII vekakh (na materialakh Rostovsko-Yaroslavskoy eparkhii)*. Diss. ... kand. ist. nauk [Relations between the secular and church authorities in the 10th – 18th centuries (based on materials of the Rostov-Yaroslavl diocese). Ph.D. Thesis]. Yaroslavl', 2012. 281 p.

16. Nazarenko A.V. Galitskaya eparkhiya [The Galician Diocese]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2005, Vol. 10, pp. 322–328. (In Russian)

17. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the senior and junior redactions]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1950. 642 p. (In Old Russian)

18. Povest' o Petre, tsareviche Ordynskom [The Tale of Peter, the Horde's Prince]. *Russkie povesti XV–XVI vv.* [Russian Tales of the 15th–16th centuries]. Moscow: Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1958, pp. 267–288. (In Old Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* [Lavrent'evskaya Chronicles]. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1926–1928. Vol. 1. 379 p. (In Old Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. *Ipat'evskaya letopis'* [Ipat'evskaya Chronicles]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. Vol. 2. 638 p. (In Old Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v.* [Moscow Chronicle of the end of the 15th century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004. 488 p. (In Old Russian)
22. Pomyannik smolenskikh episkopov XVI v. [The Commemoration of Smolensk Bishops of the 16th century]. Gorskiy A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavyanskikh rukopisey Sinodal'noy biblioteki* [Description of the Slavic Manuscripts of the Synodal Library]. Moscow: Sinodal'naya tip., 1869. Otd. III. Ch. I, p. 224. (In Russian)
23. Poppe A. Mitropolity Kievskie i vseya Rusi [Metropolitans of Kiev and All Russia]. Shchapov Ya.N. *Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi XI–XIII vv.* [State and Church of Ancient Rus in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka Publ., pp. 191–206. (In Russian)
24. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The legal system of the Golden Horde]. Kazan: Fen Publ., 2009. 260 p. (In Russian)
25. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [The Mongol-Tatars by the Eyes of Old Russian Scribes of the middle of the 13th–15th centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
26. Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoriya russkoy tserkvi. Period vtoroy: mongol'skiy. Ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii (1236–1410)* [History of the Russian Church. Period Two: The Mongol Period. From the Devastation of Rus by the Mongols to the Division of the Metropolis (1236–1410)]. Moscow: Volchaninova Publ., 1888. 840 p. (In Russian)
27. Khara-Davan E. *Chingis-khan: esse* [Chinggis Khan: An Essay]. Kazan: Ideya-press, 2008. 204 p. (In Russian)

About the author: Tat'yana Yu. Fomina – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (28, Nizametdinov Str., Naberezhnye Chelny 423806, Russian Federation). E-mail: stal73@yandex.ru

*Received March 6, 2019 Accepted for publication May 31, 2019
Published June 29, 2019*

ЙАНГИ ТАРАЗ XIII–XIV ВВ. И ОТКРЫТИЕ ЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

*П.Н. Петров*¹, *А.М. Камышев*²

¹ *Центральный Государственный музей Республики Казахстан
Алматы, Республика Казахстан
ppn@zmail.ru*

² *Бишкек, Кыргызстан
sakatih@mail.ru*

В настоящее время все историки и археологи, касающиеся исторических событий XIII–XIV вв., связанных с городом Тараз, относят их исключительно к городищу, культурные слои которого расположены под застройкой современного города Тараз в Казахстане. Причем, ему же приписывается и название *Йанги Тараз*. Настороженное отношение к такой идентификации возникло в связи с изучением монетного дела и монетного обращения в г. Таразе в интересующие нас века. Если по результатам изучения объемов эмиссий в Таразе в последней трети XIII в. стало понятно, что монетное производство было очень значительным в масштабах всего государства, то возник вопрос – почему этих монет совсем нет в культурных слоях на территории изучаемого археологами Тараза? И где располагался в таком случае тот – монгольский *Йанги Тараз*? *Целями* настоящей статьи являются: 1) установление местонахождения высокой концентрации чагатайских монет Тараза, как медных, так и серебряных, то есть установление местоположения таразского монетного производства в XIII–XIV вв.; 2) попытка разобраться в представлениях современных ученых историков о функционировании г. Тараз в этот период. Изучение нумизматических находок с территории Таласской долины в Кыргызстане позволило обнаружить местонахождение скопления монет *Тараза*, *Йанги Тараза* и *Орду Базара* в районе городища Покровское II. В статье подробно рассмотрены нумизматические находки как с Покровского II, так и с Тараза в Казахстане. Таким образом, было установлено, что расположение монетного двора *Йанги Тараз* находилось если не в самом этом месте (на месте Покровского II), то где-то поблизости. В нарративных источниках обнаружена информация о том, что городов Тараз было два – *Улуг Тараз* и *Ками Тараз*. Но последний находился за р. Или в землях уйгур. Были рассмотрены некоторые ошибки разных авторов в исторических интерпретациях и выводах, вызванных существованием двух близко расположенных городов с названием Тараз в XIII–XIV вв.

Ключевые слова: государство Чагатаидов, XIII–XIV вв., город Тараз, река Талас, монетный двор *Йанги Тараз*, Таласская долина, монетные находки, товарно-денежные отношения

Для цитирования: Петров П.Н., Камышев А.М. *Йанги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным* // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 266–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.266-282

YANGI TARAZ IN THE 13TH–14TH CENTURIES
AND THE DISCOVERY OF ITS GEOGRAPHICAL LOCATION
ON THE BASIS OF NUMISMATIC DATA

P.N. Petrov¹, A.M. Kamishev²

¹ *Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Republic of Kazakhstan
ppn@zmail.ru*

² *Bishkek, Kyrgyzstan
sakamih@mail.ru*

Abstract: At present, all historians and archaeologists concerned with historical events of the thirteenth and fourteenth centuries connected to the city of Taraz use its name only in reference to the medieval site whose occupation layers are located under buildings of the modern city of Taraz in Kazakhstan. The name of Yangi Taraz is also attributed to this medieval site. This surprising identification arose in connection to studying of monetary production and its circulation from Taraz in the period of interest. By studying the volume of coins issues in Taraz city in the last third of the thirteenth century and establishing that monetary production was very considerable even on the scale of the entire state, there arose a question – Why are these coins not found in occupation layers in the territory of Taraz studied by archaeologists at all? And in that case where was the Yangi Taraz of the Mongol period located? The purposes of the present article are: 1) To identify the locations of high concentration the Chagataid's coins of Taraz – both copper and silver ones – that is, to determine the location of the Taraz monetary production in the thirteenth and fourteenth centuries; 2) To make an attempt to understand the notions of modern scholarly historians regarding the functioning of Taraz during this period. The study of numismatic finds from the territory of the Talas valley in Kyrgyzstan made it possible to locate a cluster of coins originating from the cities of Taraz, Yangi Taraz and Ordu Bazar near the medieval site of Pokrovsk II. Numismatic finds both from Pokrovsk II and Taraz in Kazakhstan are considered in detail in this article. Thus, it was established that the location of the mint of Yangi Taraz was if not for the most part located at Pokrovsk II, then it was at least somewhere nearby. Narrative sources report that there were two cities of Taraz – Ulug Taraz and Kami Taraz. Some mistakes of different authors in their historical interpretations and conclusions have been caused by the existence of two closely located cities with same name of Taraz in the thirteenth and fourteenth centuries.

Keywords: Chaghatayid state, thirteenth and fourteenth centuries, Taraz city, Talas river, mint of Yangi Taraz, Talas valley, coin finds, commodity-money relations

For citation: Petrov P.N., Kamishev A.M. Yangi Taraz in the 13th–14th centuries and the Discovery of Its Geographical Location on the Basis of Numismatic Data. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 266–282. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.266-282

До настоящего времени не подвергалось сомнению то, что после монгольского завоевания географическое местонахождение остатков средневекового города Тараз находится под улицами современного г. Тараза в Казахстане. Такого же мнения по этому вопросу придерживался и соавтор этих строк П.Н. Петров, поместив в перечень средневековых монетных дворов на территории современного Казахстана монетный двор с названием *Тараз* [13]. Конечно, современный город занимает на много большую площадь, чем его предше-

ственник, и изучение любого археологического памятника, находящегося под более поздней и современной городской застройкой, необычайно затруднено. Тем не менее, в какой-то степени такие исследования проводятся. Подробного изучения памятника с раскопками на больших площадях в разных местах средневекового Тараза не получается, однако, и тот объем исследований, который был проведен многочисленными археологическими экспедициями в Таразе [16, с. 5; 4, с. 178–179], достаточен для формулирования основных важнейших выводов. Но выводов не только археологических, но и нумизматических.

Первое, что насторожило авторов этого исследования – почти полное отсутствие находок чагатаидских монет на памятнике. Находки, конечно, есть, но их единицы. Проблема в понимании динамики функционирования города возникает, если вспомнить, что в 670/1271–72 – начале 700-х/1300-х гг. монетный двор Тараз чеканил серебряную и медную монету в больших количествах, точнее – огромными по меркам государства выпусками. Причем, монетные производства Отрара, Тараза, Кенджека и Кенджеде в первое десятилетие практически полностью обеспечивали все государство Кайду серебряной чеканной продукцией. После подключения к изготовлению монет в 680-х/1280-х гг. таких эмиссионных центров, как Самарканд, Бухара, Андиган, Ош, Ходженд, Шаш, и с 690-х/1290-х гг. Термез, Бадахшан (продукция остальных известных центров чеканки имела существенно меньшие масштабы), – объем чеканки дирхамов Тараза составлял по предварительным прикидкам примерно 10–20% от всего объема выпуска монетного серебра в государстве. При такой интенсивности чеканки собственных дирхамов (причем, как полновесных монет весом примерно в 2 г, так и монет-фракций полновесного дирхама весом в ~1 г, 0,5 г и меньше) отсутствие их масштабных находок на развалинах городища просто невозможно объяснить. Особенно странно, что отсутствуют находки самых мелких фракций чеканного серебра. Поскольку это разменная монета и предназначена для местных рынков, то она и обслуживает преимущественно именно их потребность. То есть, соответствующий культурный слой средневекового г. Тараза должен был бы быть насыщен не только полновесными, но и в первую очередь мелкими дирхамами таразской эмиссии последней трети XIII века. Именно мелкие дирхамы теряются людьми в первую очередь (чем меньше монета, тем чаще она безвозвратно выскальзывает из рук, падая в пыль под ноги). Но не только дирхамов, а в первую очередь фельсов¹ – медных монет конца XIII века, битых на монетном дворе Тараз для обеспечения именно местного денежного обращения – должно быть в достатке найдено в культурных слоях города. Археологические раскопки на улицах современного Тараза не выявили ничего подобного. Нет находок таких монет и среди зафиксированных монет в музее г. Тараза. Не обнаруживаются они и в качестве случайных находок у населения города. Все это однозначно говорит о том, что в этом городе Таразе монета при монголах не чеканилась.

Возникает законный вопрос – где же был Тараз = Йанги Тараз? Где был тот самый Тараз в котором «ханом ... страны стал Кайду ибн Кистай ибн

¹ В современной нумизматической литературе можно встретить и форму *фалс* (термин, обозначающий медную монету). Но журнал «Золотоордынское обозрение» придерживается академических подходов, по этой причине в статье использован принятый в русском языке вариант написания *фельс* – прим. ред.

каан ал-кабир Уктай ибн Чингиз-хан, который сел [на трон] в конце мухаррама 670/сентябре 1271 года в Таразе» [6, с. 124]?

Целями настоящей статьи являются: 1. обнаружение местонахождения высокой концентрации чагатайских монет Тараза как медных, так и серебряных, то есть установление местоположения таразского монетного производства в XIII–XIV вв.; 2. попытка разобраться в представлениях современных ученых историков о функционировании г. Тараз в этот период.

Обращаем особое внимание на способ локализации местоположения монетного двора по статистической информации о монетных находках. Для этого способа *наиболее важным объектом является медная монета* (если чеканка таковой осуществлялась искомым монетным двором) в качестве единичной находки, битая на искомом монетном дворе. Объектом анализа является статистика ее находок на конкретном археологическом памятнике в сравнении с находками на других объектах. При этом необходимо учитывать ареал распространения фельсов (степень локальности распространения) и характер организации медного монетного обращения в разные хронологические периоды. Для Чагатайского государства последняя треть XIII – начало XIV вв. – период возникновения, становления и развития монетного обращения, время существенных изменений в монетном деле государства после реформы Мас'уд-бека. Чеканка медной монеты велась далеко не во всех областях государства, но наиболее часто в тех, которые считались со времен Чингиз-хана коренным юртом. И ареал обращения этих фельсов ограничивался часто ближайшей округой города с эмиссионным центром. В 710-х/1310-х гг. характер медного обращения в государстве поменялся, и массы чеканной меди разных монетных дворов заполнили рынки населенных пунктов практически на всей территории государства. Такие изменения в монетном обращении несколько усложняют применение способа локализации местоположения монетного двора по нумизматическим данным тем, что расширяется географическая граница господства монет конкретного эмиссионного центра. Тем не менее, способ все равно действует и помогает выявить территорию доминирования монетной продукции интересующего эмиссионного центра. *Вторым объектом по важности являются серебряные выпуски мелких монет.* Как правило, вне зависимости от особенностей монетного обращения, находки таких монет территориально концентрируются в наибольших количествах в районе, в котором они и чеканятся. Естественно, что дирхамы в пределах государства, как правило, не имеют границ для обращения, но в том и заключается особенность мелких фракций – они изготовлены исключительно как разменные деньги для местного обращения и по удобным для данных местности и времени метрологическим параметрам (как по пробе, так и по весу, и по диаметру). Именно поэтому мелкие фракции полновесных дирхамов теряются чаще там, где они произведены.

Если на городище, где гипотетически был монетный двор по выпуску фельсов и мелких серебряных монет, в ходе системных археологических исследований не находят монет этого монетного производства, или они обнаруживаются в существенно меньших количествах, чем на каком-то другом археологическом объекте, то это означает, что монетного двора на данном городище не было. Но в каждом конкретном случае нужно оценивать особенности монетного обращения, поскольку оно может изменять картину кардинально и приводить к невозможности применения данного способа поиска

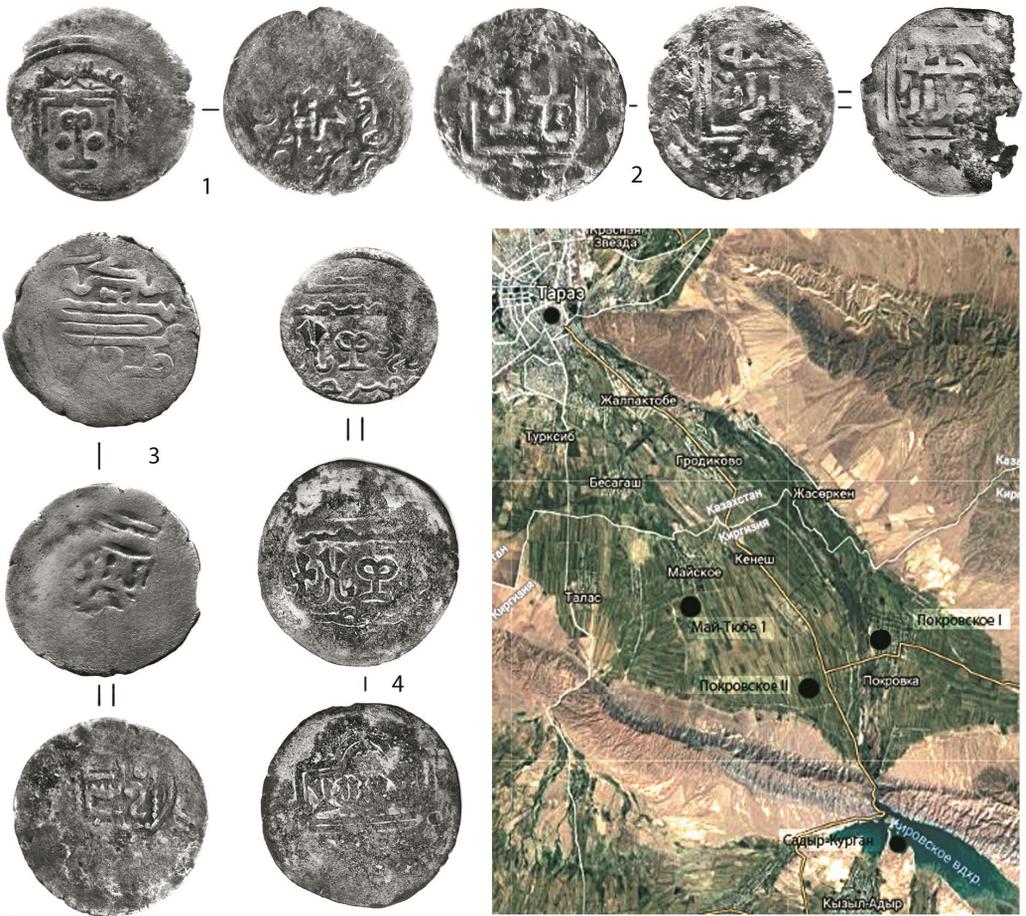
местоположения монетного двора. В нашем случае подобных ограничений нет. Наоборот, мы имеем возможность отслеживать и сравнивать количество находок монет таразского денежного производства в культурных слоях на двух археологических памятниках для двух периодов – последней трети XIII – первого десятилетия XIV вв. и для последующих десятилетий, характер монетного обращения в которых был различным.

Практически семнадцатилетний сбор информации о находках чагатаидских монет в Кыргызстане подвел авторов к необходимости его обобщения, классификации и анализа. Обработка собранного материала была начата с Таласской долины, зажатой между хребтами Каратау и Киргизским, с одной стороны, и хребтом Таласский Ала-Тоо, с другой стороны. Самым крупным центром находок оказалось место на правом берегу р. Талас, ранее входившее в территории колхоза им. А.С. Пушкина, ныне населенный пункт Чон Капка (археологический памятник Покровское II – см. фототаблица 1, карта 1) и далее в сторону у переправы Джиде. В ходе поездки в 2018 году для осмотра мест находок было установлено, что территория, где встречаются чагатаидские монеты, составляет примерно 1,5х4 км вдоль берега реки. Она застроена современными частными домами, и по этой причине находки делались в основном в огородах и на пахотных землях. Именно с нумизматических находок с этого памятника и начато изучение и классификация монет.

Основным трудом по обследованию развалин средневековых городищ в Таласской долине остается работа П.Н. Кожемяко [9]. В этой работе Покровское I городище описано как ориентированный по сторонам света квадрат со сторонами по 70 м и останками угловых башен на западной окраине одноименного села (см. фототаблица 1, карта 1). Разведочный шурф площадью 10 м² вскрыл культурные наслоения на глубину до 2,5 м. Анализ найденной глазурированной керамики с раскраской поверхности минеральной краской позволил датировать памятник караханидским временем X–XII вв. Примерно в двух километрах от Покровского I городища на противоположном берегу Таласа отмечено городище, квадратное в плане со стороной 50 м. Подъемного материала на нем не зафиксировано. П.Н. Кожемяко назвал его городище №2 в округе села Покровка. Для краткости обозначения авторами дано ему название Покровское II. Вокруг села Чон Капки на полях, распаханых жителями, и собран представленный нумизматический материал. Всего было зафиксировано находок немногим более 520 монет, в том числе и монеты 4-х кладиков, а также изучены 6 штемпелей для чеканки монет. Представим все материалы по порядку и начнем с единичных находок.

Разобьем все единичные находки монет на две группы – медные и серебряные. Медных монет нами учтено 437 экз., из них не поддаются полной атрибуции (место выпуска, год выпуска, эмитент) 161 экз. (~37%), иноземных² 29 экз. (6,6%), имперских и чагатаидских монет – 247 экз. (~57%) Причем, из 161 экз. выделяется 28 экз. (~17% от 161 экз.), которые являются чагатаидскими выпусками с относительной датировкой.

² Под иноземными здесь понимаются монеты, которые действительно принадлежали выпускам других государств, а также монеты государств, предшествовавших монгольскому завоеванию.

Фототаблица 1

1 – фельс, монетный двор не виден, [687?] г.х. 2 – фельс, Тараз, год не указан.
 3 – фельс, Йанги Тараз, без тамги. 4 – фельс, Орду Базар. Карта 1. Таласская долина

Phototable 1

1 – fals, mint is not visible, [687?] AH. 2 – fals, Taraz, year not specified.
 3 – fals, Yangi Taraz, without tamga. 4 – fals, Ordu Bazar. Map 1. Talas Valley

Структура этих находок выглядит следующим образом:

находки монет Тараза

1. [Тараз] – год 687/1288–89?	– 59 экз.;
2. Тараз – год [680–690-е/1281–1290-е]	– 9 экз.;
3. Йанги Тараз ³ – ~[710–730-е/1310–1338]	– 18 экз.;
4. Орду Базар – [750-е–761/1349–1360]	– 42 экз.
Итого:	128 экз.

³ Ранее из-за плохого состояния имевшихся в распоряжении экземпляров П.Н. Петров этот монетный двор предположительно считал как Сайрам (?).

Под этими номерами изображения монет приведены в фототаблице 1. На монетах №1 название монетного двора, видимо, находится в круговой легенде, которая полностью не реконструирована и не прочтена, однако, тип этих фельсов соответствует оформлению серебряных дирхамов Тараза последней трети XIII в., и оформлению монет №2, на которых монетный двор указан в центре поля одной из сторон монет. Фельсы Йанги Тараза №3 анонимные, не датированы и не имеют тамги, что необычно, но при этом они многочисленны. Их датировка предположительна. Причем, нельзя исключить чеканку этих монет в период замятни – в начале 740-х/1340-х гг. Было неожиданно обнаружить такое значительное количество монет №4 Орду Базара на этом памятнике, поскольку такие массовые находки медной продукции обычно характерны для тех городов или мест, где они чеканились (или рядом с которыми они чеканились). Эти медяки отмечены среди находок в области Шымкента, но далеко не в таких количествах (менее 5% от всех находок чагатаидских монет). Обычно очень трудно установить местонахождение монетного двора *Орду* или *Орду Базара*. Такая же проблема существовала для периода правления Буйан-Кули хана, который чеканил в *Базар Орду* серебряные именные динары с уйгурскими надписями. Именно присутствие уйгурских надписей в сочетании с названием монетного двора является репером для сопоставления обнаруженных медных фельсов с серебряными выпусками. Медные монеты *Орду Базара* с исследуемого памятника позволяют обоснованно предполагать, что это монетное производство базировалось, по крайней мере, в области Йанги (в Таразе, или Кенджеке) в районе Покровского II (см. фототаблица 1, карта 1).

Монеты Великой Монгольской империи представлены продукцией следующих эмиссионных центров: Отрар [650–663/1252–65] – 10 экз.; Пулад [639–644/1241–47] – 2 экз.; Алмалык [650–660-х/1250–60-е] – 9 экз.; Кашгар [650–660-е/1250–60-е] – 4 экз.; Бухара [618/1221–22] – 1 экз. и [660-е/1260-е] – 1 экз. Итого: 27 экз.

Монеты Чагатаидского государства (без учета таразских выпусков):

Отрар [684–690-е/1285–1290-е] – 9 экз. и [707/1307–08] – 6 экз.; Параб(?) 727/1326–27 г. – 4 экз.; Алмалык [681–700/1282–1301] – 1 экз., после 707/1308 г. – 3 экз., 742/1341–42 г. – 4 экз.; Андиган [670–708/1271–1309] – 7 экз. и [710–720-е/1310–20-е] – 2 экз.; Бухара [710–720-е/1310–20-е] – 1 экз., [750–761/1349–60] – 4 экз., 759/1358 – 1 экз., 761/1359–60 – 6 экз.; Самарканд [703–708/1303–09] – 1 экз., [750–760-е/1349–60-е] – 7 экз.; Шахрисабз 761/1359–60 – 2 экз.; Чач [710–720-е/1310–20-е] – 8 экз.; Мугалаг [710–720-е/1310–20-е] – 7 экз.; Худжанд [710–720-е/1310–20-е] – 2 экз.; Амуй 760/1359 и 761/1359–60 – 7 экз. Имитационных выпусков – 10 экз.

Иноземные выпуски: Джучиды Сарай ал-Джадида – 2 экз.; Хваризм – 1 экз. *Китай, Северная Сун* – 1 экз.; *Каракитай* – 4 экз.; *Караханиды* – XI в. – 2 экз.; XII в. – 7 экз.; начало XIII в. – 2 экз. *Монеты неясной атрибуции XII–XIII вв.* – 4 экз.

Таким образом, из атрибутированных медных монет Чагатаидского государства (с учетом имитационных выпусков) в количестве 220 экз. (100%) – 128 экз. (58%) это монеты местных монетных дворов (*Йанги Тараза* и *Орду Базара*).

Рассмотрим находки серебряных монет. Серебряные дирхамы больше подвержены перемещениям по рынкам различных областей государства, поскольку полновесные монеты именно для этих целей и чеканились. Поэтому наиболее показательным параметром в данном случае будет именно количество находок мелких фракций. Всего учтено нами 65 единичных находок монет с этого памятника.

Великая Монгольская империя: Без указания названия монетного двора⁴, дирхамы [620–630-х/1223–30-е] – 5 экз. (3 из них – фракции весом менее 1 г); [Кайалык] [660-е/1260-е] – 1 экз.

Государство Чагатаидов: [Тараз?] [670-е/1270-е] – 3 экз. (фракции ~0,4–0,5 г); Тараз – Кенджек [680-е/1280-е] – 1 экз. (фракция 0,5 г), [670–675/1271–77] – 1 экз. (фракция 1,38 г), 677/1278–79 – 2 экз. (фракция ~ 1 г), 677/1278–79 – 1 экз. (фракция 0,39 г), 677/1278–79 – 3 экз. (полновесные); [68]3/[128]4–5 – 1 экз. (фракция 0,77 г), [680-е/1280-е] – 3 экз. (полновесные), 706/1306–07 – 2 экз. (полновесные); белед Ыанги [690-е/1290-е] – 1 (полновесный); Отрар 69х/129х – 1 экз.; 730-е/1330-е – 4 дирхама; [750-е/1350-е] – 1 дирхам Буйан-Кули хана; Алмалык [690–700-е/1291–1300-е] – 1 экз.; Алмалык [Тарсакент]⁵ [680–690-е/1281–90-е] – 2 экз.; Андиган [700-е/1300-е] – 1 экз.; Бухара [680–706/1281–1307] – 4 экз., 724/1324 – 1 дирхам, 746/1345–46 – 1 динар; Самарканд [680-е–700/1280-е–1301] – 3 экз., [725–726/1324–1326] – 3 дирхама и 1 динар, 75[4–5]/135[3–4] – 2 динара; Термез [710–715/1310–1316] – 2 дирхама; Худжанд [680-е/1280-е] – 1 экз.; Хотан [680–690-е/1281–90-е] – 1 экз. Монетный двор не установлен 732/1331–32 – 1 дирхам (бит штемпелем термезского динара, тип с ваджрой, видимо, чеканен в 760-е/1360-е гг.), [726–733/1326–33] – 1 дирхам, [750-е/1350-е] – 2 динара; Фальшивые монеты – 2 дирхама и 4 динара. Иноземных монет – 2 дирхама.

Итак, если не учитывать иноземные монеты, фальшивые и выпуски монгольской монетной империи, то количество монет Чагатаидского государства составит 51 экз. (100%), из них монет Кенджека и Тараза – 17 экз. (33%), а с учетом выпуска *белед Ыанги* – 18 экз. (35%). Из этих 17 экз. – 9 штук, т.е. половина – мелкие фракции дирхама.

Из 4-х известных авторов кладов: первый содержал 15 медных посеребренных дирхамов Отрара [650–663/1252–1265] гг.; второй – 5 серебряных дирхамов конца 690-х/1290-х гг. (таразский выпуск – 1 шт.); третий – первоначальное количество не известно, осмотрено 7 экз. – 2 серебряных динара XIV в. и 5 дирхамов (таразских выпусков нет), время сокрытия не ранее 755/1354 г.; четвертый – 8 фельс [710–730-е/1310–30-е] гг., среди них 2 экз. *Ыанги Тараза*. Собственно известные нам клады не добавляют информации о составе монетной массы в тот или иной период.

⁴ Среди этих типов серебряных дирхамов выделяется 2: один (№1) из которых несет на себе имя багдадского халифа ал-Мустансира (3 экз.), а другой (№2) – имя ан-Насир ли-Дин Аллаха (2 экз.). Есть основания предполагать, что монеты типа №1 также выпускались на монетном дворе *Ыанги Тараз*.

⁵ На городище Кара-Джигач, отождествляемом со средневековым Тарсакентом, чеканились необычного вида монета весом около 1 г, и один из типов, битый в 685, 689 г.х., нес название монетного двора Алмалык. В Алмалыке в Синьцзяне таких монет не находят вовсе, поэтому мы различаем этот Алмалык со столичным в Чагатаидском юрте и выделили его в самостоятельный эмиссионный центр.

Кроме монет, было найдено 6 штемпелей для чеканки монет. Один штемпель поддельный с нечитаемой надписью для чеканки поддельных дирхамов. 5 штемпелей – подлинные штемпеля для чеканки серебряных динаров XIV века, великолепно выполненные. Причем – 4 из них составляют типологически хорошо известные пары (они подробно будут опубликованы отдельно). Именно подлинные штемпеля являются серьезнейшим аргументом в обосновании существования в средние века на Покровском II или рядом с ним местного монетного двора.

Попробуем теперь сравнить имеющуюся нумизматическую информацию со сведениями о монетных находках в современном г. Таразе, полученными в ходе археологических раскопок разных лет. Использовать сведения Т.Н. Сениговой из ее монографии мы не будем по нескольким причинам: во-первых, часть приведенных атрибуций монет, привлеченных автором для написания работы, ошибочна; во-вторых, собрана информация не столько о монетных находках именно в Таразе, сколько о находках в его округе, и даже в регионе (например, привлечен клад из села Мамаевка). Нас же интересуют нумизматические находки исключительно с центра г. Тараза.

На территории собственно Тараза находок монгольских монет XIII–XIV вв. нами зафиксировано мало: Самарканд 727/1327 (с ваджрой) – 1 серебряный динар из раскопок Т.Н. Сениговой, в ее монографию не попал [13, с. 202, приложение, №171]⁶; монетный двор утрачен, год неясен – 1 медный фельс [13, с. 202, приложение, №172]; Отрар [646–663/1248–65] – 7 медных посеребренных дирхамов [13, с. 202, приложение, №161–167].

По сути, эта вся информация, которую удалось собрать по находкам монгольских монет. Очень часто в средневековых слоях встречаются тюркешские монеты, караханидские «черные» дирхамы IX века [16, с. 4]. Есть находки и монет Кокандского ханства [14, с. 188–191]. Но у нас нет пока сведений об обнаружении караханидских монет конца XII века и позднее вплоть до начала XIX века. Возможно, монетные находки XII – начала XIII веков еще будут сделаны, но уже ясно, что монет периода монгольского владычества не будет найдено в достаточном количестве для их статистического анализа. Тем контрастнее смотрятся небольшие населенные пункты рядом с Таразом, в которых и рядом с которыми регулярно находят серебряные и медные чагатаидские монеты XIII–XIV вв., но это тема отдельной публикации.

Фактически комплекс из трех нумизматических источников с памятника Покровское II: единичные находки медных монет, серебряных монет, и находки штемпелей для чеканки серебряных динаров, – затмевает нумизматическую информацию, происходящую с территории современного Тараза и свидетельствует о существовании на памятнике Покровское II (или в непосредственной близости от него) в средние века монетного двора с названием *Тараз = Ыанги Тараз*. Размещается ли именно современный населенный пункт Чон Капка на развалинах средневекового города Ыанги Тараз, можно говорить только предположительно, поскольку для такого однозначного отождествления требуются серьезные системные археологические изыскания на

⁶ В этом же приложении на с. 202–203 указаны монеты по сообщениям А.М. Камышева (№173–180), найденные южнее Тараза – это находки на территории памятника Покровское II.

этом памятнике⁷ и других памятниках Таласской долины. Но мы можем однозначно говорить о местоположении монетного двора *Янги Тараз* в Кыргызстане в районе археологического памятника Покровское II.

Следовательно, городов с названием Тараз было два!? Оказывается – да. Еще Махмуд ал-Кашгари в XI веке сообщал следующее: «**талас** تالاس – «город, известный как Тараз». Существует два города с таким названием: **'улуг талас** «Большой [Талас]», и второй, у границы мусульманских земель, **ками талас** [10, с. 348, №1943]. Если рассматривать эти два средневековых города, то по логике Большой Талас должен иметь большой шахристан и цитадель. Такой шахристан и цитадель имеются в хорошо известном нам Таразе (на территории Казахстана). По размерам он больше любого города в его окружении [16, с. 23–24]. А вот второй Тараз должен располагаться ближе к границе с мусульманским миром, но в пределах Таласской долины, т.е. юго-восточнее Большого Тараза примерно на 30 км. Собственно там, где и находится Покровское II. Возможно, о расположении второго Тараза находим сообщение у Сам'ани – он разместился на границе с тюрками, около Испиджаба [7, с. 116]. И все было бы просто и понятно, если бы не одно важное «но» – на карте Махмуда Кашгарского «Куми-Талас» показан на восток от реки Или, и далее сообщается, что это пограничная крепость у уйгур [5, с. 84, прим. 70], т.е. Ками/Куми Талас – это не город Таласской долины. И сообщение Сам'ани связано именно с Улуг Таразом.

Но и это еще не все. Ал-'Омари в своей работе «Масалик ал-абсар фи-мамалик ал-амсар» (нарративный источник XIV века) помещает Тараз в область Янги: «Янги – это четыре города между каждым из них и другим один фарсах, каждый город имеет свое название. Один – Янги, другой Янги-Балык, третий – Кенджак, последний – Тараз» [5, с. 91]. По Махмуду ал-Кашгари «[канжак] كنجك, канжак санир – название города возле Тараза, это на границе Кипчаков» [10, с. 445, №2879]. Так какой же Тараз в данном сообщении ал-'Омари помещен в область Янги – Большой Тараз или какой-то иной Тараз? Или под названием Янги скрывается Янги Тараз? А.А. Нуржанов вообще видит город «Янги-Талас», как вновь выстроенный монголами в XIII веке на месте, где ныне наблюдаются развалины Садыр-Кургана⁸ [11, с. 182]; но это предположение ничем не подтверждается, и нумизматическими находками с Садыр-Кургана в том числе. В.В. Бартольд подметил, что «В монгольское время наряду с Таразом появляется название Янги, впервые у ал-'Омари ..., где рядом с Таразом, или Таласом, появляется Янги как особый город; при Тимуре и его ближайших преемниках ... Янги назван отдельно [от других городов – авторы]; Хафиз-и Абру ... Янги упоминает часто, иногда в составной форме Янги-Тараз Согласно Хайдер-мирзе ..., Янги было «монгольским» названием Тараза...» [3, с. 495]. Совершенно очевидно, что Янги Тараз – второй

⁷ К величайшему сожалению, отождествление археологических объектов со средневековыми топонимами происходит нередко по наитию; например, археологический памятник Кара-Джигач отождествлен с Тарсакентом вовсе без каких-либо археологических исследований. А развалины ли это Тарсакента скрываются ныне под названием Кара-Джигач – никто не проверял, и никто не доказал.

⁸ Садыр-Курган отождествляется со средневековым городом Шелджи.

город Тараз, у которого никогда не было эпитета *улуғ*. Видимо, Новая (=Йанги) область действительно была построена монголами, и главный ее город Йанги имел полное название Йанги Тараз, что и зафиксировали монеты.

Фарсах – примерно 6–9 км в зависимости от местных представлений [18, с. 72, 120]. Если все четыре города располагались «в одну линию», т.е. вдоль русла р. Талас, то при условии местоположения Йанги Тараза в районе современного поселка Чон Капка (Покровское II) – Йанги Балык должен располагаться примерно в 6–9 км от него вниз по течению, т.е. где-то в районе Покровского I. Далее должен находиться Кенджек, и уже за ним собственно Тараз (Большой Тараз). Но это при условии, что города располагались вдоль русла р. Талас, что совсем не обязательно. Известен, например, археологический памятник Май-Тюбе 1 с культурным слоем монгольского времени в 2-х км к югу от села Майское (бывшее с. Богословка) – на северо-запад от села Покровка и в стороне от течения реки Талас. Несомненно, что существование в непосредственной близости друг от друга двух городов Тараз (на расстоянии примерно 30 км) не могло не привести к путанице и в средневековых письменных нарративных источниках, и в современных исследованиях историков.

В начале XIII века Улуғ Тараз оказался на переднем крае борьбы между каракитаями, найманами и хорезмшахом, переходил из рук в руки. По приказу Мухаммада ибн Текеша в 1212 году, наряду с другими центрами юго-западного Семиречья и Южного Казахстана, город был разрушен [1, с. 84, 85; 16, с. 18; 11, с. 181–182]. В XIII в. после завоевания монголами Тараз с округой вошел в состав улуса Чагатая. Размер же округа, находившегося под его влиянием, сократился более чем в три раза [15, с. 62]. Но пока «о присутствии следов разрушительных событий начала XIII в. в стратиграфии Тараза ничего не говорится ни одним из археологов-исследователей его средневековых слоев» [17, с. 238; 16, с. 27–56].

Город Тараз (Большой Тараз) постепенно превращается в небольшое селение, существовавшее в пределах границ шахристана [15, с. 62]. По мнению К.М. Байпакова со ссылкой на сведения Рубрука, в середине XIII века город был восстановлен [1, с. 85]. Вот только какой город – Йанги Тараз или Большой Тараз? В данном случае нумизматика дает однозначный ответ – «восстановлен» был именно Йанги Тараз. Мало того, нумизматика позволяет уточнить примерное время восстановления (или начала восстановления): конец 630-х/1230-х – начало 640-х/1240-х гг. Это подтверждается чеканкой золотых динаров с названием монетного двора *Тараз* и именем багдадского халифа ал-Мустансира (зафиксирована находка такой монеты в кладе в Синьцзяне (Уйгурии), а также на городище Бозок Присырдарьинский в 2018 г.), а немного позднее – серебряного дирхема на монетном дворе Тараза в 664 г.х. [19, р. 60, № 510]. Все медные и серебряные монеты с названием монетного двора *Тараз* и *Йанги Тараз* XIII и XIV вв. биты именно в Йанги Таразе (на территории Кыргызстана).

Рубрук, проезжая через Тараз в 1253 г., писал, что здесь (в Чу-Таласском междуречье) развиты ремесленные производства (горнорудные промыслы), где в 30-х гг.х. XIII века работали плененные европейцы. Монголы уводили плененных ремесленников во «внутренние области» своего государства, т.е., очевидно, замечает К.И. Петров, «они считали Таласскую долину одной из

внутренних областей улуса Чагатая». Причем, «брат Андрей» (Лонжюмо), проезжая в этих краях до момента восшествия Мёнгка на ханский престол, еще фиксирует присутствие ремесленников в этом районе. Этим уделом тогда владел внук Чагатая – Бури. Но его участие в заговоре против Мёнгка стоило ему жизни, а ремесленники были переселены ближе к уделу самого каана в город «Болат», т.е. в Пулад [12, с. 188]. Заметим, что Рубрук имел в виду именно Ыанги Тараз, а не Большой Тараз.

Т.Н. Сенигова по результатам раскопок в Джамбуле (современный Тараз) констатирует: «хотя все части города сильно разрушены, однако остатки кладок каменных фундаментов и керамика позволяют заключить, что в XIII–XIV вв., как и в предшествующее время, жизнь концентрировалась в шахристане и западных рабадах №2 и 3». В восточном рабаде жизнь затухала из-за разлива р. Талас, в результате город рос в западном направлении, и «его обносят новой стеной (рабад №4), сохранившейся и поныне в районе стадиона ...» [16, с. 191]. Концентрируя выводы по результатам анализа археологических работ по Т.Н. Сениговой, Е.А. Смагулов приводит 5 основных положений в отношении 7 и 8 строительных периодов таразской стратиграфической колонки, взятых из ее исследования и отражающих жизнь города с момента монгольского завоевания: 1. жизнь в Таразе прослеживается в тех частях города, что и в предшествующие периоды, продолжается интенсивная жизнь в городах округа; 2. «В керамическом комплексе помимо обычных эволюционных стилистических в основном изменений появляются новые виды сосудов, новые технологии (кашин), новые сюжеты в декоре»; 3. «Археологический материал подтверждает мнение М.Е. Масона, что Тараз к концу XIII в. остается, как и прежде, центром округа и даже увеличивается его площадь»; 4. «В городе ведется строительство мемориальных сооружений, мало уступающих лучшим образцам своего времени; в них ярко отразился «подъем культуры в рассматриваемый период»; 5. «Массовый археологический материал свидетельствует об «определенном подъеме производительных сил»⁹ [17, с. 238–239; 16, с. 188–196, 198]. Эти выводы относятся именно к Улуг Таразу, и нам представляется, что к ним следует добавить еще один существенный пункт из наших исследований: 6. Объем найденного нумизматического материала XIII–XIV вв. свидетельствует об упадке товарно-денежных отношений в городе и, возможно, о незначительном количестве населения. Как может соотноситься между собой этот последний вывод на основании фактического материала с определенным подъемом производительных сил и утверждением, что Тараз к концу XIII в. оставался, как и прежде, центром округа – сказать трудно. Скорее всего, центром округа в это время был не Улуг Тараз, а Ыанги Тараз. Роль же Большого Тараза в этом случае не совсем ясна, да и был ли он в это время больше Ыанги Тараза – не известно. Возможно несколько вариантов его функционирования в том или ином качестве, но в любом случае это не было связано с развитием здесь товарно-денежных отношений в этом городе.

А.А. Нуржанов отмечает, что когда Кайду возглавил государство, то Тараз стал его ставкой. И у этого автора есть фраза, сообщающая, что Тараз был столичным центром государства Чагатаидов [11, с. 181, 182]. Возможно, в

⁹ Каждый из перечисленных пунктов имеет ссылки на монографию Т.Н. Сениговой [16].

какой-то степени это и так, но надо иметь в виду, что речь может идти только об активно развивающем товарно-денежные отношения Йанги Таразе, имеющем свой монетный двор. Это обязательное условие, поскольку хан выполняет свои редиистрибутивные функции там, где находится, и для этого ему в первую очередь нужны деньги, и не только в слитках, но и в чеканной монете. Добыча же серебра в этом регионе осуществлялась с давних времен, что являлось важным компонентом логистики монетного производства.

В первые годы XIV века в ходе активной борьбы Чагатаида Дувы за престол с Чапаром б. Кайду города Таласа были разорены нападением сыновей Дувы на улус Угедеида Шаха б. Кайду [8, с. 35]. Это нападение на улус Шаха произошло в 1305 г. В 1307 году чагатаидские царевицы «... сожгли «золотую орду» (Шаха б. Кайду – П.П.), развеяли по ветру земли Тараза, Янги, Кенджида» [2, с. 57]. Монетный двор Йанги Тараза прекратил выпускать серебряную монету. В условиях свободной чеканки монет (из металла заказчиков) это означает прекращение потребности в собственной серебряной монете, которая совершенно необходима в случае активного развития торговых операций на местных рынках. Возможно, именно потому, что экономика города Йанги Тараз была подорвана, чеканка серебряной монеты в XIV веке кратко-временно возобновилась лишь при Санджаре б. Тармаширине. Медная же чеканка Буйан-Кули хана в 750-е/1350-е гг. велась на монетном дворе *Орду Базар*, а не *Йанги Тараз*¹⁰. Не исключено, что некогда Большой Тараз еще до монгольского нашествия был разорен и пострадал в такой степени, что после монгольского завоевания существовал в качестве небольшого населенного пункта, обслуживавшего некрополь и, возможно, какие-то частные владения в ближайшей округе. В любом случае, прерогатива в этом вопросе принадлежит археологическим изысканиям.

Подведем итоги проведенного исследования. В результате изучения статистики нумизматических находок XIII–XIV вв. на археологическом памятнике Покровское II (Кыргызстан) и сравнения их с данными о находках на территории современного города Тараз (Казахстан) установлено:

1. В населенном пункте (ныне городище Покровское II в Кыргызстане) или в непосредственной близости от него в период монгольского владычества находился монетный двор с названием *Йанги Тараз*. В настоящее время нельзя говорить о том, что именно на месте развалин Покровского II находился город Йанги Тараз по той простой причине, что в истории известны случаи расположения монетного двора не в самом городе, а в рядом расположенном незначительном по размерам населенном пункте (при этом чеканка монеты велась с упоминанием топонима именно города или области). Поэтому мы можем лишь указать местоположение монетного двора Йанги Тараз и утверждать, что город XIII–XIV вв. с таким названием находился в Таласской долине на территории современного Кыргызстана, оставляя археологам их долю ответственности в окончательном решении этого вопроса.

2. Масса нумизматических находок XIII–XIV вв. указывает на активное развитие товарно-денежных отношений в этой местности.

¹⁰ Сведения, на которые ссылается Т.Н. Сенигова – о функционировании монетного двора Тараз при Эсен-Буге и Кепеке [16, с. 20], – ошибочны: монет этих эмитентов, битых в Таразе, не существует.

3. Нумизматический источник позволил добавить в копилку исторической информации о Йанги Таразе сведения о том, что в 750-х/1350-х гг. рядом с ним находилась ставка Буйан-Кули хана, который на монетном дворе Орду Базар выпускал именные серебряные динары, дирхамы и медные анонимные фельсы с обязательной легендой уйгурскими буквами (на серебре это имя и титул эмитента, на меди – *кутлуг болсун*).

4. В средние века существовало два Тараза, расположенных один от другого примерно на расстоянии 30 км – Улуг Тараз = Большой Тараз (тот, что ныне в Казахстане) и Йанги Тараз при монголах – ныне в Кыргызстане. Существовал ли Ками/Куми Тараз при монголах в стране уйгур – не известно.

5. Обнаружено крайне малое количество монетных находок периода монгольского владычества на территории современного Тараза в Казахстане. Можно уверенно говорить об отсутствии денежного обращения в XIII–XIV вв. на территории Улуг Тараза в XIII–XIV вв., т.е. здесь следов товарно-денежных отношений не наблюдается, в отличие от их активного развития в Йанги Таразе (по крайней мере, в XIII веке).

6. Существование двух городов с одинаковым (без учета эпитета) названием привело к серьезной путанице в понимании информации средневековых нарративных источников, и все сведения о Таразе или Таласе без анализа были приписаны исключительно Большому Таразу. В свете проведенного исследования представляется, что это неверно.

7. Показано, что основным, «столичным» Таразом был именно Йанги Тараз. Улуг Тараз не мог претендовать на функцию столичного города при монголах. Видимо, неспроста городу дали имя Йанги Тараз = Новый Тараз (то есть новый город, вновь отстроенный).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Байпаков К.М.* Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 216 с.
2. *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Гиргизгосиздат, 1943. 104 с.
3. *Бартольд В.В.* Статьи из «Энциклопедии ислама». Тараз. // В.В. Бартольд. Работы по исторической географии. М.: Вост. лит. 2002. С. 495–496.
4. *Баштанник С.В., Воякин Д.А., Буранбаев Р.Н.* Археоботанические исследования цитадели средневекового городища Тараз в 2017 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2 (29). С. 178–182.
5. *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата: изд. АН Каз. ССР., 1960. С. 72–92.
6. Джамал ал-Карши. Ал-мулхакат би-с-сурах. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 198 с. + арабский текст и факсимиле ССХI с.
7. *Камалиддинов Ш.С.* «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993. 210 с.
8. *Караев О.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек: Кыргызстан, 1995. 160 с.

9. *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: изд. АН КиргССР. 1963. С. 145–224.
10. *Махмуд ал-Каушари.* Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
11. *Нуржанов А.А.* Города Таласской долины в эпоху монгольской империи // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7–11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 181–183.
12. *Петров К.И.* Латиноязычные источники // Источниковедение Кыргызстана (с древности до конца XIX в.). Бишкек: Илим, 2004. С. 180–195.
13. *Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А.* Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов. Казахстан. Алматы: Хикари, 2014. 264 с.
14. *Петров П.Н.* Нумизматические находки археологического сезона 2014 года в Таразе // Материалы международной научно-методической конференции «IX Оразбаевские чтения» – Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран. 28–29 апреля 2017 г. Часть I. Алматы: Казак университети, 2017. С. 188–191.
15. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. Т. 2. 350 с.
16. *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 217 с.
17. *Смагулов Е.А., Ержизитова А.А.* Исследования древнего Саурана // Известия национальной АН РК. Сер. общественных наук. №1 (268). Алматы, 2009. С. 236–256.
18. *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему (пер. с немец. Э.Ю. Брегеля). Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. 148 с.
19. *Mayer T.* Sylloge Numorum Arabicorum Tubingen. Nord- und ostzentrasien. XV b Mittelasien II. Berlin, 1998. 78 p.

Сведения об авторах: Павел Николаевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан (050010, ул. Достык, 44, Алматы, Казахстан); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8125-769X>. E-mail: pnp@zmail.ru

Александр Михайлович Камышев – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: sakamih@mail.ru

*Поступила 06.02.2019 Принята к публикации 22.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

REFERENCES

1. Baipakov K.M. *Srednevekovye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* [The Medieval Towns of Kazakstan Along the Great Silk Road]. Almaty: Gylym Publ., 1998. 216 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. *Ocherk istorii Semirechya* [Essay on the History of Semirechye]. Frunze: Kirgizgosizdat Publ., 1943. 104 p. (In Russian)
3. Bartold V.V. Stati iz «Enciklopedii islama». Taraz. [Articles from the “Encyclopedia of Islam”. Taraz]. *Bartold V.V. Raboty po istoricheskoy geografii* [Bartold V.V. Works on Historical Geography]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 2002, pp. 495–496. (In Russian)

4. Bashtannik S.V., Voyakin D.A., Buranbaev R.N. Arheobotanicheskie issledovaniya citadeli srednevekovogo gorodischa Taraz v 2017 g. [Archaeobotanical Studies of the Citadel of the Medieval Settlement Taraz in 2017]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2015, no. 2 (29), pp. 178–182. (In Russian)

5. Volin S.L. Svedeniya arabskih istochnikov IX–XVI vv. o doline r. Talas i smezhnyh rayonah [Information of Arabic Sources of the 9th–16th Centuries About the Valley of the Talas River and Adjacent Areas]. *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk Kazahskoy SSR* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. Vol. 8. Alma-Ata: Akademiya Nauk Kazahskoy SSR Publ., 1960, pp. 72–92. (In Russian)

6. Jamal al-Qarshi. (*Al-mulhakat ba-s-surah*). *Istoriya Kazahstana v persidskih istochnikah* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. I. Translation from Arabic and Persian SH.H. Vohidova, B.B. Aminova. Almaty: Dayk-Press Publ., 2005, 198 p. + CCXI p. (In Russian)

7. Kamaliddinov SH.S. «*Kitab al-ansab*» Abu Sa'da Abdalkarima ibn Muhammada as-Sam'ani kak istochnik po istorii i istorii kul'tury Sredney Azii [«Kitab al-ansab» by Abu Sa'd Abdalkarim ibn Muhammad as-Sam'ani as a historical source on the history of Central Asian culture]. Tashkent: Fan Publ., 1993, 210 p. (In Russian)

8. Karaev O. *Chagatayskiy ulus. Gosudarstvo Haydu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda* [The Chaghadaid Ulus. The Qaidu's State. Mogulistan. Formation of the Kyrgyz People]. Bishkek: Kyrgyzstan Publ., 1995. 160 c. (In Russian)

9. Kozhemyako P.N. Osedlye poseleniya Talasskoy doliny [Settled Settlements of the Talas Valley]. *Arheologicheskie pamyatniki Talasskoy doliny* [Archaeological Monuments of the Talas Valley]. Frunze: Akademiya nauk Kirgizskoy SSR Publ., 1963, pp. 145–224. (In Russian)

10. Mahmud al-Kashgari. (*Divan Luga at-Turk*). Translated by A.M. Auezova. Almaty: Dyke-Press Publ., 2005, 1288 p. (In Russian)

11. Nurzhanov A.A. Goroda Talasskoy doliny v epohu mongol'skoy imperii [Cities of the Talas Valley in the Era of the Mongol Empire]. *Forum «Idel'-Altay». Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Idel'-Altay: istoki evraziyskoy civilizacii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arheologii evraziyskikh stepey* [Forum "Idel'-Altai". Proceedings of Research Conference "Idel'-Altai: Origins of Eurasian Civilization", I international Congress of Medieval Archaeology of Eurasian Steppes]. Kazan: December 7–11, 2009. Theses of reports. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 181–183. (In Russian)

12. Petrov K.I. Latinoyazychnye istochniki [Latin Sources]. *Istochnikovedenie Kyrgyzstana (s drevnosti do konca XIX v.)* [Source Study of Kyrgyzstan (From Ancient Times to the End of the 19th Century)]. Bishkek: Ilim Publ., 2004, pp. 180–195. (In Russian)

13. Petrov P.N., Baipakov K.M., Voyakin D.A. *Monetnoe delo i denezhnoe obraschenie v Velikoy Mongol'skoy imperii, gosudarstvah Chagataidov i Dzhuchidov. Kazahstan* [Monetary Business and Monetary Circulation in the Great Mongol Empire, the States of the Chaghadaids and Jochids. Kazakhstan]. Almaty: Hikari Publ., 2014, 264 p. (In Russian)

14. Petrov P.N. Numizmaticheskie nahodki arheologicheskogo sezona 2014 goda v Taraze [Numismatic Findings of the Archaeological Season of 2014 in Taraz]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferencii «IX Orazbaevskie chteniya» – Sovremennye metody i podhody v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediya Kazahstana i sopredel'nyh stran* [Proceedings of the International Research and Methodological Conference "IX Orazbayev Readings" – Modern Methods and Approaches in the Study of Historical and Cultural Heritage of Kazakhstan and Neighboring Countries]. 28–29 April 2017. Part I. Almaty: Kazakh University Publ., 2017, pp. 188–191. (In Russian)

15. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Kazahstan. Zhambylskaya oblast'* [The Set of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Kazakhstan. Zhambyl region]. Vol. 2. Almaty: RGP «NIPI PMK» Publ., 2002, 350 p. (In Russian)

16. Senigova T.N. *Srednevekoviy Taraz* [Medieval Taraz]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1972, 217 p. (In Russian)

17. Smagulov E.A., Erzhigitova A.A. Issledovaniya drevnego Saurana [The Study of the Ancient Sauran]. *Izvestiya nacional'noy Akademii nauk Respubliki Kazahstan. Seriya Obschestvennyh nauk* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences]. No. 1 (268). Almaty, 2009, pp. 236–256. (In Russian)

18. Hinz V. *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metriceskuyu sistemu* [Muslim Weights and Measures, with a Conversion to the Metric System]. Davidovich E.A. *Materialy po metrologii srednevekovoy Sredney Azii* [The Materials on the Metrology of Medieval Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1970, 148 p. (In Russian)

19. Mayer T. *Sylloge Numorum Arabicorum*. Tübingen: Nord- und ostzentrasien. XV b Mittelasien II. Berlin, 1998, 78 p. (In German)

About the authors: Pavel N. Petrov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the Republic of Kazakhstan (44, Dostyk Str., Almaty 050010, Kazakhstan); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8125-769X>. E-mail: ppn@zmail.ru

Aleksandr M. Kamishev – Cand. Sci. (History), independent researcher (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: sakamih@mail.ru

Received February 6, 2019 Accepted for publication May 22, 2019

Published June 29, 2019

УДК 94(262.5):326.1

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.283-294

THE BLACK SEA SLAVE TRADE IN THE 13TH–14TH CENTURY THAT CHANGED THE POLITICAL BALANCE IN THE NEAR EAST

Bayarsaikhan Dashdondog

National University of Mongolia

Ulaanbaatar, Mongolia

bayanad@yahoo.com

Abstract: *Objective:* Maritime issues tied to the Mongol Empire cover not only South-east Asia, but also the Black Sea region and the Byzantine Empire's borders, reaching as far as the Mediterranean Sea. The Black Sea commercial activity attracted the Mongols especially as it relates to a slave trade that subsequently changed the political balance in the Middle and Near East.

Materials: In this paper, I aimed to address the relevant region and the slave trade that involved many regional political powers. The primary sources and archival documents of various types reveal that the multiparty relations between the Mongols of the Golden Horde, Byzantium, and Egypt involved the captives that were taken from the Black Sea region and enslaved in the Mediterranean.

Results and novelty of research: Unlike the slaves of the late medieval period, the teenage boys sold to Cairo in the 13th–14th century became military experts who achieved a high level of political power in the Near East. This action characterizes not only the dynamism of the region, but also drove the phenomenon that led to the formation of a new statehood in then hands of the slaves known as the Mamluks. In fact, the replacement of a Mongol nomad element by a Qipchaq nomad element in the Middle and Near East was a phenomenon that brought about not only a shift in the hegemony, but also demographic and economic growth in the region.

Keywords: Black Sea, Golden Horde, captives, slave colonies, Mongols, Byzantines, Mamluks

For citation: Dashdondog B. The Black Sea Slave Trade in the 13th–14th century That Changed the Political Balance in the Near East. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 283–294. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.283-294

Relationship between nomads and the Byzantium

In 2011–12, the joint Mongol-Japanese archeological expedition in Bulgan province (Bayannuur, Ulaan Herem, Mongolia) has excavated the *Shoroon Bumbagar* tomb where they found some golden Byzantine coins that could have been minted in Constantinople and probably dated to the 7th century [52]. These findings prove that the relationship between the nomads in Inner Asia and the merchants from Byzantium had been already existed in earlier periods. However, my concern is a contact between Mongols and Byzantine emperors in the 13th–14th century.

In order to embark to the issues of Mongol-Byzantine relationship, it is important to discuss about many co-related contacts and ties of medieval Byzantine Empire. The defeat in August 1071 of the Byzantine emperor Romanos Diogenes by the Turkomans at the battle of Malazgirt (Manzikert) is a famous topic and taken as a turning point in the history of Anatolia and the Byzantine Empire. The period from

1071 to the fall of Constantinople in 1453 has been portrayed by historians as a period of various destructions inflicted by various armed intrusions of the Pechenegs, Crusaders, Turkomans, Mongols, and Mamluks. However, this motion is overstated, because the dynamism and cosmopolitanism for over the four-hundred year period of Anatolia with the Central Asian, Middle Eastern and Byzantine elements reflected on the significance of the region. From the middle of the 13th century, as Charles Melville argues, the Mongol contribution to the history of Anatolia [as well as Byzantium] was obvious and needs to be assessed [47, p. 51–53].

Sources

There are no surviving principal sources on the Mongol-Byzantine slave trade relationship. Byzantine sources (Pachymeres, Acropolites, Gregoras) are focused more on Latin or Turkomans' thread with a slight reference on the Mongols. The *Secret History of the Mongols* has no mention on Byzantium at all. The Persian sources of Rashid al-Din and Juvayni have references more on Anatolia. The Russian chronicles are concentrated on Pechenegs and Bulgars of earlier period. Armenian sources (Vardan Areveltsi, Kirakos Gandzaketsi) are more on the intrusion of the Seljuks through Armenian borders into Anatolia. However, Mamluk sources of Ibn Shaddad, Mufaqqdal, Yūnīnī, Ibn al-Dawādārī and others as well as some data from Genoese and Venetian account books and notarial registers reflect directly the slave trades.

Among the western scholarship F.I. Uspenskii, M. Canard, P. Holt, G. Ostrogorsky, P. Thorau, A. Ehrenkretz, J. Saunders have been tackling the Mamluk-Golden Horde relationship and the genealogy of the Byzantine Emperors [71, p. 1–16; 12, p. 197–224; 30; 53; 68; 19, p. 335–346; 61]. To my big fortune, the modern scholarship of Bruce Lippard (his dissertation of 1984 at Indian University), the volume by Kate Fleet (ed.) in 2009 on Byzantium and Turkey for 1071–1453, the PhD dissertation of Hannah Barker on the Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade in 1260–1500, as well as recent articles of Lorenzo Publici, S. Karpov, M. Kizilov, as well as M. Biran on the captives' cases in Mongol Eurasia, and a book by D. Hershenzon on captives culture in the Mediterranean produce more than fragmented references of the sources and, surely expand my research on slave trade [10; 57, p. 566–576; 37, p. 55–71; 39, p. 221–235; 11, p. 27–42; 29].

Political situation

Remarkably enough, the primary contact between Byzantium and the Mongols came from the Black Sea commerce, and not from immediate conquest. The borders of the Black Sea, where the trade was a profitable business, were under the different powers in different periods. In fact, prior to the Mongol invasion although for a relatively short period, the forthcoming relations and commercial exchanges were established between Nicaea and the Seljuks. In 1243, the Mongols defeated the Seljuks, whose control was fractured, resulting in the emergence of various beyliks on the western coast of Anatolia¹. The Black Sea commerce surely attracted the Mongols. Therefore, the Mongol threat receded in the region. However, this condition brought some hostilities that resumed once again between Nicaea and Seljuks. From 1250 onwards, John III Doukas Vatatzes, the emperor of Nicaea (1221–1254) undertook

¹ On the two emirates see [42, p. 10 ff]. On their relations with the Venetians see [78].

a number of expeditions to hold back Turkoman and Seljuk encroachment along the frontier [3, Vol. 1, § 65, p. 136]. These actions prove to be fruitful; for during his long reign Vatatzes succeeded in increasing the size of the empire of Nicaea almost twice. He was the one who against all odds had laid strong economic and social foundations to restore the Byzantine Empire, which was in decline [23, p. 41–44]. Although he had emerged from all the competing forces as the statesman poised to capture the city of Constantinople, nonetheless this did not, in fact, take place under him or his son, Theodore II Laskaris (1254–58), or his grandson John IV Laskaris (1258–59), but under the usurper Michael VIII Palaeologos (1259–82), who went on to establish his own dynasty by eliminating the Laskarids [25].

The triple anti-Nicaean coalition, formed by Manfred of Sicily, Michael of Epirus and William of Villehardouin of Achaia was a primary goal for Michael to defeat. As a result of this decisive crush at the battle of Pelagonia (1259) [for details see 24, p. 99–141], the Serbian king, Uros, the coalition's ally, had to withdraw from the recently occupied Macedonian cities opening the way to capture the Constantinople. But this was not enough. Michael needed to take care of two strong economically important opponents. To neutralize any possible resistance by the Venetians, Michael negotiated with the Genoese rivals, and signed a treaty at Nymphaeum (Nymphaion) in March 1261. In accordance with this treaty, in return for extensive commercial privileges enjoyed in the past by the Venetians, the Genoese were to provide naval aid to the empire [see 21]. As it turned out, this proved unnecessary.

The capture of Constantinople was a core point for Michael Palaeologos. He hoped to reach the restoration of the rest of the empire, making his empire's role important in Mediterranean politics. However, this reasoned him to fight against the Bulgars and the Mongols over Thrace and Macedonia, the Principality (Despotate) of Epirus (1205–1479). He decided to neutralize its enemies in the west through diplomatic means and trade.

Facing political pressures Michael entered into multiple-sided negotiations with former and newly emerging powers within the region. In 1265, Michael married his illegitimate daughter Maria Despina Palaeologina to Il-khan Hülegü's son Abagha (1265–82), who agreed to be baptized [64, p. 470]². Berke of the Golden Horde persuaded his victorious nephew Noqai (d. 1299) to marry another illegitimate daughter of the Emperor Michael VIII, Euphrosyne Palaeologina, in 1266 [49, p. 44; 73, p. 79]³. Thereafter, Michael managed to remain friendly to both warring Mongol parties and Egypt as well.

² Byzantine Emperor Michael VIII Palaeologos (1261–82), who had controlled the truncated Byzantine realms from Nicaea since 1259, was actually frightened when one of the two joint Seljuk rulers, Izz al-Dīn, was dethroned by Hülegü in 1262, and fled to Constantinople. In order to assure his friendship towards the Il-khan, Michael offered him his illegitimate daughter in marriage [62, p. 70–71]. However, Maria arrived after his death, so she was given to his successor [35, p. 710; 50, p. 80–81]. Maria like the other princesses married off to Mongol khans functioned as protectress of the Orthodox Church in Mongol territories. She brought with her to Il-khanid court a portable chapel; she encouraged the construction of the Orthodox Church in Tabriz, a convent in Bartelli and a Church of Our Lady in Urmia. In Constantinople she founded a Church of Saint Maria of the Mongols [45, p. 160].

³ Noqai controlled the western frontiers of the Golden Horde. In 1265, he led his army across the Danube, making the Byzantine forces flee, and devastated the region of Thrace. Therefore, this marriage was important for the Emperor. G. Vernadsky dates it to 1273 [74, p. 172]. In the winter of 1287–88, Noqai plundered Poland mainly for the spoils of war [27, p. 70].

Besides the Mongols, by that time Michael had to fight on three other fronts: he entered into negotiations with the papacy; he was forced to end his alliance with Genoa for the latter had been defeated by the Venetians in the Gulf of Nafplio (Nauplia) in the spring of 1263, and the Byzantine emperor began negotiations with Venice in 1265. But, the Venetians were slow to ratify the treaty,⁴ and the Genoese had established their dominance in the Black Sea in 1260. Michael decided to renew his agreements with the Genoese in 1267 by granting the latter quarters in Galata, a suburb in Constantinople, which was to develop into an important commercial base [54, p. 535–537]. This was actually the apogee of the Black Sea slave trade enterprise that lasted until the Ottomans conquered the Crimean peninsula, and thus the Genoa's largest Black Sea colony at Caffa in 1475 [10, p. 2].

Slave trade

The new political situation with the Mongols at presence in the region increased the interest of slave or human trafficking. The trade routes Constantinople–Tabriz, Constantinople–Sarai, Constantinople–Ayas, and Constantinople–Cairo in addition to Genoa and Venice for grain, salt, fish, bees wax, honey, hides, and surely slaves (at Caffa) involving coin minting (Golden Horde, Il-khanid coins, *sommo*, Qipchaq dirhem, *ab* (asperos barichatos), *tamgha-danak* and etc.) [45, p. 100–125] were more powerful and profitable business than any military actions.

However, the Golden Horde (along with its Balkan and Caucasian neighbours) was the dominant source of slaves from Qipchaq steppes for markets throughout the Mediterranean via diplomatic bargaining power. The Black Sea became not only a source of slaves during medieval period providing merchants with income and revenue, but also through this commerce the states were provided with military workforces. Thus the war-slaves, initially of Qipchaq origin, were imported as children, converted to Islam, trained as elite soldiers, freed, and given posts in the army and government; thus new dynasty of Mamluks has been emerged in the Near East, which played a crucial role in eliminating the powerful position of the Hülegüid Mongols in the region.

The recent scholarships reveal that in the business of slave trade in the Black Sea region three political powers were deeply involved: the Mongols, the Byzantines (via Italian city-states) and the Mamluks. The Mamluk Sultanate requires as many as possible the slave children. The Mongol conquests of the western steppe from the 1220s to the 1240s would have generated thousands of slaves, enough to support the rapid expansion of the Mamluk corps under al-Şāliḥ Najm al-Dīn Ayyūb [15, p. 171; 8, p. 474; 58, p. 83; 51, p. 65; 2, p. 3–4; 34, p. 234–235]. These included the future sultans al-Manşūr Qalawūn, a Qipchaq, who was captured and sold by the Mongols to al-Şāliḥ Najm al-Dīn Ayyūb, the ruler of Egypt, as well as al-Zāhir Baybars, who fled from Qipchaq territory to Bulgaria and later he was sold at the slave market at Sivas and brought to Cairo. The Genoese and Venetians' interest through their colonies at Caffa and Tana respectively, regulated a shipping process of these slaves along with other commodities.

⁴ The treaty was in fact ratified in 1268.

The trading parties or the individual consumers of slaves gain a privilege to supply a large variety of enslaved men and women⁵. Until the late thirteenth century, Russian vassals of the Mongols were required to send a tithe of all their possessions, including livestock and people, to the Mongol khan as tribute. The tithed people might then be employed as soldiers, artisans, or domestic servants, or might be sold as slaves for cash [46, p. 149]. The Mamluk sultan al-Manşūr Qalawūn reportedly acquired Russians, Circassians, and Alans whom the Mongols had acquired as captives or tribute [67, Vol. 3, p. 779–780]⁶.

Slave colonies

Through its colony at Caffa and its bustling settlements in other major ports, Genoa was able to control shipping and regulate the slave trade throughout the Black Sea. Venice did not possess a colony of its own there, but the Venetian community at Tana competed with the Genoese in trading slaves and other commodities⁷.

The rivalry between Genoa and Venice for control of the Black Sea and its lucrative supply of slaves was the one element, and an important one, in their ongoing struggle for commercial dominance of the Mediterranean. The Genoese tried in every way to retain the monopoly of the Black Sea trade in the face of competition, principally from Venice and secondly from Pisan and Greek merchants. They succeeded in this objective for a while, but in 1308 their position was severely weakened by the sudden worsening of relations with the Mongols, who attacked Caffa and forced the Genoese to abandon it temporarily. The primary cause for the military action of Toqto'a Khan (1291–1312) appears to have been the Genoese trade in slaves, which included Mongols and other subjects of the Golden Horde whose trade was forbidden [36, p. 305].

Whether the Mongol action was undertaken out of pity for the fate of Mongol subjects is difficult to say. However, considering that slavery was hardly unknown or even proscribed within the Mongol empire, we must consider this to have been an unlikely cause. The reason was, rather, the Genoese cavalier attitude toward the prohibition imposed by the khan against trading Mongol subjects. Trade was allowed but regulated, and the ability to impose certain terms was a matter of sovereignty.

However, as it seen above, if Genoa and Venice fail in supply of slaves to the Mamluk sultanate because of the Mongols, the merchants would enjoy privileges in the profitable markets in Alexandria and Damascus because the crusaders also demanded the slaves to fight with Islamic forces. Thus, the political affair was based not only in economic interest of the region, but it involved religious aspect that makes it possible to understand the dynamics of the slave trades. In addition to this, the slave trade became demand-driven, rather supply oriented. However, in the late fourteenth and early fifteenth centuries one can observe a strategic shift from Tatars

⁵ For the data of slaves in the mid–14th century that reached more than 50% of total transaction, see [57, p. 566–576].

⁶ This passage has also been used to connect the enslavement of Circassians with raids from Khwarazm.

⁷ Venice obtained its own neighborhood in Tana directly from the Khan of the Golden Horde, Uzbek in 1332 [69, Vol. I, p. 243–244]. In the same year, Venetians successfully sent a diplomatic mission to the Armenian King Leo IV and managed to convince him that his fellow citizens could go, stay and return from Armenia. Moreover, they won the right for Venetians to freely trade in those lands [4, p. 38–39, doc. n. 14].

and Qipchaq Turks to Circassians, Russians, Alans and other ethnics. The reason is the land route from the southern coast of the Black Sea to the Mamluk sultanate via eastern Anatolia came forward, and it provided a viable alternative route to the Italian-dominated maritime route via the Aegean Sea [10, p. 5].

Culture of slavery

It is clear that a local slave trade did exist everywhere. Many slaves were taken from the Balkans, the Aegean, and sub-Saharan Africa as well as from Muslim Iberia and Sardinia [65, p. 39–55; 43]. The majority of slaves were enslaved through capture in wars and raids, but some were sold into slavery by their own families [10, p. 5].

Moreover, a set of practices associated with slavery exists and it constitutes a common culture of slavery. One of such elements is a common definition of slave status. Throughout the late medieval Mediterranean world, it was understood that slavery was legal; but its ideological basis was religious. People living in the Mediterranean region during the later middle ages could purchase slaves to a regional slave market and slave should be religiously different than their own [29, p. 19–27]. The legality of slaves' status included language, customs, origin, and physical appearance as well as direct professions of faith [10, p. 5].

Merchants generally imported slaves from the Black Sea in small numbers and sold them one at a time in markets or private homes. Brokers often facilitated these small-scale transactions⁸. Brokers or doctors might also help buyers inspect slaves for illness or other hidden faults [10, p. 6]. The contractual language used to formalize these sales was similar in both, Latin and Arabic.

Another element common in culture of slavery is for what capacity slave owners would deploy their slaves. As seen above, the slaves were required as military asset for the Mamluk state. Nonetheless slave owners used their slaves as financial and social assets as well as laborers. One often assumes that the typical slave would be male, however, the majority of slaves in the late medieval Mediterranean were female, and the exploitation of their sexual and reproductive capacities was an essential component of slave ownership [22, p. 6]⁹. Surely, the slave owners largely determined what functions an individual slave can perform. Documentary records that were accompanying the slaves included bills of sale, letters, endowment deeds and life histories of each individual [22, p. 133–138].

The study of Mamluk military slaves under the Mamluk sultanate in Egypt and Syria has been shaped by set of concerns. One area of interest is the distinctively Islamic nature of military slavery and its consequences for both the military and the government in specific historical contexts [55, p. 63–73; 17, p. 81. 70 provides less judgmental analyses of military slavery in a variety of historical contexts]. Scholars in this field study Mamluk-era military slavery as a central example because the Mamluks were among the few groups of military slaves to seize political power for

⁸ On the wholesale and small scale slave trades and the market inspector manuals, see [22, p. 133–138].

⁹ On the predominance of women, especially girls in the slave records, see [57, p. 570–571].

themselves in law as well as in practice. However, the Mamluks were able to achieve political legitimacy only by instituting systematic manumission as well¹⁰. Since Mamluk rulers were freed at the beginning of their political careers, scholars of the Mamluk state are interested in slavery primarily as it influenced the training of future Mamluk leaders [28, p. 153–163].

In the context of diplomacy between the Golden Horde, Byzantium and Mamluks, slaves were exchanged over long distances along with other prestigious objects such as jewels, luxury textiles, gold, silver, and horses. The Mamluk sultan Baybars sent black male slaves and female slave cooks as gifts to Berke, the khan of the Golden Horde, in 1262–1263 in order to congratulate Berke upon his conversion to Islam [9, Vol. 1, p. 362]. Al-Nāṣir Muḥammad received eighty male and twenty female slaves as a gift from Toqto'a Khan, as did al-Nāṣir Ḥasan from Janibak Khan [1, Vol. 9, p. 280; 66, p. 110]. Gifts of slaves were also exchanged between the Mamluks and the sultan of Baghdad, the Ottoman sultan, and the king of Nubia [60, p. 213]. One mamluk, Arghunshāh al-Nāṣiri, was sent as a gift from China to Persia, where the Il-khan re-gifted him to the Mamluks [77, no. 374].

Conclusion

Several attempts to restore the Byzantine Empire were strongly connected with Mongol period in the Middle East. It gave the Byzantine Emperor a new political and economic situation and a new opportunity to resume their activities within the region. The Byzantine trade of Qipchaq slaves to Cairo had far reaching results. New dynasty of Mamluks was established in the Near East, which played a crucial role in eliminating the powerful position of the Hülegüid Mongols in the region.

The Byzantine-Mongol relations were a part of greater international concern. The multi-party alliances of Byzantium in the north-south with the Golden Horde and Egypt and in the east-west with Il-Khanate, Papacy, and Western powers through diplomacy, marriage and military collaboration were to prove that the region was a desirable pie for each party to have a finger in. In the 14th century the Byzantine and Mongol contacts waned. There is no record of Il-khanid relations with Byzantium after Abu Sa'īd (d. 1335). The Golden Horde kept communicating with the Byzantine counterparts until 1341, providing slaves, however, after the death of Ūzbeḡ and Andronikos the relationship has lapsed.

Nonetheless, the important point for these multisided relations is that through the Black Sea slave trade a new Mamluk generation of political power in the Middle East has been born that changed political balance in the Near East.

¹⁰ The claim of Pipes [55, p. 18–21] that military slaves manumitted themselves informally is incorrect. Nasser Rabbat shows that a ceremony of manumission became the regular conclusion of the Mamluk training program at the beginning of the Mamluk era [58, p. 89–90]. In contexts where military slaves did not hold political power in their own names, it was not necessary to manumit them before appointing them to posts of responsibility [17, p. 78–79 and 622n].

REFERENCES

1. Abū Bakr ibn al- Dawādārī. *Kanz al-durar wa-jamī‘ al-ghurar*. Roemer H., Sa‘īd ‘Abd al- Fattāḥ ‘Ashūr, Haarmann U. (eds). Freiburg: Schwarz, 1960–1972. (In Arabic)
2. Abdul-Aziz Khowaiter. *Baibars the First: His Endeavours and Achievements*. London: Green Mountain Press, 1978.
3. Akropolites G. *Opera*. Heisenberg A. (ed.). Stuttgart, 1978. (In Greek)
4. Alishan G.M. *L’Armeno-Veneto. Compendio storico e documenti delle relazioni degli Armeni coi Veneziani (secoli XIII–XIV)*. Venezia, 1893. (In Italian)
5. Anonymous. *Tarikh-i al-isaljuq dar Anatuli*. Nadira Jalali (ed.). Tehran 1377/1999. (In Persian)
6. Amitai-Preiss R. *Mongols and Mamluks*. Cambridge University Press, 2004.
7. Aq̄sara’i Karim al-Din. *Musamarat al-akhbar wa musayarat al- akhyar*. Turan O. (ed.). Ankara, 1944. (In Arabic)
8. Ayalon D. Studies on the Structure of the Mamluk Army – II. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 15, 1953.
9. Badr al-Dīn Maḥmūd al -‘Aynī. *‘Iqd al-jumān fī tārikh ahl al-zamān*. Amīn M.M. (ed.). Cairo: HMAK, 1987. (In Arabic)
10. Barker H. *Egyptian and Italian Merchants in the Black Sea Slave Trade, 1260–1500*. PhD dissertation submitted to Columbian University, 2014.
11. Biran M. Encounters among Enemies: Preliminary Remarks on Captives in Mongol Eurasia. *Archivum Eurasia Medii Aevi* 21, 2015, pp. 27–42.
12. Canard M. Un traité entre Byzance et l’Egypte au XIIIe siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans mamlūks Baibars et Qalā’un. *Mélanges Gaudefroy-Demombynes*. Cairo, 1937, pp. 197–224. (In French)
13. Charanis P. Piracy in the Aegean during the Reign of Michael VIII Palaeologos. *Annuaire de l’Institut de Philologie et d’Histoire Orientales et Slaves* 10, 1950.
14. Chrysostomides J. The Byzantine Empire from the 11th to the 15th Century. *Byzantium to Turkey (1071–1453)*. Cambridge University Press, 2009, pp. 6–50.
15. Cibrario L. *Della schiavitù e del servaggio*. Milan: Stabilimento Civelli, 1868. (In Italian)
16. Constable O.R. Muslim Spain and Mediterranean Slavery: The Medieval Slave Trade as an Aspect of Muslim-Christian Relations. *Christendom and Its Discontents*. Waugh S., Diehl P. (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1996, pp. 264–284.
17. Crone P. *Slaves on Horses: The Evolution of the Islamic Polity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
18. Dashdondog B. *The Mongols and Armenians*. Leiden: Brill, 2011.
19. Ehrenkreutz A. Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century. *The Islamic Middle East, 700–1900: Studies in Economic and Social History*. Udovitch A.L. (ed.). Princeton, 1981, pp. 335–346.
20. Fleet K. (ed.). *Byzantium to Turkey (1071–1453)*. Cambridge University Press, 2009.
21. Fleet K. *European and Islamic Trade in the Early Ottoman Stale: The Merchants of Genoa and Turkey*. Cambridge, 1999.
22. Graig P. Historicising Slavery in the Medieval Islamic World. *Roundtable, International Journal of Middle East Studies* 49, 2017, pp. 133–138.
23. Gregoras N. *Historia Byzantina*. Schopen L (ed.). Bonn. Vol. 1, 1829. (In Greek)
24. Geanakopoulos D.J. Greco-Latin Relations on the Eve of the Byzantine Restoration: The Battle of Pelagonia. *Dumbarton Oaks Papers* 7, 1953.
25. Geanakopoulos D.J. Emperor Michael Palaeologus and the West. 1258–1282. Cambridge, 1959.

26. Golubovsky P.V. *Pechenegi, Torki i Polovtsy do nashestviya tatar. Istoriya yuzhno-russkikh stepey IX–XIII vv.* [The Pechenegs, Torks and Polovtsians before the Invasion of the Tatars. The History of the Southern Russian steppes of the 9th–13th centuries], 1884. (In Russian)
27. Hartog L. de. *Russia and the Mongol Yoke: The History of the Russian Principalities and the Golden Horde, 1221–1502.* London: New York: I. B. Tauris, 1996.
28. Hassanein R. The Training of the Mamluk Faris. *War, Technology and Society in the Middle East.* Parry V.J., Yapp M.E. (eds). London: Oxford University Press, 1975, pp. 153–163.
29. Hershenson D. *The Captive Sea: Slavery, Communication, and Commerce in Early Modern Spain and the Mediterranean.* University of Pennsylvania Press, 2018.
30. Holt P.M. *The Age of Crusades: The Near East from the Eleventh Century to 1517.* London, 1986.
31. Hussey J.M. *The Orthodox Church in the Byzantine Empire.* Oxford, 1990.
32. Ibn al-Dawādārī, Abū Bakr b. ‘Abd Allāh. *al-Durr al-fākhir fī sirāt al-malikal-nāšir.* Roemer H.R. (ed.). Freiburg–Cairo, 1960. (In Arabic)
33. Ibn Shaddād al-Ḥalabī, ‘Izz al-Dīn Muḥammad b. ‘Alī. *Ta’riḫ al-malikal-zahir.* Ḥuṭayṭ A. (ed.). Wiesbaden, 1983. (In Arabic)
34. Jean Joinville. Life of St. Louis. *Chronicles of the Crusades.* Shaw M. (tr.). Harmondsworth: Penguin, 1963.
35. Jackson P. The Mongols and Europe. *The New Cambridge Medieval History*, Vol. 5. Abulafia D. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
36. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410.* Pearson, Longman, 2005.
37. Karpov S.P. The Grain Trade in the Southern Black Sea Region: The Thirteenth to the Fifteenth Century. *Mediterranean Historical Review*, 1993. Vol. 8 (1), pp. 55–71.
38. Kirakos Gandzakets’i. *History of the Armenians.* Melik’-Ohanjanyan (ed.). Erevan: Academy of Sciences Press, 1961.
39. Kizilov M. *The Black Sea and the Slave Trade: The Role of Crimean Maritime Towns in the Trade of Slaves and the Captives in the Fifteenth to Eighteens Centuries.* *International Journal of Maritime History*, XVII/1, 2005, pp. 221–235.
40. Korobeinikov D. *Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century.* Oxford, 2014.
41. Lamb H. *Genghis Khan and the Mongol Horde.* World Landmark Books, 1982.
42. Lemerle P. *L’emirat d’Aydin, Byzance et l’Occident: recherches sue ‘La geste d’Umur Pacha’.* Paris, 1957. (In French)
43. Lewis B. *Race and Slavery in the Middle East: An Historical Inquiry.* Oxford: Oxford University Press, 1990.
44. Lindner R. Anatolia, 1300–1451. *Byzantium to Turkey (1071–1453).* Fleet K. (ed.). Cambridge University Press, 2009, pp. 102–137.
45. Lippard B. *The Mongols and Byzantium 1243–1341.* PhD dissertation. Indiana, 1984.
46. Martin J. *Medieval Russia, 980–1584.* Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
47. Melville Ch. Anatolia under the Mongols. *Byzantium to Turkey (1071–1453).* Fleet K. (ed.). Cambridge University Press, 2009. P. 51–101.
48. Mufaḍḍal Ibn Abi’l Fada’il. *Histoire des sultans mamlouks.* Blochet (ed.). *Patrologia Orientalis*, Vols 12, 14, 20. Paris, 1919–1928. (In French)
49. Nasonov A.N. *Mongoly i Rus’.* *Istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [The Mongols and Rus’. The History of Tatar Politics in Rus’]. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences Press, 1940. (In Russian)
50. Nicol D. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453.* Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

51. Northrup L. *From Slave to Sultan: The Career of al-Mansur Qalawun and the Consolidation of Mamluk Rule in Egypt and Syria (678–689 A.H./1279–1290 A.D.)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998.
52. Ochir A., Erdenebold L. Foreword. *Nuudelchdiin Urlagiin Galerei* [The Gallery of the Nomadic Art]. Ulaanbaatar, 2012. (In Mongolian)
53. Ostrogorsky G. *History of the Byzantine State*. Hussey J. (tr.). New Brunswick, 1957.
54. Pachymeres G. *Relations historiques*. Vols. I–II. Paris, 1984. (In French)
55. Pipes D. *Slave Soldiers and Islam: The Genesis of a Military System*. Yale University Press, 1981.
56. Pogossian Z. The Armenian Reaction to the Concept of the Primacy of the Roman Church in the Twelfth and Thirteenth Centuries. *Frontiers in the Middle Ages*. Merisalo O., Pahta P. (eds). Paris: Louvain-la-Neuve, 2006.
57. Pubblici L. Some Remarks on Slave Trade in the Heart of the Golden Horde (14th century): In the Wake of Verlinden's Research. *Zolotoordynskoe Obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 566–576.
58. Rabbat H. The Changing Concept of Mamluk in the Mamluk Sultanate in Egypt and Syria. *Slave Elites in the Middle East and Africa*. Toru and Philips (eds). London, 2000.
59. Runciman S. *The Sicilian Vespers*. Cambridge, 1958.
60. Shai Har-El. *Struggle for Domination in the Middle East: The Ottoman-Mamluk War, 1485–91*. Leiden: Brill, 1995.
61. Saunders J.J. *Muslims and Mongols*. Rice G.W. (ed.). Christchurch: University of Canterbury, 1977.
62. Saunders J.J. *The History of the Mongol Conquest*. London, 1977.
63. Spuler B. *Die Mongolen in Iran: Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350*. Leiden, 1985. (In German)
64. Step'annos Orbelian. *History of Siwnik Province*. Shahnazareants' K. (ed.). Paris, 1860; T'iflis, 1910.
65. Stuard S.M. To Town to Serve: Urban Domestic Slavery in Medieval Ragusa. *Women and Work in Preindustrial Europe*. Hanawalt B. (ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1986.
66. Subhi Labib. *Handelsgeschichte Ägyptens im Spätmittelalter (1171–1517)*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1965. (In German)
67. Taqī al- Dīn Ahmad al- Maqrīzī. *Kitāb al-khitat wa-al-athār fī Miṣr wa-al-Qāhirah*. Ayman Fu'ad Sayyid (ed.). London: al-Furqan Islamic Heritage Foundation, 2002–2004. (In Arabic)
68. Thorau P. *The Lion of Egypt: Sutan Baybars I and the Near East in the 13th century*. Holt P.M. (tr.). London, New York, 1992.
69. Thomas G.M., Predelli R. *Diplomatarium Veneto-Levantinum*. 2 Vols. Venezia, 1880–1899.
70. Toru M., Philips J.E. (eds). *Slave Elites in the Middle East and Africa*. London: Kegan Paul International, 2000.
71. Uspenskiy F.I. Vizantiyskie istochniki o mongolakh i egipetskikh mamlyukakh [Byzantine Sources about the Mongols and the Egyptian Mamluks]. *Vizantiyskiy vestnik* [Byzantina Kronika]. Leningrad, 1926. Vol. XXIV, pp. 1–16.
72. Vardan Arevelts'i. *Universal History*. T'osunyan G.B. (ed.). Erevan: Erevan University Press, 2001.
73. Vásáry I. *Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
74. Vernadskiy G. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Moscow: Agraf, 2001. (In Russian)

75. Waugh S., Diehl P. (eds). *Christendom and Its Discontents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

76. al-Yūnīnī, Quṭb al-Dīn Mūsā b. Muḥammad. *Dhayl mir' at al-zamān fi ta'rīkh al-a'yān*. 4 Vols. Hyderabad, 1954–1961. (In Arabic)

77. Yūsuf Ibn Taghrī Birdī. *Al-Manhal al-ṣāfi wa-al-mustawfā ba'da al-wāfi*, 1984–2009. (In Arabic)

78. Zachariadou E.A. *Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415)*. Venice, 1983.

About the author: Bayarsaikhan Dashdondog – DPhil in Oriental Studies, Professor, Department of History, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia (14201, P.O.Box 330, Baga toiruu 47, Sukhbaatar duureg, Ulaanbaatar 46a, Mongolia). Email: bayanad@yahoo.com

Received January 20, 2019 Accepted for publication May 5, 2019

Published June 29, 2019

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО БАЛАНСА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЧЕРНОМОРСКОЙ РАБОТОРГОВЛИ В XIII–XIV ВЕКАХ

Баярсайхан Дашдондог

Монгольский государственный университет

Улаанбаатар, Монголия

bayanad@yahoo.com

Цель: морская тематика Монгольской империи охватывает не только Юго-Восточную Азию, но также и Черноморский регион и границы Византии, простиравшиеся до Средиземного моря. Черноморская торговля и в особенности работорговля привлекала монголов, изменив впоследствии политический баланс на Среднем и Ближнем Востоке.

Материалы исследования: В этой статье затронут регион Черного моря и работорговля, в которой участвовали многие политические стороны. Первоисточники и архивные документы различного содержания свидетельствуют о том, что в многосторонних отношениях между монголами Золотой Орды, Византии и Египта участвовали пленники, которые были взяты в плен в Черноморском регионе и порабощены в Средиземноморье.

Результаты и новизна исследования: В отличие от рабов позднего средневекового периода, проданные в Каир в XIII–XIV веках, стали экспертами военного дела и захватили политическую власть на Ближнем Востоке. Этот момент характеризует не только динамизм региона, но и феномен, который сформировал новую государственность рабов, известных как мамлюки. Фактически замена монгольского кочевнического элемента на кыпчакский кочевнический элемент на Ближнем и Среднем Востоке отразилась не только на изменении доминирующего элемента, но и на демографическом и экономическом росте в регионе.

Ключевые слова: Чёрное море, Золотая Орда, пленники, рабские колонии, монголы, византийцы, мамлюки

Для цитирования: Dashdondog B. The Black Sea Slave Trade in the 13th–14th century That Changed the Political Balance in the Near East // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 283–294. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.283-294

Сведения об авторе: Баярсайхан Дашдондог – DPhil (Востоковедение), профессор, исторический факультет, Школа искусств и наук, Монгольский государственный университет (14201, почтовый ящик 330, Бага Тойруу 47, Сүхбаатар дүүрэг, Улаанбаатар 4ба, Монгол Улс). Email: bayanad@yahoo.com

*Поступила 20.01.2019 Принята к публикации 05.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

УДК 94(47+57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.295-317

ЕЩЕ РАЗ О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА *ОРДА* И КАТЕГОРИЯХ «ЗОЛОТАЯ ОРДА», «БЕЛАЯ ОРДА», «СИНЯЯ ОРДА»*

В.В. Тишин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: в статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с дискуссией о соотношении между собой понятий *Золотая Орда*, *Белая Орда*, *Синяя Орда*, с акцентированием внимания на сам термин *орда* – и как научной дефиниции, и как, собственно, исторического понятия, в тех фонетических формах, в которых оно фиксируется в источниках. Автором предлагается выявить исходное значение термина *ordo ~ orda* и выделить этапы расширения его семантики с разграничением семантических пучков.

Материалы исследования: статья может рассматриваться как своего рода комментарий к исследованиям последних лет. Ввиду того, что все материалы по затронутой проблематике давно известны исследователям, подборка источников выглядит хрестоматийно – это монгольские, китайские, латинские, мусульманские (арабские и персидские) и древнерусские тексты, содержащие в той или иной форме слово *ordo*. Автором привлечен далеко не весь фонд источников, но наиболее показательные, на его взгляд, материалы. В значительной степени использован лингвистический материал, в качестве которого выступает собственно лексический фонд конкретных языков.

Результаты исследования и научная новизна: в ходе исследования контекстов употребления термина *ordo ~ orda* в разных источниках и разных орфографических (соответствующих фонетическим) вариантах, автор пришел к следующему. От основного значения, зафиксированного у монголов в XIII в., ‘ставка правителя с семьей, свитой и всем обслуживающим персоналом’, развились вторичные, отражающие одну из сторон исходного содержания. Поскольку развитие происходило параллельно, это не исключало употребления в одних и тех же текстах слова в разных значениях, которые могут быть выявлены только в результате анализа контекста. Контексты употребления термина в источниках позволяют утверждать, что процесс расширения его значения, нашедший отражение в восприятии авторов, бывших представителями иноземных культур, происходит в период после середины XIV в., будучи непосредственно связанным с событиями политической истории Улуса Джучи, погружившегося в эпоху смут. Также появление дополнительных значений, связанных с территорией, явились следствием осмысления контекстуального содержания в рамках восприятия, характерного для оседлых культур. Автор статьи солидаризируется с исследователями, отмечающими тождество категорий *Золотая Орда* и *Белая Орда*, противопоставляемых понятию *Синяя Орда*, изначально связанных, соответственно, с обозначением владений потомков Бату в западной и Урду – в восточной части Улуса Джучи. Кроме того, признается недостаточной обоснованной, хотя и теоретически допустимой, гипотеза о соответствии данных цветовых маркеров с традиционной геосимволикой тюркских и монгольских народов. Тот факт, что термин *ordo ~ orda* с

* Исследование выполнено в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

цветовыми маркерами *золотой* и *белый* чаще связывается со значением ханской юрты / шатра, находит соответствие в источниках о существовании у ханских шатров подобных эпитетов. Обладание некоего правителя таким шатром являлось распространенным феноменом, по крайней мере, в монгольской традиции, но с ранних времен утверждается в качестве атрибута именно правителей Улуса Джучи. Однако, реальное выявление соотношения между концептами «золотой» и «белый» требует специальной работы.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Белая Орда, Синяя Орда, семантика

Благодарности: Автор хотел бы выразить искреннюю благодарность К.З. Ус-кенбаю за то, что он взял на себя труд ознакомиться с предварительным вариантом данной работы и сделал ряд ценных замечаний. Также автор благодарен Р. Хаутале за ценные комментарии относительно использования термина *ordo* в латинских источниках.

Для цитирования: Тишин В.В. Еще раз о содержании термина *орда* и категориях «Золотая Орда», «Белая Орда», «Синяя Орда» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 295–317. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.295-317

ONCE AGAIN ON THE MEANING OF THE TERM “HORDE” AND THE CATEGORIES “GOLDEN HORDE”, “WHITE HORDE”, “BLUE HORDE”*

V.V. Tishin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation
tihij-511@mail.ru*

Abstract: Research objectives: This article discusses some issues related to the problem of the relationship between the concepts of the “Golden Horde”, the “White Horde”, and the “Blue Horde”, with an emphasis on the term “horde” itself – both as a scientific definition and as a historical concept related to the phonetic forms in which it situated in the sources. The author proposes to reveal the original meaning of the term *ordo* ~ *orda* and to outline the stages of expansion of its semantics with the delineation of semantic fields.

Research materials: The article may be considered largely as a kind of commentary on the research of recent years. Since all materials on the affected issues have been known to researchers for a long time, the selection of sources looks proverbially traditional. These are Mongolic, Chinese, Latin, Muslim (Arabic and Persian), and Old Russian texts containing the word *ordo* in its various forms. The author did not use the whole body of sources, but rather the most illustrative materials in his opinion. Mostly, the linguistic material was employed which comprises the lexical basis for researching specific languages.

Research results and novelty: In the process of researching the contexts of using of the term *ordo* ~ *orda* in various sources and different orthographic variants (corresponding to phonetic ones), the author came to the following contention. Secondary senses reflecting

* The study was carried out as part of the Integrated Program for Basic Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, № AAAA-A17-117021310264-4.

one of the aspects of the original sense evolved from the basic meaning recorded among thirteenth-century Mongols – “the abiding-place of a ruler, his family, his entourage, and all the attendants”. Since the development took place in parallel, this did not exclude the words being used with different intended meanings in the same texts, which can be revealed only as a result of the analysis of the context. The contexts of the use of the term in the sources make it possible to assert that there was a process of expansion of the term’s original meaning, reflected in the perception of different authors being representatives of foreign cultures. This occurs in the period after the middle of the fourteenth century, being directly caused by the events of political history of the Jochid ulus as it was plunged into an era of trouble. Also, the emergence of additional senses associated with the concept of territory was the result of a comprehension of the word in related contexts within the worldview specific for sedentary cultures. The author of the article accepts the point to identify the terms “Golden Horde” and “White Horde”, both contrasted with the concept “Blue Horde”, originally associated respectively with the designation of the domains of the descendants of Batu in the western part, and the descendants of Urdu in the eastern part, of the Jochid ulus. In addition, it is recognized that the hypothesis on the correlation of these color markers with the traditional geosymbolism of the Turkic and Mongolian peoples is not sufficiently substantiated although it is theoretically permissible. The fact that the term *ordo* ~ *orda* with both color markers of “gold” and “white” was more often associated with the sense “qan’s tent”, corresponds with the source data on similar epithets for tents of different qans. Historically, the possession of such tent was typical for certain leaders, at least in the Mongolian tradition, but from an early age it had come to be claimed as the attribute of the rulers of the Jochid ulus primarily. Nonetheless, a solid identification of the relationship between the concepts “golden” and “white” requires special research.

Keywords: Jochid Ulus, Golden Horde, White Horde, Blue Horde, semantic

Acknowledgements: The author would like to express sincere thanks to Q.Z. Uskenbay for taking the trouble to familiarize himself with the preliminary version of this work and made a number of valuable comments. Also, the author is grateful to R. Hautala for valuable comments on the use of the term *ordo* in Latin sources.

For citation: Tishin V.V. Once again on the Meaning of the Term “Horde” and the Categories “Golden Horde”, “White Horde”, “Blue Horde”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 295–317. (in Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.295-317

Введение

Вопрос о понятиях *Золотая Орда*, *Белая Орда*, *Синяя Орда* и их соотношении друг с другом не раз дискутировался в историографии. обстоятельно все источниковедческие и историографические аспекты рассмотрены, в частности, в статье К.З. Ускенбая [43] и в наиболее полном виде в его монографии [44, с. 81–112], где также, в принципе, показано, что существующие полярные взгляды в выводах исследователей при ограниченном круге письменных источников, наиболее приближенных по времени создания к описываемым эпохам, вытекают, скорее, из субъективных предпочтений в трактовках событийной канвы употребления этих дефиниций. Расширение источниковой базы за счет привлечения материалов более поздних эпох, но при этом связанных с тюркской культурой, в том числе устной традиции, показывает, что, хотя восприятие ее носителями цветовых маркеров различных частей Улуса Джучи претерпело определенное преломление, будучи переосмыслено в рамках той или иной династийной традиции, никаких значительных расхождений, препят-

ствовавших бы выявлению общего контекста этого восприятия, не имеется [26; 27; 14]¹. Однако, как становится ясно из современной ситуации, только в постсоветской историографии сохраняет актуальность не столько сама дискуссия о соотношении упомянутых выше «Орд», но даже непосредственно связанный с ней вопрос о содержании самого понятия *орда* [33; 15].

Нужно отметить, что последний обсуждается только в постсоветской историографии и преимущественно историками, хотя, благодаря работе немецкого филолога-тюрколога Г. Дёрфера [52, S. 165; 53, S. 32–39] и также изысканиям советского археолога Г.А. Федорова-Давыдова [45, с. 63–67, 107, 118–122], он давно может считаться решенным. Только в русском языке и, соответственно, у авторов, пишущих на нем, обнаруживается некоторое неоднозначное понимание самого термина *орда*. Именно этот факт во многом способствует реинкарнации дискуссии там, где это не кажется обязательным.

Обсуждение

1. В вопросах разбора исторической терминологии, касающейся конкретной языковой и культурной среды, предпочтение следует отдавать источникам, происхождение которых непосредственно связано с ними. В данном случае, речь о материалах, связанных с кочевнической средой, т.е. сведениях тюркских и монгольских источников, что, однако, осложняется их небольшим количеством, но компенсируется возможностью выявить и в инокультурных текстах влияние собственно кочевнической среды, когда сведения заимствовались прямо из нее.

1.1. Считается, что термин *ordo* 𐰉𐰺𐰽 встречается уже у *сюн-ну* 匈奴, передаваемый в китайской транскрипции *ou-mo* 歐脫 / 𪛗𪛘 в «Ши цзи» 史記 и «Цянь Хань шу» 前漢書, *ou-mo* 歐脫 в «Хоу Хань шу» 後漢書, что, как установлено многочисленными исследователями, неоднократно обсуждавшими этот вопрос, обозначает, судя по контекстам источников, некий стационарный объект, своеобразный укрепленный военный лагерь с гарнизоном [71, p. 508–509; 53, S. 35–36; 21, с. 39, 131–132, комм. 91; 22, с. 37, 142, прим. 14; 59, s. 265–267; 60, s. 2–3]. Между тем, такой авторитетный лингвист-тюрколог как А.В. Дыбо, ориентирующаяся на систему реконструкции древнекитайской фонетики С.А. Старостина и учитывая разработки Э.Дж. Пуллиблэнка, считает, что фонетически передача в древнекитайском посредством сочетания *ou-mo* 歐脫 (< зап.-хань, вост.-хань *ʈwá-/wāi) оригинального звучания **ordo* невозможна. А.В. Дыбо предлагается реконструкция **xol-ut* (ср. тюрк. *qoş*) [8, с. 91; 9, с. 234–235, 248, прим. 18]. Однако, есть сведение, отчасти компенсирующее возражение против попыток впервые обнаруживать *ordo* у *сюн-ну* 匈奴 – в «Ляо ши» 遼史 (цз. 93) город *шань-юя* 單于 (*шань-юй чэн* 單于城) или Лунтин 龍庭 характеризуется как *во-лу-до* 窩魯朵 [71, p. 509].

¹ Здесь и далее, ввиду ограниченного объема публикации, не имея возможности привести библиографию по каждому из затронутых вопросов, мы ограничиваемся упоминанием наиболее показательных публикаций.

Первое по времени достоверное упоминание термина *орда* в источниках встречается в памятниках древнетюркской рунической письменности – в надписи Кюль тегину: *oγuz jayī orduy basdī* ‘Огузы враждебные орду атаковали’ (Кб, стк. 8); *orduγ birmādi* ‘[они] орду не взяли’ (Кб, стк. 9) [68, s. 242]. По контексту источника от лица Бильге кагана говорится, что благодаря этому в плен не попали его мать, мачехи, тетки, невестки и жены. Это, как отмечает Б. Öгел, близко к значению, в котором слово предстает в «Китаб-и Дэдэм Коркут» [60, s. 12, 213], где фиксируется значение не столько ‘свита / сопровождение бея’ [37, с. 563], сколько вообще все хозяйственное пространство, связанное с юртой хана или бея, и, соответственно, домочадцы, воины, слуги, пастухи его стад [60, s. 210–221]. Это значит, что совершенно права была А. фон Габэн, отмечавшая, что в *орда* должны были находиться юрты (*äv*), где пребывали женщины с их хозяйством [54, S. 38], почему термин следует интерпретировать как ‘Lager’ [54, S. 37], ‘Heerlager’ [54, S. 38].

Попытка читать сочетание *(a)qs(i)r(a)q ordo* в памятнике Могойн Шинэ Усу (МШУ, Вост., стк. 8) [60, s. 42–43], другом памятнике древнетюркской рунической письменности, оказалась необоснованной, поскольку там, видимо, *q(a)s(a)r qord(a)n* [50, p. 956 645; 13, с. 166; 41, с. 9–10]. Этот факт убирает один из аргументов в области изысканий с цветовой семантикой.

Далее слово *орда* встречается в другом памятнике древнетюркской рунической письменности «Брк битиг» («Гадательной книге») [60, s. 43]: *qan oluruqan ordo jarmiš* ‘хан, воссев [на престол] (т.е. воцарившись), лагерь основал’ (ББ, XXVIII), *qan sükä barmiš jayū sančmīš köčürü qonturu kälir özi süsi ögirä säbinü ordusūjaru kälir* ‘хан на войну пошел [и] врага поразил, переселяя и поселяя [их] приходит, [он] сам [и] войско [его] в лагерь приходит’ (ББ, XXXIV). Не полностью отражают всю специфику предлагаемые переводы в первом случае ‘дворец’ [20, с. 87] или ‘резиденция’ [7, с. 235, 370], во втором – ‘столица’ [20, с. 88], ‘ставка’ [7, с. 370].

В восточно-тюркестанских древнеуйгурских текстах чаще используется именно значение ‘дворец’, как, например, в древнетюркском переводе *Suvarṇaprabhāsa-sūtra* или «Алтун йарок» (Suv, 621:22) [20, с. 169, 177, 185, 404].

В киданьский период слово фиксируется в передаче *во-лу-до* 斡魯朵 [71, p. 508]. Киданьский материал показывает, что *орда* были особо организованными военно-административными единицами, которые могли быть как сформированы, так и расформированы – это передвижные военные лагеря с соответствующей инфраструктурой, подразумевающей обслуживающими воинов домохозяйствами и населением, которое также могло быть мобилизовано [71, p. 509–517; 60, s. 64–67]².

По другой линии развитие семантики термина пошло на тех территориях, где кочевнический быт уступал место оседло-земледельческому.

Махмūd ал-Қашғарū (XI в.) приводит следующее значение:

«**اَرْدُو** *ordu* ‘ставка хана’ (*qaṣaba al-malik*). Отсюда город Кашгар называется **اَرْدُو كَنْد** *ordu känd*, что значит: ‘город, в котором располагается

² А.В. Дыбо интерпретирует киданьский термин как ‘дворцовая стража’ [9, с. 237].

ставка хана' (*balda al-iqāma wa-qaṣaba al-mulūk*); **أردو** *ordu* – ставка (*qaṣaba*) вблизи Баласагуна. Поэтому Баласагун тоже называется **فوز أردو** *quz ordu*» [24, с. 143; 57, р. 148].

Аналогичные контексты представлены в поэме «Кутадгу билиг» [30, стб. 1072–1073; 50, р. 203]. Ср. там же производное *qaršī ordu, ordu qaršī* ‘дворцы’ [7, с. 429, 370; 37, с. 496; 38, с. 459], что все же правильно рассматривать как сочетание двух разных слов [59, с. 278–285; 60, с. 93–95, 98].

Автор компилятивного сочинения XIII в. ал-Мақдисӣ упоминает город «царя туркмен» с названием *Урду* [23, с. 185]. Ср. зафиксированное у Джу-вейнӣ название столицы уйгуров *Ordubaliy* [53, S. 33; 55, р. 54, note 7; 60, с. 89]. Сведения обоих авторов восходят к чуть более ранним временам, однако, фактически, вторят данным Махмӯда ал-Қāшгарӣ в том плане, что отмечают утверждение за *ordo ~ ordu* семантики именно резиденции правителя, связанной с городским поселением и наоборот.

У Махмӯда ал-Қāшгарӣ мы встречаем также глагол *ordulan-*, например, в таком контексте: «говорят: *beg bir jerig ordulandi* ‘бег некое место сделал (*ittahaḍa*) своей ставкой (*qaṣaba*)’» [50, р. 213; 59, с. 264; 24, с. 259; 57, р. 244], или *ordulanip jüksäk tayy oylaq çatar* ‘поселившись на высокой горе, он пригоняет [туда] козлят’ [38, с. 459]. Это косвенно говорит о том, что к этому времени термин активно использовался в плане обозначения именно временного местопребывания и отнюдь не обязательно правителя.

Здесь же, у Махмӯда ал-Қāшгарӣ, уже видим появление должности, связанной с этим термином: *ordu baši* ‘название ханского слуги (постельничий) (*ismu'l-farrāš li'l-mulūk*)’ [24, с. 143; 57, р. 149; 50, р. 203], лучше – ‘дворецкий’ [7, с. 370; 37, с. 569; 38, с. 459]. Это явно свидетельствует о том, что акцент семантики термина *ordo ~ ordu*, к моменту написания «Дивāн Лугāt ат-Турк» и без того включающей в себя понятие ‘двора’, теперь еще сместился именно в область значений, связанных с правителем и его окружением.

И следом у Махмӯда ал-Қāшгарӣ упоминается омоним: *ordu* **أردو** ‘the “burrow (*nāfiqā*)” of a gerboa; the “hole” (*hijr*) of a weasel; the “underground habitation” (*maskan tahta l-arḍ*) of any animal’ [57, р. 149]. Ср. каз., бараб. *орда*, тел. *ордо* ‘нора животных’ [30, стб. 1072–1073]. Примечательно, что и каз., бараб. *орда*, и тел. *ордо*, отражающее лабиализованное исходное **орда*, а также ккалп., хак., саг. *орда* ‘логово’, явно гомогенные с глаголом *or-* ‘рыть, копать’ [34, с. 467–468], – по крайней мере, отражающие семантику этой основы, – являются лишь омонимами для искомого слова, но с ним никогда не контаминируются.

В «Codex Cumanicus» мы видим соответствие лат. *curia*, н.-перс. *ordu*, кыпч. *орда*, или же, в трактовке издателя, «palatium aestivum vel hibernum», «castra» [51, р. 105, 257, 313], по сэру Дж. Клозону ‘royal court’ [50, р. 203].

Последнее свидетельство является очень важным как с точки зрения фонетики, так и семантики.

1.2. Характерно, что все источники, на каком бы языке они ни были написаны, отражают именно форму со вторым огубленным гласным, кроме «Codex Cumanicus», а также древнерусского *орда́* и среднегреческого (XIV в.) *óρδάν* ‘Lager des Herrscherhausses in Kiptschak’ [53, S. 36–38].

У Ц. де Бридиа употребляется форма *ordea*: «Staciones can et principum ‘ordea’ Tartarice appellantur» [46, с. 91, 115]. П. Пельо видел в этом упоминании русифицированную форму оригинального **ordu* > *orda* [63, р. 39]. Д. Синор считал ее ошибочной, полагая, что она была исправлена у Дж. Пьяно Карпини [66, р. 546]³. Примечательно, что описания Г. Рубруком ставки Бату, а Ибн Баттуттой ставки Узбека, включавших дворы их жен [45, с. 64–65; 40, с. 81–82], фактически соответствуют представлениям об *ordo*, полученным на основе памятников древнетюркской рунической письменности и «Китаб-и Дэдэм Коркут». Г. Рубрук использует слово *curia* как синоним *ordu*, сближая его с *orta* ‘середина’ [49, р. 187; 40, с. 82].

Учитывая, что в «Codex Cumanicus» приводится это же значение, П. Пельо писал, что там приведена «восточно-тюркская» форма *orda* [62, р. 30, note 2]. Соответственно, это подвигло французского ориенталиста предположить, что францисканский эмиссар имел тюркоязычных информаторов [62, р. 30, note 1; 63, р. 106]. Впрочем, уже Г. Дёрфер возразил П. Пельо на этот счет, считая форму *orda* именно монгольской [53, S. 39]⁴. К.Г. Менгес отмечал, что древнерусское *орда* может одинаково восходить как к *ordu*, так и *orda*, притом не обязательно считать тюркской формой только *ordu* [58, р. 229]⁵.

Сэр Дж. Клосон, следуя Г. Дёрферу [53, S. 34], дает следующие значения термина *ordo*: «originally ‘a royal residence’, that is ‘palace’ or ‘royal camp’ as the circumstances demanded; in the religious (Bud. and Man.) texts also ‘a heavenly mansion’. An early l.-w. for ‘palace, royal camp’ as *ordo* in Mong.»; «In SW Az., Osm. it came to mean ‘a royal camp’, thence any ‘military camp’ and finally, in military terminology, the largest type of military formation, ‘army’. Elsewhere it retained its original meaning, but there are indications that in some languages it was reborrowed fr. Mong.» [50, р. 203]. В словаре Э.В. Севортыяна также принимается предложенная Г. Дёрфером первичная семантика, связанная со значением ‘стан’, ‘лагерь (войсковой)’ ~ ‘резиденция хана’, с которым связано, с одной стороны, значение ‘войско’, с другой – ‘шатер командующего войсками’, ‘шатер хана’. При этом довольно ранним отмечается развитие ‘ставка (резиденция), местопребывание хана (государя), правителя’ > ‘дворец’, ‘шатры и строения, в которых живут ханские жены, дворня’. Примечательно, что значение ‘ставка (резиденция) хана, государя’ обнаруживается только в форме *orda*, зафиксированной в туркменском, кыпчакском и узбекском языках, но неизвестно для *ordu* [34, с. 471–472].

В отличие от ряда исследователей, отмечавших проникновение формы *orda* в тюркские языки как обратное заимствование из монгольской среды, Э.В. Севортыян рассматривает в качестве возможного вариант, предполагающий активизацию уже в монгольское время этой формы, существовавшей

³ Д. Синор считает, что контекст источников позволяет прямо утверждать: «*Orda* is a house (*domus*) or a tent (*tentorium*)» [66, р. 546], ‘princely dwelling’ [66, р. 551], однако, думается, этот крупный востоковед слишком буквален.

⁴ О монголизмах в «Codex Cumanicus» см. теперь [56], где слово *orda* не отмечено.

⁵ В.Д. Аракин считал, что в русский язык проникла форма *орду*, что отразилось в выражении «пойде в (во) Орду», затем на русской основе она была переосмыслена как падежная, превратившись в исходное *орда* [1, с. 118–119, 123], но, как отметила Г.Ф. Благова, «в русских летописях не менее часты словосочетания типа *приде* || *всиде из Орды*», а в тюркоязычной среде известны и формы с огубленным финальным гласным [3, с. 38, прим. 4].

в значении ‘стан/резиденция правителя’, «однако уже применительно к центру монгольского государства» [34, с. 472]. Согласно Э.В. Севортыану, это слово является первичным именем от глагола *orut-* ‘стоять или располагаться лагерем’, ‘останавливаться’ + аффикс *-u (-i), -a*, т.е. *ordu* < **ortu* < **orutu*; *orda* < **orta* < **oruta*. Однако, приводимое Э.В. Севортыаном *ortu* со ссылкой на А. фон Габэн неправомерно, поскольку, как отметил сэр Дж. Клосон, различить термин *ordo* с *orto* ‘середина’ в древнеуйгурских текстах из-за особенностей графики часто можно только по контексту [50, p. 203]. К.М. Мусаев уточняет Э.В. Севортыана, указывая глаголы < *or-* ‘охватывать, жать’, *ora-* ‘окружать’ [37, с. 569].

А.В. Дыбо не находит внешней этимологии и рассматривает слово как обратное заимствование из монгольской среды – в киданьский период слово перешло из древнетюркского в форме 3 л. ед. ч. от *orun* ‘место’ > ‘дворец, ханская резиденция’, т.е. **ornu*, с развитием сочетания сонантов, характерным для языков кыргызской группы *-rn-* > *-rd-* [9, с. 248].

Не углубляясь в вопрос об этимологии слова, следует обратить внимание именно на сам факт распространенности в тюркских языках форм *ordo* ~ *ordu* и *orda*, первую из которых возможно интерпретировать как именно тюркскую, для второй – предполагать монгольский облик и распространение в тюркских языках в качестве обратного заимствования [53, S. 37]⁶.

1.3. Огромное значение для этого очевидного фонетического разграничения имеет именно обоснование семантики. Как в древнетюркский период, так и в «Китаб-и Дэдэм Коркут» в значениях слова нет сильного разделения между окружением правителя и лагерем, в то время как в Киданьской империи и в империи Чингиз-хана, где армия была более организованной структурой, последний факт отразился на эволюции понятия *ordo* [60, s. 67].

Как заметил Б. Ёгель, монголы до 1206 г. не знали *ordo* как организации, но употребляли слово в другом значении – ‘дворец’. Об этом свидетельствует относящееся к 1196 г. сочетание *ordo-yin ger* как ‘дворцовой юрты’ [60, s. 72] (ср. *ordo ger* [69, p. 51, 453–454])⁷, и в дальнейшем все преобразования вокруг *ordo* связаны со значением дворца [60, s. 69–98]. Именно в этом значении в отношении монголов слово, являясь частью названий различных должностей, проникает и в персидские источники [60, s. 79]. Оно же сохранилось в последующем в различных монгольских языках, где представленные фонетические формы *ordo* ~ *orda* восходят именно к исходному *ordo* [53, S. 37].

В «Хэй-да ши-люэ» 黑鞑事略 место расположения шатра правителя называется *во-лу-то* 窩里陀, что являет собой китайскую транскрипцию слова **ordo* [18, с. 138, комм. 54; 60, s. 350], а место становища всей совокупности шатров родственников и подданных правителя вокруг его шатра именуется «большой ордой» (*да во-лу-то* 大窩里陀, что есть калька с монг. *yeke ordo*)

⁶ Фонетическая форма *ordo* является следствием реализации явления аттракции гласных по признаку степени подъема, согласно которому гласные непервых слогов уподобляются по степени подъема гласному первого слога, т.е. исходным вариантом должно быть *ordu*. Ср. выше *orda* ‘нора животных’ > *ordo*.

⁷ И. де Рахевильц, впрочем, считает, что Чингиз-хан заимствовал понятие об организации *ordo* у кераитов [64, p. 425].

[118, с. 138, комм. 56; 40, с. 80]. «Си-ю цзи» 西游记 Чань Чуня 長春 употребляет формы *ву-ли-до* 兀里朵, *во-ли-до* 窩里朵 в значении резиденции [48, р. 43, note 97, р. 58, р. 137]. В «Юань ши» 元史 это же сочетание также встречается в форме *во-лу-до* 斡魯朵 в значении ставки [61, р. 209; 62, р. 30].

Контексты, связанные с обозначением «золотого шатра», позволяют пронаблюдать и другой сдвиг значения. Согласно «Тайной истории монголов» (§ 184), у кераитского Онг хана была золотая юрта (*altan terme*) [69, р. 105, 664–665; 60, s. 240, 316]. «Хэй-да ши-люэ» 黑鞑事略 отмечает «золотую юрту» (*цзинь чжан* 金帳) у правителя монголов [18, с. 138, комм. 56; 60, s. 350; 40, с. 214]. Согласно Рашīд ад-Дīну, в 1224 г. Чингиз-хан разбил «большую золотую ставку» (اوردوي زريني بزرگ) [31, с. 230, прим. 5]. У Ц. де Бридиа упоминается *syram ordea*, что у Пьяно Карпини как *syram ordam* обозначается ставка Гуйюка [46, с. 91, 116, 338; 60, s. 362–364; 63, р. 39]. Последнее сочетание является передачей монг. *šira ordo* ‘yellow encampment’, где ‘yellow’, по мнению И. де Рахевильца, соответствует ‘golden’ и также ‘imperial’ [64, р. 425; 69, р. 264], хотя в монгольских языках достоверно регистрируется, скорее, в значении, близком к ‘бледный’ [65, S. 712, 718]. Джувейнī описывает шатер Угэдэя, расшитый внутри золотом, но снаружи покрытый белым войлоком, он именовался *شيرہ اردو* (или *سير اردو*). Этот эпизод пересказан у Рашīд ад-Дīна, где мы встречаем *سيرہ اوردو* [55, р. 239, note 6; 32, с. 41, прим. 55; 40, с. 82; 26, с. 140]. Шатер Газан хана называется у Рашīд ад-Дīна *ژردو-ي زرين* اوردوي زرین [40, с. 85]. Ибн Баттūtā упоминает золотой шатер у хана Узбека [5, с. 147; 60, s. 364; 40, с. 215].

К собственно «золотым шатрам» мы вернемся ниже, а здесь отметим лишь то, что как персидские и арабские, так и древнерусские, латинские и китайские источники в течение XIII–XIV вв. употребляют термин *ordo* в значении ставки хана [45, с. 63, 107, 120]⁸, позволяя, в целом, как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, представлять ханское *ordo* как объединяющее «ставки его жен с их людьми и охраной и ставку самого хана со свитой» [45, с. 65]. Следует отметить, что в понимании самих представителей кочевнической культуры содержательное наполнение понятия *ordo* обеспечивается за счет трех взаимосвязанных и не разграничивавшихся семантических компонентов – ‘местопребывание какого-либо предводителя’, ‘некая совокупность народа’ и ‘организация’, но не ‘территория’!

Вместе с тем, не исключено, что Г. Рубрук зафиксировал случай контаминации форм *ordo* и *orta*, что произошло из-за пересечения значений – соответственно ‘ставка правителя’ и ‘середина’, ‘центр’. Однако, нас будет интересовать другой вопрос.

⁸ Утверждение, что некоторые контексты древнерусских летописей позволяют понимать термин «в значении всей земли татарской, всего их государства» [45, с. 119] (ср.: [4, с. 73]), обусловлен субъективным восприятием содержания текста.

2. Как было отмечено выше, употребление орфографической формы *орда*, принятой в русскоязычной традиции, иногда вызывает путаницу у самих исследователей, руководствующихся значениями этого слова в современном русском лексиконе, ставшим отражением мировосприятия представителем оседлой культуры, и на этой основе пытающихся, автоматически перенося эти представления, предпринимать какие-то изыскания над источниковым материалом.

2.1. В древнерусских летописях термин *орда* употребляется именно в значении местопребывания «царей татарских»⁹, но уже в актовом материале московских князей XIV–XV вв. значение становится более широким, позволяя трактовать его как обозначение некоей этнополитической категории [45, с. 120, прим. 73]¹⁰.

Относительно событий, наступивших после 60-х – 70- гг. XIV в., и далее в древнерусских источниках начинают фигурировать множество «Орд» в значении политических единиц [45, с. 121].

После этого периода употребление слова *орда* приобретает несколько контекстов.

В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (последняя треть XV в.) слово встречается в значениях как ‘стан, кочевье’, так и ‘полчище, войско’, последнее также фигурирует уже в «Задонщине» (конец XIV – начало XV вв.) [39, с. 705–706].

Древнерусский текст ярлыка хана Ахмата московскому великому князю Ивану Васильевичу, несмотря на сомнения некоторых исследователей, видимо, восходит к нескольким подлинным документам последней четверти XV в. [6, с. 174–176], содержит следующие выражения: «Ахматово слово ко Ивану. От четырех конец земли, от двюнадесят Поморий, от седмадесять орд, от Болшия Орды» и далее «Ведомо да есть: кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, а аз на его царстве стал всеми четырьми копыты; и того Бог убил своим копием, дети ж его по Ордам розбежались» [6, с. 198].

«Казанский летописец» (вторая половина XVI в.), где впервые в русскоязычной традиции упоминается и сочетание «Золотая Орда» [5, с. 147], употребляет термин *орда* преимущественно в отношении к городу, но также подразумевая политическое образование как в плане территориальном, так и в плане популяционном [28, стб. 498–499 (указатель)]. Приведем несколько контекстов. Так, по Соловецкому списку, в одном месте говорится: «То бѣ преже земля Болгарецъ Малыхъ за Камою, до великія рѣки Волги и Бѣлыя Волжки, до Великія Орды Нагайскія» [28, стб. 12], в другом: «и приведе съ ним Нагайскихъ Срачинъ и всю Орду Златую» [28, стб. 50]. Наиболее значим здесь пассаж об образовании Казанского ханства: «И начаша збираться ко царю мнози варвары отъ различныхъ странъ, ото Златыя Орды и отъ Асторохани, отъ Азуева, и отъ Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда

⁹ Исследователи неоднократно отмечали, что в русскоязычной среде домонгольского периода слово, скорее всего, отсутствовало. Даже если допустить, что оно бытовало в устной речи, в письменных памятниках оно не зарегистрировано [1, с. 118].

¹⁰ В целом, это согласуется с построениями Г.А. Богатовой, не подкреплявшей свое видение семантической эволюции термина на основе исторического контекста [4, с. 73–74].

Золотая, усилити и укрѣплятися вмѣсто Золоты Орды Казань, новая орда, запустевши Саиновъ юрт, кровію Рускою кипя. Проиде царская слава, и честь, и величество зъ Болшія Орды и старыя матери ордамъ всѣмъ на преокоянную дочь, младую Казань, и паки же возрасте царство, аки древо измершіе отъ зимы, и оживе, аки солнцу огрѣвшу весне. Отъ злаго древа, реку же отъ Златыя Орды, злая, злая вѣтвь произыде, Казань, горки плодъ изнесе, второе зачася отъ другаго царя Ординьского» [28, стб. 19–20] (ср. также в более позднем списке из коллекции В.М. Ундольского (первая половина XVII в.): [28, стб. 220–221]).

Помещенное в датирующемся XVIII в. московском списке Никаноровской летописи (конец XV в.) «Описание Златыя Орды» дает понимание «Златой Орды» как конкретно локализованного города, давно заброшенного к моменту написания источника («в лѣто 6000») [29, с. 162]. В памятниках русского летописания и литературы XVII в. понятие «Золотая Орда» употребляется именно в значении развалин Сарая [4, с. 74–75].

В компилятивной «Скифской истории» Андрея Лызлова термин *орда* употребляется фактически в самом широком спектре значений [19, с. 8, 26, 27, 28, 29, 31, 34, 39, 45, 48, 113, и др.]. Можно отметить некоторые случаи употребления разных значений в одном контексте: «...побил Болшія орды царя Ахмета, еже той же имать быти, и Орду его конечно обладал, и людей в Крымскую Орду преведе») [19, с. 45]. Любопытен следующий эпизод, показывающий различие употребления слова в названии конкретного политического образования и для обозначения некоей формы социально-политической организации: «Мало глаголю, ибо оныя Великия или Золотыя Орды и Казанскаго царства татарове глаголаху: “Егда бяше Золотая орда Ордою и Казань царством, тогда Крым д<e>ревнею их бяше”» [19, с. 113].

По-видимому, к XVIII в. уже оформляется весь основной спектр значений слова *орда*, характерный для русского языка [36, с. 69].

Интересно заметить, что то же значение, что приводится у Афанасия Никитина, перекликается с контекстами у Иосафата Барбаро (XV в.), который употребляет понятие *lordo* в значении ‘народ’ (*lordò, zoè populo*) [2, с. 117, 140, 168, прим. 40], но также ‘земля, кочевье, территория улуса’ [2, с. 122, 146, 172, прим. 65], и в значении ставки хана (*in el lordò*) [2, с. 130, 147, 179, прим. 120]. Их современник Амброджо Контарини использует термин для обозначения конкретной политической общности, связанной с определенной территорией [2, с. 221, 223].

В сочинении Му‘їн ад-Діна Натанзї «Мунтахаб ат-таварїх-ї Му‘їні» (1413 г.) впервые фигурирует термин **اوردا** в качестве политического образования, восходящего к группе племен, подвластных потомкам Орду¹¹, старшего сына Джучи, в названиях *Ак Ордо* и *Кок Ордо* [53, S. 38; 45, с. 65, 119, 121, 141–144; 42, с. 86–94; 43, с. 361–362; 44, с. 91]. Между тем, в «Му‘изз ал-Ансāб» (1426 г.) последнее сочетание, как говорится, обозначает «детей и потомков (*фарзандāн ва урӯғ*)» Орду [11, с. 29; 40, с. 223; 44, с. 95]. Таким образом, синхронные персидские источники фиксируют различные значения. Здесь также для нас важна орфографическая форма – **ordo*.

¹¹ Об имени см.: [62, р. 29–32].

Названные контексты в персидских источниках коррелируют с отмеченным фактом расширения семантики в древнерусских и латинских источниках, по крайней мере, уже к началу XV в. Отсюда выявляется, что семантика термина *ordo* идет по следующим направлениям:

‘ставка правителя с семьей, свитой и всем обслуживающим персоналом’ >

(1) ‘юрта или дворец правителя’;

(2) ‘местопребывание (конкретного) правителя’ >

(2.1) ‘территория, подвластная правителю-обладателю конкретной ставки, и ее население (= улус)’ >

(2.1.1) ‘конкретное этнополитическое образование’;

(2.2) ‘местопребывание правителя, обладающего золотым шатром (= «золотая орда», см. ниже)’ >

(2.2.1) ‘«Золотая Орда» как конкретное поселение-«столица»’;

(3) ‘люди, организованные вокруг отдельной ставки’ >

(3.1) ‘люди, [так или иначе] связанные с конкретной ставкой’ >

(3.1.2) ‘люди, находящиеся в подчинении правителя-обладателя конкретной ставки’ >

(3.1.3) ‘значительное количество народа’¹²;

Начало процесса таких расхождений не просто совпадает со временем ослабления центральной власти в Улусе Джучи, обособления окраинных владений, а затем и смутой 60-х – 70-х гг. XIV в. [10, с. 55–65], а обусловлено этими процессами¹³.

Как заметил Г.А. Федоров-Давыдов, судя как по источникам, так и по лингвистическому материалу, в восточной части Дешт-и Кыпчака, в отличие от западной, термин *орда* (т.е. *ordo*) не получил употребления в значении формы политического образования (т.е. «держава», «улус») [45, с. 140, прим. 192].

2.2. Наиболее ранним упоминанием сочетания *Ак Ордо* считается отрывок из произведения Кутба «Хосрау ва Ширин», написанного между 1340–1342 гг. и посвященного Тыныбеку, сыну хана Узбека. Сочетание употреблено во фразе *āq ōrdō dawlatī* (أق اوردو دولتی) [12, с. 192; 26, с. 139, прим. 23]. Однако, это упоминание в событийном контексте не вызывает однозначной интерпретации [43, с. 363–364; 44, с. 152–155].

Если не касаться этой дискуссии, приходится вернуться к собственно вопросу о цветовой геосимволике у тюркских и монгольских народов. Однако, как верно заметил К.З. Ускенбай [43, с. 372–373; 44, с. 99–101], многие из-

¹² Как в древне-, так и в средне-тюркских памятниках, не зафиксировано значения, связанного с семантикой ‘войско’. Соответственно, вопреки некоторым исследователям, оно не могло ни проникнуть в русскоязычную среду, где преобразовалось бы в ‘беспорядочная большая толпа, скопище, банда’ [25, с. 28, 29], как и, собственно в тюркских языках такого значения не было [3, с. 39–40]. В староосманском языке, где превалирующим стало значение ‘армия’, семантика слова *ordo* (> *ordu*) трансформировалась в том же направлении от исходного, связанного с местопребыванием предводителя и связанной с ним организацией, сформировавшегося под монгольским влиянием [60, s. 87–88].

¹³ Мы, таким образом, не можем согласиться с мнением, согласно которому многозначность слова в русском языке вызвана тем, что оно проникало в русский язык неоднократно и из разных тюркских языков [3, с. 38, 40].

вестные построения на этот счет (см. работы О. Прицака, А. фон Габэн, А.Н. Кононова) не всегда уверенно коррелируют с конкретным историческим контекстом (см., напр.: [41, с. 9–11]).

И.А. Мустакимов недавно привел обширные сведения, показывающие распространение на территории Улуса Джучи впервые зафиксированной в сочинении Утемиш-хаджи «Чингиз намэ» легенды о пожаловании Чингиз-ханом юрт и связанных с ними владений трем внукам: Бату, Орду, Шибану, соответственно, по расцветке распределенных как белая, синяя, серая, но в позднейших источниках претерпевшей контекстуальные изменения [26, с. 130–135]. Часто рассматриваемое исследователями в связи с этим сюжетом понятие *Боз Орда*, по приведенным И.А. Мустакимовым сведениям, в памятниках татарской, казахской и ногайской эпической традиции употребляется как синоним *Ак Орда*, обозначающее ханскую юрту-дворец [26, с. 136, 137]. Мы склонны согласиться с И.А. Мустакимовым, что происхождение легенды связано с периодом возвышения Шибанидов на политической арене, независимо от того, сложилась ли она сама собой и была взята на вооружение династией или стала плодом творения придворных историографов [26, с. 131–133, 134–135, 138, 140–142]. Соответственно, появление здесь маркера *boz*, традиционно использовавшегося в тюркской культуре для окраса животных и обозначающего серый цвет в разных оттенках, со смещением спектра в том числе и к белому, и к голубому [53, S. 335–336; 50, p. 688–689; 35, с. 171–173], могло быть выбрано не случайно. Здесь также важно обратить внимание на форму *orda* с широким неогубленным конечным гласным в источниках (см. 1.2, наблюдения Э.В. Севортяна).

Также И.А. Мустакимов привел дополнительную аргументацию в пользу факта взаимодополняемости в атрибутике шатров белого и золотого цветов во встречающихся в источниках контекстах и, следовательно, факта соответствия понятий *Ак Орда* и *Алтын Орда* в значении золотого, т.е. ханского шатра [26, с. 138–140]. Мы не совсем можем лишь согласиться с пониманием выражения *āq ṛdō dawlatī* у Қутба в значении «Великая Орда», под чем понимается весь Улус Джучи [26, с. 139]. Скорее, здесь, исходя из дословного перевода «государство белой ставки», речь идет, конечно, о политическом образовании, подвластном правителю, являющемуся владельцем «белого» *ordo* – в значении местопребывания, т.е. обладание «белым» *ordo* выступает как атрибут власти. Выше, в связи с другим вопросом, мы также приводили хрестоматийную подборку данных (см. 1.3), позволяющую рассматривать понятие *золотой* как атрибут верховной власти. По-видимому, именно в Улусе Джучи золотой шатер правителя (> хана) стал символом всего политического образования¹⁴.

О семантической эволюции термина *ordo* ~ *orda* речь шла выше, однако, выяснение, почему золотой шатер именуется *белым*, или белый *золотым*, требует специальной работы, как и поиск ответа на вопрос, что здесь близко

¹⁴ Так, согласно Е.И. Кычанову, в китайских источниках Улус Джучи именуется *Цзинь чжан хань* 金帳汗 [16, с. 157] или *Цзинь чжан го* 金帳國 [17, с. 30 сл.], по крайней мере, в «Юань ши» 元史 мы не смогли обнаружить подобных наименований. Если, однако, это так это хорошо коррелирует с имеющимися данными, учитывая, что в древнерусском переводе текста ярлыка Токтамыша Ягайло понятие «Белая Орда» выступает переводом выражения *اولوق اولوس*, т.е. официального названия Улуса Джучи [45, с. 118–119; 26, с. 139].

к реальной характеристике облика шатра, а что – эпитет? Тюркское *aq* ‘белый’ изначально использовалось для обозначения окраса животных [53, S. 84–85; 50, p. 75], в дальнейшем приобретает также значения ‘чистый (прямо и переносно)’, ‘невинный’ и т.д., но в татарском языке есть также значения ‘светлый’ и ‘бледный’ [34, с. 116–117], какие точно так же характерны для монг. *šira* (см. 1.3) и новоперсидского **زرین** [67, p. 616–617]. При этом ни один из них не имеет семантики ‘imperial’.

Что касается *Kök Ordo*, т.е. «Синей Орды» древнерусских текстов, то никакие контексты употребления, ни в персидских источниках, ни ранние упоминания в древнерусских летописях, относящиеся к периоду второй половины XIV в., – где нет четкой локализации, но указания о нахождении где-то далеко на востоке [43, с. 374–375; 44, с. 105–107], – не дают никаких противоречий в соотношении этого понятия с потомками Орду, а все зафиксированные значения укладываются в приведенную нами выше схему о семантике слова *ordo*.

Рашид ад-Дин ясно называет Орду, его потомков и братьев, – Удура, Тока-Темура и Шингкума, – *šahzādegān-i dast-i čap* «царевичами левой руки» [47, p. 61; 70, p. 374, note 3]. Речь здесь должна идти о внутреннем разделении Улуса Джучи, т.е. его левом крыле [42, с. 86, 98]. Локализация ставки Орду между Черным Иртышом и оз. Алакуль подтверждается данными Абӯ’л-Ғāзӣ и Дж. Пьяно Карпини [47, p. 12–13; 40, с. 217].

Специального рассмотрения требует и вопрос, имела или реальную подоплеку легенда о пожаловании Чингиз-ханом своим внукам юрт с атрибутами разного окраса (без «серой», см. выше), или все же разделение на *Ак Ордо* и *Kök Ордо* связано с действующей геосимволикой относительно двух крыл Улуса Джучи [26, с. 139–140, прим. 29]? Однако, утверждение об отсутствии существования представлений о таком разделении *ordo* в Улусе Джучи до середины XIV в. [27, с. 58] представляется слишком категоричным.

Вывод

Основным выводом, следующим из изложенного материала, следует считать выделение двух параллельных путей семантической эволюции термина *ordo* в тюркских и монгольских языках, имевшего исходное значение ‘ставка предводителя / правителя с семьей, свитой и всем обслуживающим персоналом’. В монголоязычной среде, в период, непосредственно предшествующий созданию империи Чингиз-хана, термин, явившийся, по-видимому, тюркским заимствованием, семантика позже, чем в тюркоязычной, но также группируется вокруг значения, связанного именно с местом пребывания правителя, вплоть до сужения к конкретному значению ‘дворец’, что, очевидно, связано с влиянием оседлой культуры. Однако, в традиции оседлых обществ, где термин употреблялся с позиции наблюдателя, а не инсайдера, три его основных семантических компонента – ‘местопребывание какого-либо предводителя’, ‘некая совокупность народа’ и ‘организация’, – неразрывно взаимосвязанные в восприятии представителя кочевнической культуры, получили собственное развитие. Постановка вопроса под таким углом зрения, вероятно, позволяет несколько иначе взглянуть и на дискуссию о соотношении понятий *Золотая Орда*, *Белая Орда* и *Синяя Орда*, исходя из известных контекстов их употребления в различных источниках.

Список использованных сокращений

Вост – восточная сторона

Кб – боковая надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина

МШУ – стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень)

стб. – столбец

стк. – строка

ЫБ – «Ырк битиг» («Гадательная книга»)

Suv – *Suvarṇarabdhāsaṣūtra* или «Алтун йарок» (сутра «Золотой блеск»)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках: сб. ст. / [отв. ред. и авт. предисл. Н.А. Баскаков. М.: Наука, 1974. С. 112–147.
2. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука 1971. 275 с.
3. Благова Г.Ф. Опыт ареального изучения тюркизмов (*орду|орда, сарай, кошк|киоск* в тюркских языках, в русском, украинском) // Советская тюркология. 1975. № 4. С. 37–45.
4. Богатова Г.А. Золотая Орда // Русская речь. 1970. № 1. С. 70–77.
5. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.
6. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
7. Древнетюркский словарь / Под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 714 с.
8. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Вост. лит-ра, 2007. 222 с.
9. Дыбо А.В. Материальный быт ранних тюрков. Жилище // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов / Отв. ред. А.В. Дыбо. М.: Вост. лит., 2008. С. 219–272.
10. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
11. История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. Му‘изз ал-ансāб (Прославляющее генеалогии) / Пер. с перс., предисл., примеч., подг. факсимиле к изд. Ш.Х. Вохидова; сост. указат. У.А. Утепбергеновой; отв. ред. А.К. Муминов. 672 с.
12. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 382 с.
13. Кормушин И.В. Древние тюркские языки: учеб. пособие. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. 336 с.
14. Кушкумбаев А.К. «Болат босағалы Боз орданы Шэйбанғә салды»: «Йуз Орда» или «Боз Орда» в восточных источниках // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / [редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), В.В. Тишин (отв. ред.) и др.]. М.: ООО «Издательский дом «Медина», 2017а. С. 26–53.
15. Кушкумбаев А.К. Термин «Орда» в кочевых империях Центральной Азии (домонгольское время) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 84–91.
16. Кычанов Е.И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Изд-во

С.-Петербург. ун-та, 2000. Вып. XIX / Под ред. Б.Н. Мельниченко, Б.М. Новикова. С. 146–157.

17. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2001. С. 30–42.

18. *Линь Кюн-и, Мункуев Н.Ц.* «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.

19. *Лызлов А.И.* Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова; подг. текста, коммент. и аннотир. список имен А.П. Богданов. М.: Наука, 1990. 519 с.

20. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451, (1) с.

21. Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1. 283 с.

22. Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / Предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1973. Вып. 2. 170 с.

23. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. Арабские и персидские источники. (VI–XV вв.) / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.

24. *Махмūd ал-Қайсарī.* Дүвāн Лүгāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / Пер. с арабск. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М.: Вост. лит-ра РАН, 2010. Т. 1. 461 с.

25. *Митрошкина А.Г.* Термин «Золотая Орда» // Труды Иркутского государственного университета. 1969. Т. 65. Сер.: языкознание. Вып. 4. С. 25–32.

26. *Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о цветообозначениях Орд в Улусе Джучи (термин Боз-Орда в источниках XVI–XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 129–149.

27. *Парунин А.В.* Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: история и культурное наследие: сб. науч. мат-лов / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-print», 2015. С. 51–61.

28. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский Летописец). XVI, 530 с.

29. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур. 2004. Т. XXVII. Изд. 2-е. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. ix, 436 с.

30. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 2. Стб. 969–1914, 66 с.

31. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 2. / Пер. с перс. О.И. Смирновой; примеч. Б.И. Панкратова, О.И. Смирновой; ред. А.А. Семенов. 315 с.

32. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 2. / Пер. с перс. Ю.П. Верховского; примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова; ред. И.П. Петрушевского. 260 с.

33. *Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К.* Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках (к вопросу о семантике терминов) // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 33–42.

34. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

35. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

36. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2007. Вып. 17. Оный – Открутить / Ред. Б.Э. Биржакова, Е.Д. Конопина, З.М. Петрова. 255 с.

37. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.; 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
38. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо]. М.: Наука, 2006. 908 с.
39. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. II. Л – П. 15 с., 1802 стб., 1 с.
40. *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2007. 448 с.
41. *Тишин В.В.* К дискуссии об интерпретации сочетания *kök türk* // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 1. С. 7–27.
42. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука, 1993. 168 с.
43. *Ускенбай К.* Улусы первых Джучидов. Проблема терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда* // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи / Ред. кол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. М.: Вост. лит-ра, 2006. С. 355–382.
44. *Ускенбай К.З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.
45. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
46. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / Критич. текст, пер. с латыни «Истории Таргар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указат. А.Г. Юрченко. М.: Евразия, 2002. 478 с.
47. *Allsen T.* The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the *ulus* of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1985 [1987]. P. 5–40.
48. *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, 1910. Vol. I. With a Map of Middle Asia. XII, 334 p.
49. *Clark L.V.* The Turkic and Mongol Words in William of Rubruck's Journey (1253–1255) // *Journal of the American Oriental Society*. 1973. Vol. 93. No. 2. P. 181–189.
50. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
51. *Codex Cumanicus* / Ed. by G. Kuun; with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by Louis Ligeti. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, 1981. 54, cxxxiv, 395 oldal.
52. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII, 557 S.
53. *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen. V, 671 S.
54. *Gabain A.* (von) Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken // *Der Islam*. 1949. Bd. XXIX. Heft 1, pp. 30–62.
55. Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle; with a new introd. and bibliogr. by D.O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxvii, 763 p.

56. Güner G. Codex Cumanicus'ta Moğolca Alıntı Kelimeler Üzerine Yeni Bir Yaklaşım // Gazi Türkiyat-Türkoloji Araştırmaları Dergisi. 2017. Sayı 20. P. 9–24.

57. *Maḥmūd al-Kāšgarī*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk) / Ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI, 416 p.

58. Menges K.H. [Rev. on] Nicholas Poppe, Jr. : “Studies of Turkic Loan Words in Russian”. Asiatische Forschungen, Bd. 34. 70 pp. Harrassowitz, Wiesbaden, 1971 // Central Asiatic Journal. 1976. Vol. 20. No. 3. P. 222–229.

59. Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1978. Cilt I. Türklerde Köy ve Şehir Hayati. Göktürklerden Osmanlılara. XVI, 496 s.

60. Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. 2. bk. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. Cilt VII. Türklerde ordu, ordugâh, ve otağ: devlet, ordu, ve aile disiplinin temelleri. Hunlardan Osmanlılara. XXIII, 412 s.

61. Pelliot P. [Rev. on] G. I. BRATIANU, Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle, Paris, Geuthner, 1929, in-8, xii + 359 pages, avec 5 pl. et 1 carte // T'oung Pao (Second Series). 1930. Vol. XXVII. No. 2/3. P. 203–211.

62. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de *Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve, 1949. 292 p.

63. Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient: I. En marge de Jean du Plan Carpin. II. Guillaume de Rubrouck. III. Mâr Ya(h)bhallâhâ / texte édité par J. Dauvillier, avec la collaboration de L. Hambis. Paris: Imprimerie nationale, 1973. iv, 307 p.

64. Rachewiltz I., de. [Rev. on] GIOVANNI DI PIAN DE CARPINE, *Storia dei Mongoli*, a cura di P. Daffinà, C. Leonardi, M.C. Lungarotti, E. Menestò, L. Petech, Spoleto, Centro Italiano de Studi sull'Alto Medioevo, 1989, 522 pp. + 20 ill. // Rivista degli studi orientali. 1990. Vol. 64. Fasc. 3/4. P. 420–429.

65. Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv, 841 S.

66. Sinor D. Mongol and Turkic words in the Latin versions of John of Plano Carpini's Journey to the Mongols (1245–1247) // Sinor D. Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe. London: Variorum Reprints, 1977. P. 537–551.

67. Steingass F.J. A comprehensive Persian-English dictionary: including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature: being Johnson and Richardson's Persian, Arabic, and English dictionary. New Delhi: Asian Educational Services, 1992. 1548 p.

68. Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 s.

69. The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Trans. with a historical commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston: E.J. Brill, 2004. Vol. I–II. cxxvii, 2, 1349 p.

70. Vásáry I. The Beginnings of Coinage in the Blue Horde // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2009. Vol. 62(4). P. 371–385.

71. Wittfogel K.A. Fêng Chia-shêng. History of Chinese society: Liao (907–1125) / with the assistance of John De Francis, Esther S. Goldfrank, Lea Kisselgoff, and Karl H. Menges. Philadelphia: The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949. xv, 752 p.

Сведения об авторе: Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7344-0996>. E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 01.03.2019 Принята к публикации 30.05.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Arakin V.D. Tyurkskiye leksicheskiye elementy v pamyatnikakh russkogo yazyka mongolskogo perioda [Turkic Lexical Elements in Russian Language Monuments of Mongol Period]. *Tyurkizmy v vostochnoslavjanskikh yazykakh* [Turkisms in East Slavic Languages]. N.A. Baskakov (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 112–147. (In Russian)
2. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v 15 v.* [Barbaro and Contarini about Russia. On the Italo-Russian Relations in the 15th century]. E.Ch. Skrzhin-skaya (Introd., trans., comment). Leningrad: Nauka Publ., 1971. 275 p. (In Russian)
3. Blagova G.F. Opyt arealnogo izucheniya tyurkizmov (*ordu*||*orda*, *saray*, *koshk*||*kiosk* v tyurkskikh yazykakh, v russkom, ukrainskom) [An Attempt toof Areal Study of Turkisms (*ordu*||*orda*, *saray*, *koshk*||*kiosk* in Turkic Languages, in Russian, in Ukrainian)]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turcology], 1975, no. 4, pp. 37–45. (In Russian)
4. Bogatova G.A. Zolotaya Orda [Golden Horde]. *Russkaya rech* [Russian Speech], 1970, no. 1, pp. 70–77. (In Russian)
5. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus* [The Mongols and Rus]. Tver: LEAN; Moscow: AGRAF, 1997. 480 p. (In Russian)
6. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 214 p. (In Russian)
7. *Drevnetyurkskiy slovar* [Old Turkic Vocabulary]. V.M. Nadelyayev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak (eds.). Leningrad: Nauka Publ., 1969. XXXVIII, 714 p. (In Russian)
8. Dybo A.V. *Lingvicheskiye kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [Linguistic Contacts of Early Turks: A Lexical Fund. Proto-Turkic period]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2007. 222 p. (In Russian)
9. Dybo A.V. Materialnyy byt rannikh tyurok. Zhilishche [Material Life of Early Turks. Dwelling]. *Prirodnoye okruzeniye i materialnaya kultura pratyurkskikh narodov* [The Natural Environment and Material Culture of the Proto-Turkic peoples]. A.V. Dybo (ed.). Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, pp. 219–272. (In Russian)
10. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v 13–14 vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1985, 245 p. (In Russian)
11. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [A History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. 3. Mu‘izz al-ansab (Proslavlyayushcheye genealogii) [Mu‘izz al-Ansab (Praising Genealogies)]. Sh.Kh. Vokhidov (trans., comment.), U.A. Utebergenova (Index), A.K. Muminov (ed.). Almaty: Dayk-Press, 2006. 672 p. (In Russian)
12. Klyashtorni S.G., Sultanov T. I. *Kazakhstan: letopis trekh tysyacheletiy* [Kazakhstan: A Chronicle of Three Thousand Years]. Alma-Ata: Rauan, 1992. 382 p. (In Russian)
13. Kormushin I.V. *Drevniye tyurkskiye yazyki: ucheb. posobiye* [Old Turkic Languages: A Syllabus]. Abakan: Khakasskiy gosudarstvennyy universitet im. N.F. Katanova, 2004, 336 p. (In Russian)
14. Kushkumbayev A.K. “Bolot bosaghaly Boz ordany Shäybanghä saldy”: “Yuz Orda” ili “Boz Orda” v vostochnykh istochnikakh [“Bolot bosaghaly Boz ordany

Shäybanghä saldy”: “Yuz Orda” or “Boz Orda” in Oriental Sources]. *13 Faizkhanovskiye chteniya. Naslediye Zolotoy Ordyy v gosudarstvennosti i kulturnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg. 4–6 maya 2016 g.* [13th Faizkhanov Readings: Proceedings of International Scientific-Practical Conference, St. Petersburg, May 4–6, 2016]. D.V. Mukhetdinov (introd.). V.V. Tishin (ed.). Moscow: Medina, 2017, pp. 26–53. (In Russian)

15. Kushkumbayev A.K. Termin “Orda” v kochevykh imperiyakh Tsentralnoy Azii (domongolskoye vremya) [A Term “Orda” in Nomadic Empires of Central Asia]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*, 2017, no 10, pp. 84–91. (In Russian)

16. Kychanov E.I. “Istoriya dinastii Yuan” (“Yuan shi”) o Zolotoy Orde [“History of Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”) on the Golden Horde]. *Istoriografiya i istochnikovedeniye istorii stran Azii i Afriki* [A Historiography and Study of Sources of Countries of Asia and Africa]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2000. Vol. 19. B.N. Melnichenko, B.M. Novikova (eds.), pp. 146–157. (In Russian)

17. Kychanov E.I. Svedeniya iz “Istorii dinastii Yuan” (“Yuan shi”) o Zolotoy Orde [A Data of the “History of Yuan Dynasty” (“Yuan Shi”)]. *Istochnikovedeniye istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [A Study of Sources on the History of the Jochid Ulus (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. M.A. Usmanov (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2001, pp. 30–42. (In Russian)

18. Lin Kung-yi. Munkuyev N.Ts. “Kratkiye svedeniya o chernykh tatarakh” Pen Da-ya i Syuy Tina [“A Brief Report on the Black Tatars” by Peng Da-Ya and Xu Ting]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 1960, no 5, pp. 133–158. (In Russian)

19. Lyzlov A.I. *Skifskaya istoriya* [A Scythian History]. E.V. Chistyakova (ed.), A.P. Bogdanov (comment., index). Moscow: Nauka Publ., 1990. 519 p. (In Russian)

20. Malov S.E. *Pamyatniki drevnyurkskoy pismennosti. Teksty i issledovaniya* [Monuments of Old Turkic Writing. Texts and Analysis]. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1951. 451. (1) p. (In Russian)

21. *Materialy po istorii syunnu (po materialam kitayskikh istochnikov)* [Materials on the History of Xiongnu (Based on Chinese Sources)]. V.S. Taskin (introd., trans., notes). Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1968. 283 p. (In Russian)

22. *Materialy po istorii syunnu (po materialam kitayskikh istochnikov)* [Materials on the History of Xiongnu (Based on Chinese Sources)]. V.S. Taskin (introd., trans., notes). Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1973. 170 p. (In Russian)

23. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the History of the Turkmen and Turkmenia]. Vol. 1. *Arabskiye i persidskiye istochniki. (6–15 vv.)* [Arabic and Persian Sources (6th–15th centuries)]. S.L. Volin, A.A. Romaskevich (eds.). Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1939. 612 p. (In Russian)

24. Maḥmūd al-Kāšgharī. *Dīwān Luḡāt at-Turk (Svod tyurkskikh slov)* [Dīwān Luḡāt al-Turk (A Compendium of Turkic Words)]. A.R. Rustamov (trans.), I.V. Kormushin (ed.). Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. 2010. 461 p. (In Russian)

25. Mitroshkina A.G. Termin “Zolotaya Orda” [A Term “Golden Horde”]. *Trudy Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Irkutsk State University], 1969, vol. 65, Linguistical Series, no 4, pp. 25–32. (In Russian)

26. Mustakimov I.A. Esche raz k voprosu o tsvetooboznacheniyakh Ord v Uluse Dzhuchi (termin Boz-Orda v istochnikakh 16–19 vv.) [Once Again to the Question of the Hordes’ Color Terms in the Ulus of Jochi (The Boz Horde Term in the Sources of the 16th–19th Centuries)]. *Zolotoordynskoye obozreniye=Golden Horde Review*, 2015, no 2, pp. 129–149. (In Russian)

27. Parunin A.V. Svedeniya ob Ak-Orde i Kok-Orde v svete ustnoy istoricheskoy traditsii [An Information on Ak Orda and Kok Orda in the Light of Oral Tradition]. *Zolotaya Orda: istoriya i kulturnoye naslediye: sbornik nauchnykh materialov* [The Golden Horde: A History and Cultural Heritage]. A.K. Kushkumbayev (ed.). Astana: IP “BG-print”, 2015, pp. 51–61. (In Russian)

28. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 19. *Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy Letopisets)* [A History of the Kazan Kingdom (Kazan Chronicler)]. St. Petersburg: Tipography of I.N. Skorokhodov, 1903. XVI. 530 p. (In Russian)

29. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 27. 2nd ed. *Nikanorovskaya letopis. Sokrashchennyye letopisnyye svody kontsa 15 v.* [Nicanor Chronicle. Abridged Chronicles of the end of the 15th century]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004. ix, 436 p. (In Russian)

30. Radloff W. *Opyt slovarya tyurkskikh narechiy* [A Tentative Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 1. *Glasnyye* [Vowels]. Pt. 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1893. Lines 969–1914, 66 p. (In Russian)

31. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [A Compendium of Chronicles]. Vol. 1. Book 2. O.I. Smirnov (trans.). Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1952. 315 p. (In Russian)

32. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [A Compendium of Chronicles]. Vol. 2. Yu.P. Verkhovskiy (trans.). Moscow; Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1960. 260 p. (In Russian)

33. Sabitov Zh.M., Kushkumbayev A.K. Terminy Ak-Orda i Kok-Orda v pismennykh i ustnykh istochnikakh (k voprosu o semantike terminov) [Terms Ak Orda and Kok Orda in Written and Oral Sources (on the Problem of Semantics of Terms)]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan], 2015, no 3, pp. 33–42. (In Russian)

34. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnyye)* [An Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common-Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with Vowels)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 767 p. (In Russian)

35. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na bukvu “B”* [An Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common-Turkic and Inter-Turkic Stems Starting with the Letter “B”)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 349 p. (In Russian)

36. *Slovar russkogo yazyka 18 veka* [A Dictionary of the Russian Language of the 18th century]. Vol. 17. *Onyy–Otkrutit*. B.E. Birzhakova, E.D. Konoplina, Z.M. Petrova (eds.). St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 255 p. (In Russian)

37. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon]. E.R. Tenishev (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1997, 800 p. (2nd ed., expand. Moscow: Nauka Publ., 2001. 822 p.) (In Russian)

38. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic Period]. E.R. Tenishev. A.V. Dybo (eds.). Moscow: Nauka Publ., 2006. 908 p. (In Russian)

39. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam* [Materials for the Old Russian Dictionary based on Written Monuments]. Vol. 2. *L–P*. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1902. 15 p., 1802 lines, 1 p. (In Russian)

40. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sudba i vlast* [Chinggis Khan and the Chinggisids. Fate and Power]. Moscow: AST, 2007. 448 p. (In Russian)

41. Tishin V.V. K diskussii ob interpretatsii sochetaniya *kök türk* [To the Discussion over the Understanding the Combination *kök türk*]. *Tyurkologicheskiye issledovaniya* [Turkological Studies], 2018, Vol. 1, no 1, pp. 7–27. (In Russian)

42. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongolskoy imperii 13 v.: Problema istoricheskoy preymstvennosti* [The State System of the Mongol Empire in the 13th century: A Problem of the Historical Continuity]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 168 p. (In Russian)

43. Uskenbay Q. *Ulusy pervykh Dzhuchidov. Problema terminov Ak-Orda i Kok-Orda* [Uluses of the First Jochids. A Problem of Terms Ak Orda and Kok Orda]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2005. Tyurkskiye narody Rossii i Velikoy stepi* [Turkological Collection. 2005. Turkic Peoples of Russia and the Great Steppe]. S.G. Klyashtornyy, T.I. Sultanov, V.V. Trepavlov (eds.). Moscow: Vostochnaya literatura, 2006, pp. 355–382. (In Russian)

44. Uskenbay Q.Z. *Vostochnyy Dasht-i Kypchak v 13 – nachale 15 veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Desht-i Kipchak in the 13th – early 15th centuries. Problems of Ethnopolitical History of the Jochid Ulus]. Kazan: Fen Publ., 2013. 288 p. (In Russian)

45. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [Social Organization of the Golden Horde]. Moscow: Moscow State University Publ., 1973. 180 p. (In Russian)

46. *Khristianskiy mir i “Velikaya Mongolskaya imperiya”*. *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and the “Great Mongol Empire”. Materials of Franciscan Mission of 1245]. S.V. Aksenov, A.G. Yurchenko (trans.). Moscow: Evraziya, 2002. 478 p. (In Russian)

47. Allsen T. The Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the *ulus* of Orda in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 1985 [1987], pp. 5–40.

48. Bretschneider E. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*. Vol. I. With a Map of Middle Asia. London: Kegan Paul, Trench, Tröubner & Co, 1910. XII, 334 p.

49. Clark L.V. The Turkic and Mongol Words in William of Rubruck’s Journey (1253–1255). *Journal of the American Oriental Society*, 1973, vol. 93, no. 2, pp. 181–189.

50. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.

51. *Codex Cumanicus*. G. Kuun (ed.). Budapest: Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, 1981. 54, cxxxiv, 395 p. (In Latin)

52. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Vol. 1. *Mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963. XLVIII, 557 p. (In German)

53. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Vol. 2. *Türkische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. V, 671 p. (In German)

54. Gabain A. (von). *Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken*. *Der Islam*, 1949, vol. 29, pt. 1, pp. 30–62. (In German)

55. *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini*. J.A. Boyle (trans.), D.O. Morgan (introd.). Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxvii, 763 p.

56. Güner G. *Codex Cumanicus’ta Moğolca Alıntı Kelimeler Üzerine Yeni Bir Yaklaşım*. *Gazi Türkiyat-Türkoloji Araştırmaları Dergisi*, 2017, vol. 20, pp. 9–24. (In Turkish)

57. Maḥmūd al-Kāšḡarī. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)*. Pt. I. R. Dankoff, J. Kelly (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. XI, 416 p.

58. Menges K.H. [Rev.] Nicholas Poppe, Jr. : “Studies of Turkic Loan Words in Russian”. *Asiatische Forschungen*, Bd. 34. 70 pp. Harrassowitz, Wiesbaden, 1971. *Central Asiatic Journal*, 1976, vol. 20, no. 3, pp. 222–229.

59. Ögel B. *Türk Kültür Tarihine Giriş*. Vol. 1. *Türklerde Köy ve Şehir Hayati. Göktürklerden Osmanlılara*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1978. XVI, 496 p. (In Turkish)

60. Ögel B. *Türk Kültür Tarihine Giriş*. Vol. 7. *Türklerde ordu, ordugâh, ve otağ: devlet, ordu, ve aile disiplininin temelleri. Hunlardan Osmanlılara*. XXIII, 2. bk. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. 412 p. (In Turkish)

61. Pelliot P. [Rev. on] G. I. BRATIANU, Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle, Paris, Geuthner, 1929, in-8, xii + 359 pages, avec 5 pl. et 1 carte. *T'oung Pao (Second Series)*, 1930, vol. 27, no. 2/3, pp. 203–211. (In French)

62. Pelliot P. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)*. Paris : Adrien-Maisonneuve, 1949. 292 p. (In French)

63. Pelliot P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient: I. En marge de Jean du Plan Carpin. II. Guillaume de Rubrouck. III. Mâr Ya(h)bhallâhâ*. J. Dauvillier, L. Hambis (eds.). Paris: Imprimerie nationale, 1973. iv, 307 p. (In French)

64. Rachewiltz I. de. [Rev. on] GIOVANNI DI PIAN DE CARPINE, *Storia dei Mongoli*, a cura di P. Daffinà, C. Leonardi, M.C. Lungarotti, E. Menestò, L. Petech, Spoleto, Centro Italiano de Studi sull'Alto Medioevo, 1989, 522 pp. + 20 ill. *Rivista degli studi orientali*, 1990, vol. 64, fasc. 3/4, pp. 420–429.

65. Rybatzki V. *Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung*. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. xxxv, 841 p. (In German)

66. Sinor D. Mongol and Turkic words in the Latin versions of John of Plano Carpini's Journey to the Mongols (1245–1247). Sinor D. *Inner Asia and its Contacts with Medieval Europe*. London: Variorum Reprints, 1977, pp. 537–551.

67. Steingass F.J. *A comprehensive Persian-English dictionary: including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature: being Johnson and Richardson's Persian, Arabic, and English dictionary*. New Delhi: Asian Educational Services, 1992. 1548 p.

68. Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi*. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 p. (In Turkish)

69. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*, I. de Rachewiltz (trans., comment.). Vol. I–II. Leiden: Boston: E.J. Brill, 2004. cxxvii, 2, 1349 p.

70. Vásáry I. The Beginnings of Coinage in the Blue Horde. *Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2009, vol. 62(4), pp. 371–385.

71. Wittfogel K.A., Fêng Chia-shêng. *History of Chinese society: Liao (907–1125)*, with the assistance of John De Francis, Esther S. Goldfrank, Lea Kisselgoff, and Karl H. Menges. Philadelphia, The American Philosophical Association; distributed by the Macmillan Company, 1949. xv, 752 p.

About the author: Vladimir V. Tishin – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7344-0996>. E-mail: tihij-511@mail.ru

**ПИСЬМО КРЫМСКОГО ХАНА МЕНГЛИ ГИРЕЯ
ГЕНУЭЗСКИМ ЭМИССАРАМ БАРТОЛОМЕО КАМПОФРЕГОЗО
И ЛОДИЗИО ФЬЕСКИ ОТ 30 ДЕКАБРЯ 1481 ГОДА**

В.П. Гулевич ¹, А.В. Джанов ²

¹ *Аппарат Верховной Рады Украины*

Киев, Украина

gulevych_v@ukr.net

² *Национальный заповедник «София Киевская»*

Киев, Украина

alexanderdzhhanov@gmail.com

Цель: ввести в научный оборот русский перевод письма Менгли Гирея к генуэзским эмиссарам.

Материалы исследования: письмо хана Менгли Гирея от 30 декабря 1481 г., единственный известный на сегодня источник на греческом языке, созданный в канцелярии крымского правителя XV в.

Результаты и научная новизна: в настоящей статье исследуется греческий текст и латинский перевод послания крымского Менгли Гирея к генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески, специально направленных из Генуи в Крым с целью побудить крымского хана поднять восстание против османского владычества, их русские переводы и предисловие с объяснением контекста событий. На обстоятельства миссии генуэзцев исследователи обращали внимание неоднократно, но использование письма отечественными историками до сих пор было затруднено, в первую очередь, из-за довольно сложного греческого текста. Перевод обоих текстов на русский язык выполнен впервые. Послание Менгли Гирея не несет каких-либо сенсационных известий, но уточняет отдельные весьма важные детали генуэзского посольства, ситуацию в Крыму, сложившуюся на конец 1481 г., и помогает более глубоко понять историю Крымского ханства в первые годы османского правления на полуострове.

Ключевые слова: Менгли Гирей, Крымское ханство, Османская империя, Генуя, генуэзские колонии Крыма, османское завоевание Северного Причерноморья, итальянские источники

Благодарности: Авторы статьи искренне благодарят Евгения Константиновича Чернухина за перевод греческого текста письма и комментарии к нему.

Для цитирования: Гулевич В.П., Джанов А.В. Письмо крымского хана Менгли Гирея генуэзским эмиссарам Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески от 30 декабря 1481 года // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 318–332. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.318-332

**A LETTER OF THE CRIMEAN KHAN MENGLI GIRAY
TO THE GENOESE EMISSARIES BARTOLOMEO CAMPOFREGOSO
AND LODIZIO FIESCHI OF DECEMBER 30, 1481**

V.P. Gulevich¹, A.V. Dzhanov²

*¹ Verkhovna Rada of Ukraine
Kyiv, Ukraine
gulevych_v@ukr.net*

*² National Conservation Area "St. Sophia of Kyiv"
Kyiv, Ukraine
alexanderdzhanov@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To introduce into academic use a Russian translation of the Greek text of Mengli Giray's letter to Genoese emissaries.

Materials: The letter of Khan Mengli Giray dated to December 30, 1481 that is the only known source in Greek created in the office of the fifteenth-century Crimean ruler.

Results and novelty of the research: This article contains the Greek text and the Latin translation of the message of the Crimean Khan, Mengli Giray, to the Genoese emissaries, Bartolomeo Campofregoso and Lodizio Fieschi. These latter individuals were specially sent from Genoa to the Crimea in order to induce the Crimean Khan to raise a rebellion against Ottoman rule. The present work contains as well the correspondence's Russian translations and a preface explaining the context of the events. Often researchers have paid attention to the circumstances of the mission of the Genoese, but the use of the letter by Russian historians has so far been difficult, foremostly because of the rather complex Greek text. The translation of both texts into Russian is done for the first time. Mengli Giray's message does not contain any sensational news but it clarifies some very important details of the Genoese embassy, the situation in the Crimea at the end of 1481, and helps us to better understand the history of the Crimean Khanate in the early years of Ottoman rule in the peninsula.

Keywords: Mengli Giray, Crimean Khanate, Ottoman Empire, Genoa, Genoese colonies of Crimea, Ottoman conquest of the Northern Black Sea region, Italian sources

Acknowledgements: The authors of the article sincerely thank Evgeny Konstantinovich Chernukhin for translating the Greek text of the letter and commenting it.

For citation: Gulevich V.P., Dzhanov A.V. A Letter of the Crimean Khan Mengli Giray to the Genoese Emissaries Bartolomeo Campofregoso and Lodizio Fieschi of December 30, 1481. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 318–332. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.318-332

Потеряв летом 1475 г. Каффу и все остальные свои колонии в Крыму, Генуя не сразу смирилась с этим фактом. Возможность побороться за их возвращение выпала республике св. Георгия через шесть лет после того.

3 мая 1481 г. умер завоеватель Константинополя и Каффы османский султан Мехмед II Фатих – гроза христианского мира. 29 мая весть о его смерти достигла Венеции, а 2 июня о ней узнали в Риме [18, р. 53; 14, р. 102]. В дрожащей от страха перед турками Италии это известие вызвало необычайный душевный подъем, поскольку кончину османского правителя там восприняли как избавление от опасности для всего христианства. Папа Сикст IV, пользуясь вспыхнувшей борьбой за власть между сыновьями Мехмеда II [15, р. 21–27], даже начал подумывать об организации антиосманской коалиции

[23, s. 184]. Не осталась в стороне и Генуя, для которой потеря крымских колоний и прежде всего Каффы летом 1475 г. стала серьезной проблемой (в основном финансовой). Поэтому 5 июня 1481 г. в Рим отправился генуэзский посол Бартоломео Сенарега. Согласно полученной инструкции, он должен был убедить понтифика в том, чтобы папский флот совместно с генуэзским отправился в Мителену, Перу и Каффу [17, № 13, p. 353–356]. К этому времени христианский флот уже освободил итальянский г. Отранто, захваченный османами в предыдущем году, а сами османы были деморализованы смертью своего правителя [17, № 22, p. 369–373]. Уверенности в успехе предполагавшихся антиосманских мероприятий протекторам банка св. Георгия добавило сообщение доктора права из Мантуи Джованни Франческо, графа ди Гаццольдо, от 12 июня о том, что крымский хан готов отдать не только Каффу, но и другие города под власть христиан [17, № 20, p. 365–367].

В самом Крыму, по всей видимости, у местного населения были если не аналогичные, то подобные генуэзским реваншистские настроения. Ди Гаццольдо в своем сообщении ссылался на письмо бывшего жителя Крыма Андреолло ди Гуаско, семейство которого хорошо известно нам по тяжбе с консулом Солдайи и администрацией Каффы накануне падения генуэзских колоний [11, с. 9–16; 12, с. 92–104]. Братья ди Гуаско еще во время своего пребывания в Крыму поддерживали дружеские отношения с татарской элитой (*sunt vincit amicitia cum dominis tartarorum*) [27, № 1138, p. 229]. После захвата Каффы члены семейства рассеялись по разным землям. Один из них – Антонио – по морю бежал в Грузию, а оттуда – в Персию, где его и встретил Иосафат Барбаро [6, § 47, с. 155]. Другой – Андреолло – оказался во владениях Казимира IV Ягайловича [19, № 1661, p. 85, № 1982, p. 103, № 2035, p. 106; 22, s. 85–86]. Свое письмо к ди Гаццольдо он написал в Вильно еще 6 декабря 1480 г. В нем, по словам ди Гаццольдо, он заявил, что якобы от посла Менгли Гирея узнал о том, что хан вместе «со всеми своими баронами» (*cum omnibus suis baronibus*) уверяет о своей готовности вернуть Каффу, Солдайю и всю Готию в руки христиан. В случае отказа хан просил Банк передать его предложение любой заинтересованной стороне: Папе Римскому, Венеции, венгерскому королю или миланскому герцогу [17, p. 331. № 20, p. 367].

Упомянутое сообщение хана для Андреолло ди Гуаско в литовскую столицу, по всей видимости, привез ханский посланник Хаджи Баба, отправленный из Крыма с посольством еще весной 1480 г. [9, № 28, стб. 329; 1, с. 41]. Других крымских послов до осени 1480 г. в Литве не было. Это свидетельствует о том, что антиосманские планы Менгли Гирея существовали, по всей видимости, едва ли не с самого начала его второго правления, начавшегося в конце 1478 г. с позволения Мехмеда II. Первое время хан был занят укреплением своей власти и не мог помышлять о выступлении против османов, во-первых, ввиду постоянной угрозы от Большой Орды, а во-вторых – не имея для этого надежных союзников. Обстоятельства изменились в 1481 г. В январе был убит заклятый враг Менгли Гирея хан Ахмат, после чего Большая Орда на какое-то время погрузилась в хаос. Со смертью султана Мехмеда II в мае того же года Османская империя также вступила в период междоусобной войны. Эти-то обстоятельства и подвигли крымского хана к реализации идеи освобождения Крыма от железной хватки османской власти.

В июне или июле 1481 г. Менгли Гирей прислал к киевскому воеводе Ивану Ходкевичу гонца с сообщением о смерти Мехмеда II. В ожидании ответа Казимира IV на это известие, хан через воеводу просил короля не отлучаться из Вильно. Для него это было весьма важно, поскольку тем самым «нашимъ добримъ деломъ добро бы было». В чем именно заключалось это, по мнению хана, общее «доброе дело», на наш взгляд, раскрывает лаконичное сообщение, которое намекает на антиосманские планы Менгли Гирея, актуализированные в связи со смертью грозного султана: «А еще через [смерть султана] Магьмета [II Фатиха] словомъ есмо усказали говорити [королю]» [9, № 26.I, стб. 327]¹.

Тем временем в Генуе ухватились за возможность поднять в Каффе антиосманский мятеж. Способствовал этому и сам Андреолло ди Гуаско, прибывший в Венецию по поручению Казимира IV, где 20 июня написал властям Генуи письмо о желании жителей Каффы освободиться от османской власти [17, № 27, р. 380–381]. Уже 5 июля 1481 г. сухопутным маршрутом через Польшу в Крым были направлены генуэзские эмиссары Бартоломео Кампофрегозо и Лодизио Фьески [17, № 41, р. 405–406]. Нужно учесть, что семейство Фьески на протяжении почти ста лет и до 1475 г. включительно было тесно связано с Крымом, а сам Лодизио много лет жил в Каффе, где занимал различные административные должности [7, № 274, с. 70–71; 8, с. 140–141; 5].

7 июля Кампофрегозо и Фьески отправились в дорогу. Под видом купцов они планировали доехать до Манкермана (Киев)² и там найти надежных проводников до резиденции крымского хана. Встретившись с Менгли Гиреем, они должны были убедить его в том, что несколько военных галер уже отправлены ему на помощь, и на протяжении пятнадцати дней выйдут еще четыре или пять. После того, как хан присягнет им, один из них должен был остаться в Крыму, а второй – ехать к польскому королю, дабы просить его дать безопасный проход через свои земли пешим генуэзским войскам и предоставить право вербовать военных наемников в его владениях [17, р. 334–335. № 45, р. 409–416].

30 августа Кампофрегозо и Фьески добрались до границы западных границ Руси. В своем донесении в Венецию они сообщали, что рассчитывают прибыть в Киев 12 сентября [17, № 99, р. 471]. Добраться до города они смогли лишь к 22 сентября. Но там неназванный по имени «сеньор города», по всей видимости, киевский воевода Иван Ходкевич, засомневался в том, что они действительно были купцами, задержал их и хотел было отправить обоих к Казимиру IV, безвыездно жившему в Литве весь 1481 г. [24, s. 294–297]. Фьески и Кампофрегозо отказались, поскольку имели четкие указания сначала ехать к Менгли Гирею. Но потом было найдено компромиссное решение: первый должен был поехать в Литву, а второй – остаться дожидаться его в Киеве, что и было сделано.

На уступчивость генуэзских эмиссаров, видимо, повлияло то, что незадолго до этого через Киев в Литву проследовали три посла Менгли Гирея, отправленные из Крыма к Казимиру IV не ранее 1 августа [9, № 26, стб. 327], что позволило бы им расспросить их о состоянии дел на полуострове. Уж коль обстоятельства сложились так, что невозможно было продолжить путь в Крым без позволе-

¹ Запись в Литовской Метрике датируется субботой 28 июля 1481 г. [1, с. 11].

² Манкерман – тюркское название Киева [2, с. 295–297].

ния на то Казимира IV, то Кампофрегозо и Фьески нужно было хотя бы воспользоваться случаем присутствия при королевской особе крымского посла. А тем временем в Крым тайно выехал слуга Кампофрегозо, который должен был поведать хану о непредвиденных обстоятельствах на пути у эмиссаров.

За время отсутствия Фьески Кампофрегозо собрал информацию о ситуации в Крыму вообще и Каффе в частности. Оказалось, что в городе пребывало всего 300 или 400 турок и 6–7 тысяч христиан, которые были благосклонно настроены по отношению к бывшим хозяевам города – генуэзцам. Какими силами османы располагали в Крыму в последней четверти XV в., нам неизвестно, но в первой половине XVI в. гарнизон Каффы имел всего 131 воина и 104 азеба³, Тамани – соответственно 68 и 61, Азова – 196 и 111, Темрюка – 76 и 73, других – 153 и 30 [26, Tableau I, p. 398–399]. Так что собранные слугой Кампофрегозо сведения об османах в Каффе вполне могли соответствовать реальным цифрам. Дополнительную надежду давала непосредственная заинтересованность молдавского воеводы Стефана, который также готовился к борьбе с османами и тоже надеялся на военную помощь Казимира IV [17, p. 341. № 113, p. 482–484].

Протекторы банка св. Георгия, выждав почему-то до 10 сентября, отправили Казимиру IV письма, в которых, не вдаваясь в детали, сообщили о своих эмиссарах [17, № 105–106, p. 475–477]. В свою очередь, король, по всей видимости, даже еще не получив генуэзское послание, не только любезно принял Фьески, но обнадежил его своим благосклонным отношением относительно конечной цели его миссии. К сожалению, поездка Лодизио Фьески в Вильно затянулась [17, № 117, p. 486–488]. По состоянию на 29 ноября 1481 г. он еще не вернулся в Киев.

В самом конце 1481 года Менгли Гирей отправил генуэзским эмиссарам письмо, текст и переводы которого мы публикуем. В нем хан прозрачно намекает, что приветствует планы восстановления генуэзской власти над Кафрой. Кроме того, он сообщает, что изгнал карачи-бей Эминек Ширина с его должности и ожидает послов для обсуждения дальнейших действий.

Тем временем ситуация в Крыму уже вполне содействовала планам хана изгнать османов. Московские источники чуть более позднего времени подтверждают, что между Менгли Гиреем и карачи-беем Эминек Шириним разгорелся очередной конфликт. В посольской инструкции Юрию Ивановичу Кутузову по прозвищу Шестак от марта 1482 г. бей Эминек не упоминается, хотя ранее московский правитель Иван III поддерживал с ним тесную связь через своих посланников. Вместо Эминек послу было предписано обратиться к его брату Хаджике (Азике) [10, № 7, с. 31]. А в мае того же года очередному московскому послу Михаилу Кутузову инструкция рекомендовала выдвинуть контраргументы в случае отказа Менгли Гирея разорвать мир с Казимиром IV, который хан мог выразить словами: «Как ми нынеча на короля рать свою посылати? Именекъ отъ меня выбежалъ къ недругомъ моимъ, да наводитъ на меня недруговъ; а люди у меня в розни» [10, № 8, с. 33]. То есть, информацию о том, что Эминек из Крыма «выбежал», должны были получить в Москве из донесения не ранее, чем состоялась миссия Шестака, а сам

³ Азебы (азапы) – легкая пехота и иррегулярные вспомогательные части в османском войске.

факт «побега», судя по нижеприведенному письму, имел место быть еще в 1481 году. Размолвка хана с главой рода Ширин (и не только с ним), по всей видимости, началась еще в 1480 г. Так, в апреле 1481 г. московский посол Тимофей Скрыба от имени Ивана III уверял Довтелека Ширина, что в случае опасности он со всеми верными ему людьми сможет найти убежище в Великом княжестве Московском [10, № 6, с. 28].

После сопоставления всех этих источников становится ясным контекст конфликта Менгли Гирея с Эминеком Ширином: получив через слугу Кампофрегозо сообщение от генуэзских эмиссаров, хан, в надежде на скорое их прибытие в Крым в преддверии реализации антиосманских планов, сместил первого карачи-бея, и тот в очередной раз вынужден был бежать с полуострова. Это свидетельствует о том, что к осени 1481 г. хан овладел ситуацией в ханстве настолько, что не боялся даже прямого разрыва с ранее всемогущим беем, который, кстати, лишь для того и хлопотал перед султаном Мехмедом II о возвращении Менгли Гирея, чтобы занять при нем главенствующее положение и сделать крымского правителя вновь зависимым от себя. Даже в случае, если бы антиосманские планы не вступили в стадию их реализации, это грозило хану прямым конфликтом с Османской империей и возможным последующим низложением. Недаром весной 1482 г. посол Ю. Шестак должен был доподлинно по дороге в Крым убедиться, что Менгли Гирей все еще удерживает власть, а в случае, если «царь переменялся» – вернуться [10, № 7, с. 31]. А генуэзский дипломат Винченцо ди Доминико, посетивший Кырк-Йер летом 1483 г., писал, что османы «прикладывали большие усилия, чтобы под видом добрых отношений, если возможно, лично его (Менгли Гирея) схватить или скинуть с трона и обречь на изгнание» [28, S. 340–341].

Смещение Эминека было абсолютно необходимым условием для реализации антиосманских планов. Пока карачи-бей находился в Крыму и влиял на принятие ханом решений, Менгли Гирей не смог бы начать восстание. Он вполне прозрачно дает об этом понять эмиссарам, напомнив им о роли Эминека в захвате османами Каффы⁴. Фьески, как бывший житель Каффы знавший ситуацию изнутри, не нуждался в детальных разъяснениях и должен был все понять с полуслова. По всей видимости, именно задержка эмиссаров подтолкнула Менгли Гирея к рискованному шагу написать им письмо с призывом поспешить с приездом, поскольку благоприятное для восстания время – зима, когда навигация в Черном море была затруднена, и османы не смогли бы оперативно перебросить в Крым свои силы, – безвозвратно уходит.

Куда именно «выбежал» Эминек, источники умалчивают. Большая Орда в это время еще не оправилась от разорения ногайцами и убийства хана Ахмата. Сыновья убитого хана вместе с беклярибеком Тимуром нашли убежище в том же Крыму, а один из них – Муртаза с позволения султана ушел кочевать в Буджак [21, р. 63; 16, s. 394]. Поэтому возможно, что карачи-бей подался к османам.

Но Кампофрегозо и Фьески не могли прибыть в Крым открыто в качестве генуэзских посланцев, не вызвав тем самым подозрений у османской администрации. Поэтому Менгли Гирей предложил эмиссарам прийти в Крым в составе и под прикрытием посольства Казимира IV.

Текст письма Менгли Гирея изначально был, вероятно, написан на татарском языке. С него и был сделан дошедший до нас перевод на греческий язык.

⁴ См. разбор ситуации с захватом Каффы османами летом 1475 г. в [3, с. 278–290].

По мнению старшего научного сотрудника Института истории Украины, кандидата филологических наук Е.К. Чернухина, письмо написано «фонетически» со множеством отклонений от классического правописания и с нарушением синтаксических связей. Часть из них связана с тем, что писавший не знал ни книжного, ни разговорного греческого языка в его балканско-константинопольском варианте, а пользовался одним из восточных диалектов. В данной публикации сохранена орфография письма по публикации Франциска Миклошича и Иосифа Мюллера [13, № 10, р. 292–293]. Вместе с тем, во всех случаях значительных отклонений от общепринятой орфографии в подстрочных примечаниях приведены вероятные правильные формы слов, не всегда понятных современному читателю. Часть из них указывает на диалектные особенности языка переводчика, часть отражает его «безграмотность» или народное восприятие сложных (книжных) слов. Слова, фонетически «правильные» и потому понятные, как правило, не комментируются. Сам диалект на основе данного текста не идентифицируется, поскольку переводчик старался писать на общегреческом «койнэ». Очень вероятно, что большинство отклонений в языке текста связано с местными крымскотатарскими диалектами.

В поддержку этого мнения свидетельствует и употребление такого специфического тюрко-монгольского термина как «*κωρελιτὸν*». Слово «*Korel*», довольно распространенное в письменных памятниках восточного происхождения, обозначало украинские земли, преимущественно Галичину и Волынь [4, с. 715–726; 25, с. 164–166]. В данном случае «*корелит*» употреблено в качестве обозначения королевских послов, что следует из аналогичного места в латинском переводе письма – «*regio oratore / Regis oratoribus*». Отдельные ошибочные написания слов можно отнести как к не очень высокой квалификации переводчика на греческий, так и возможным ошибкам при транскрибировании его издателями.

Латинский перевод письма был сделан не с предполагаемого татарского оригинала, а с греческого перевода. Об этом говорит подпись издателя под греческим текстом: «Оригинал в рукописи табулярия Св. Георгия в Генуе. Печать с монгольскими буквами. Прилагается перевод на латыни» (*Origin[al in] chart[ulario] tabularii Sancti Georgii Ianuae. Sigillum habet litteras mongolicas. Addita est versio latina*). То есть хан скрепил своей печатью текст именно на греческом языке. Что касается переводчика на латынь, то он не только имел высокую квалификацию, но и разбирался в политических реалиях Северного Причерноморья, поскольку был знаком со специфической терминологией. Об этом свидетельствует все тот же термин «*корелит*», который был им переведен абсолютно верно, как «*послами короля*». Это позволяет предположить, что переводчиком с греческого был кто-то из представителей бывшей администрации генуэзской Каффы.

Чем была вызвана необходимость перевода ханского письма на греческий язык, не совсем ясно. Скорее всего, это была мера предосторожности со стороны Менгли Гирея, опасавшегося, чтобы его содержание даже случайно не стало известно Эминеку или османским соглядатаям. Поскольку письмо хана попало в генуэзский архив, можно с уверенностью сказать, что оно достигло своих адресатов, которые в конце концов вернулись в родную Геную и привезли его с собой.

Греческий текст

Публикуется по изданию [13, № 10, р. 292–293].

Ἀπε⁵ τὸν Μενκλήκερεην βασιλεῖαν.

Ἦς τον Παρταλομέω δε Κανπωφρεγώζο καὶ εἰς τὸν Λογίζο Φεσκω χερετισμόν. τῷ γραμα σου εἰδαμεν του⁶, καὶ τοὺς λογοὺς εμαθαμεν, καὶ τῷ ερτιμον⁷ το δικο σας εχαραμεν τῷ, ὅμος καὶ απῶ πρωτις ενθαρουσαμεν⁸ σας, διῶτι ηρεψετε⁹ πολὰ, καὶ εαν еркеσστη¹⁰, ελάте με του κωρελήτων¹¹ αποκρηχηρη¹², καὶ κανης μη σας γνωσι, καὶ елате, να σας σηντιχω¹³ απο στῶμα του μου¹⁴, καὶ ὅς ἰδὰ το γραμαν¹⁵ σας, εκῶλησα¹⁶ τον Εμηνακο απе τον τοπον, ὁ δια την δουληαν еδικο σας δια να καταβῶδωθη¹⁷ ε δοῦλῃа едико σας. еσις καλα τῷ εξεβρεте етоῦта, τας δούλῃες, та γηνεσαν¹⁸, ὀла еπῃσεν та Εμηνακος, καὶ тога δωξаси ο θεὸς, ὅτι еδιβεν απе τον τοπον, καὶ еσις ξευρεте το καλα еτουта, η δουληγес διχος εξῶδων οὔκ еγηνουν την¹⁹, καὶ еαν елθεте, елате μη²⁰ τὸν εξοδων σας, να ξεβρω του λογου σας την

⁵ = ἀπό. Утрата или изменение второго гласного в этом предлоге – один из очевидных признаков диалекта.

⁶ Постпозиция артиклей или местоимений (или их повторение) также диалектная черта.

⁷ = ἐρχομόν.

⁸ Это какой-то «гибрид», в греческом возможны сходные по звучанию формы от ἐνθαρρῖνω – «поощрять», или от αναθεωρῶ – «осматривать». Но, вероятнее, переводчик подразумевает θεωρῶ/θαρρῶ «считаю, полагаю».

⁹ Слово γυρεύσατε означает «искали, требовали». Но, возможно, переводчик подразумевал γυρίζω – «кружить, путешествовать, возвращаться». Это единственное место в тексте с существенным отличием от латинского перевода. Принимая во внимание то, что в диалектах сходные слова смешивались как фонетически, так и семантически, можно предположить, что переводчик имел ввиду следующее: «мы полагали, что вы слишком долго возвращаетесь». Таким образом, другой переводчик, уже на латинский язык, несколько извратил предложение, передавая его словами «sperebamus quia tardavistis nimis».

¹⁰ = ἐρχεστε.

¹¹ = βασιλικός, царский, королевский.

¹² = ἀποκρισίριος. Видимо, составитель произносил сочетание σι как «ши», т.е. так же, как и сочетание χι, что и повлияло на написание слова.

¹³ = συντυχαίνω. Здесь мы видим классическую приметку восточных греческих диалектов – употребление глагола в значении «говорить, беседовать», утраченное в современном новогреческом, где оно означает «встречать».

¹⁴ Здесь явная калька с турецкого kendi ağzıyla – «собственными устами», т.е. лично.

¹⁵ = γράμμα. Эта форма также одна из особенностей восточных греческих языков и диалектов.

¹⁶ Слово ἐκόλωσα означает «запретил, воспрепятствовал», тогда как ἐκάλεσα – «вызвал, отозвал». В обоих случаях речь идет о прекращении службы Эминека. Первое более соответствует смыслу написанного, а второе – синтаксической конструкции и значению слова τόπος – «место (в пространстве)». В контексте первого глагола следовало употребить слов θέσις – «место (как должность)», а не τόπος.

¹⁷ От глагола κατεβῶδωνω – «напутствовать в дорогу, желать добра на прощание».

¹⁸ = τὰ γίγνεσθαι.

¹⁹ = γίνονται.

²⁰ = μέ. Здесь также характерная ошибка носителей восточных греческих языков: замена или неразличение букв η и ε, так как древняя η (ита) сохранила на Востоке свое прежнее качество как звук «е».

αληθιναν. Καὶ δια τον θεον, ἢ τι πιῆσε πιδετε²¹, ελατε σιητωμωτερα, ωρα τορα ενε²², και οσε τορα δια τουτο λογο δεν σας εστηλα δια τιν ηποθεσιν του Εμιηακο, και τορα στηλο σας λογον, να ελθετε, και εσις ετζη ελατε ος παραστηκάμενη του αποκρηχηρη.

Στηλωμεν γραμαν με τε²³ βουλα του βασιλεωσ Μενκλικερεη δεκεβρηου λ'.

Перевод

От Менгликерая императора.

Парталомео де Кампофрегозо и Логизо Феско – приветствие. Письмо твое мы прочитали и содержание поняли, и приезде вашему обрадовались, но мы и ранее полагали, что вы долго возвращаетесь, и, если приезжаете, приходите с посланником корелитом, и чтобы никто [о вас] не прознал бы, и приходите так, чтобы я говорил с вами лично. И когда я прочел ваше письмо, отозвал Еминака с его места, – это по вашему собственному делу для решения вашего дела. Вы хорошо знаете эти дела, события, все, что совершил Еминак, и теперь, – слава Тебе, Боже, – что он ушел с места. И вы хорошо знаете эти [дела], – вопросы без расходов не решаются, и если придете, приходите с вашими средствами, чтобы я узнал правду с вашей стороны²⁴. И, Бога ради, если что-то сделать [хотите] – делайте, приезжайте побыстрее, сейчас время, и по этой причине до сего времени не писал вам о деле Еминака, а теперь посылаю вам известие: приезжайте, и вы таким образом приезжайте – как помощники посланника.

Отсылаю письмо с печатью императора Менгликерая декабря 30 [1481 г.].

Латинский текст

Публикуется по изданию [20, Appendice. III, p. 569–570²⁵], разночтения указаны по [17, № 120, p. 489–490²⁶].

Bartholomaeo²⁷ de Campofregoso et Lodixio de Flisco salutacionem²⁸.
Scripturas vestras vidimus et verba vestra intelleximus, et de²⁹ adventu vestro gavis

²¹ Возможно ποιήσετε – «делайте» (ср. латинский перевод), так как более похожие фонетически формы πιθετε (от глагола «убеждать») или ποθείτε (от глагола «желать») делают текст еще более синтаксически недостаточным.

²² = εἶναι.

²³ = τῆν.

²⁴ Слово λόγος многозначно, возможен перевод – «правду ваших речей».

²⁵ Это издание осуществлено по рукописному оригиналу (?), который хранился в Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, Materiali politiche, Lingue orientali, filza 18 D.

²⁶ Это издание осуществлено по рукописной копии первой половины XVII вв. в рукописи Agostino Fransone. Informazioni date dalla Repubblica genovese ai suoi ambasciatori mandati a diversi potentati del mondo dall'anno 1423 all'anno 1596, con l'indice delle cose notabili. 1628 // Archivio di Stato di Genova, Mss. 652–653.

²⁷ Bartholomeo, а перед ним написано + A Menglicherai imperatore.

²⁸ salutacio.

²⁹ de отсуствует.

sumus, quod antea sperabamus quia tardavistis nimis. Et si veniatis venite cum regio oratore³⁰, et quod nemo sciat. Et venite ut loquar vobis ore meo. Et cum vidi vestras scripturas depulli³¹ Eminach de loco propter negotia vestra ut negotium vestrum perficiatur. Vos bene scitis quod ea que facta sunt, omnia fecit Eminach³². Nunc gratias Deo³³ quia ille recessit de loco. Et scitis bene quod hec fienda sine expensis³⁴ non possunt. Et si veni[a]tis venite cum expensis³⁵, ut sciam [per] verborum vestrorum veritatem, et per Deum faciatis quidquid facitis³⁶, et veniatis cito, hora est nunc. Et usque modo vobis non missi verba scripturae³⁷ causa Eminach³⁸. Et nunc vobis mitto verba quod veniatis. Et vos venite sicut ministri³⁹ oratoris.

Mittimus scripturas cum sigilo Imperiali meis litteris⁴⁰.

Decembri⁴¹ trigesimo.

Gaudeamus⁴² omnes in domino
diem festum⁴³.

Перевод

[+ От Менгликерей императора].

Бартоломео де Кампофрегозо и Лодизио де Флиско – приветствие! Написанное вами рассмотрели, и слова ваши уразумели, и приходу вашему мы рады: потому как ранее полагали, что вы сильно задержались. И если отправитесь, приходите с послами короля, и, в таком случае, никто [о вас] не прознал бы. Придите, и скажу вам своими устами: как увидел я ваши писания, изгнал Эминака с его места, ввиду дел ваших, чтобы дело ваше свершилось. Вы хорошо знаете, что то, что произошло, все сделал Эминак. Теперь, хвала Господу, тот покинул [свое] место. Вы хорошо знаете, что то, что следует сделать, нельзя сделать без издержек. И если вы отправитесь, приходите со средствами, чтобы я уразумел в ваших речах правду, и, с Божьей помощью, да сделаете вы то, что делаете. Да придете вы скорее – теперь настало время! И до настоящего момента не посылал вам [моих] слов из-за Эминака. А теперь отправляю вам послание, чтобы вы пришли. Приходите как слуги посла.

Отправили писание с печатью императорской [с монгольскими] буквами (Менгликерей).

Тридцатого декабря [1481 г.].

³⁰ Regis oratoribus.

³¹ depelli.

³² Eminech.

³³ dico.

³⁴ После слова expensis написано fieri.

³⁵ По контексту здесь должно стоять слово exeniis (sing. nom. exenium – «дар», «подношение»). Возможно, издатели или переписчики перевода спутали слово exeniis или его сокращение exenis с сокращением expnis (=expensis), которое было вписано в перевод чуть выше. Термином exenium в генуэзских документах крымского происхождения обозначали дары хану, и, впрочем, гораздо реже другим иностранцам.

³⁶ faciatis

³⁷ Вместо scripturae написано propter.

³⁸ Eminech.

³⁹ Более верно – ministracione.

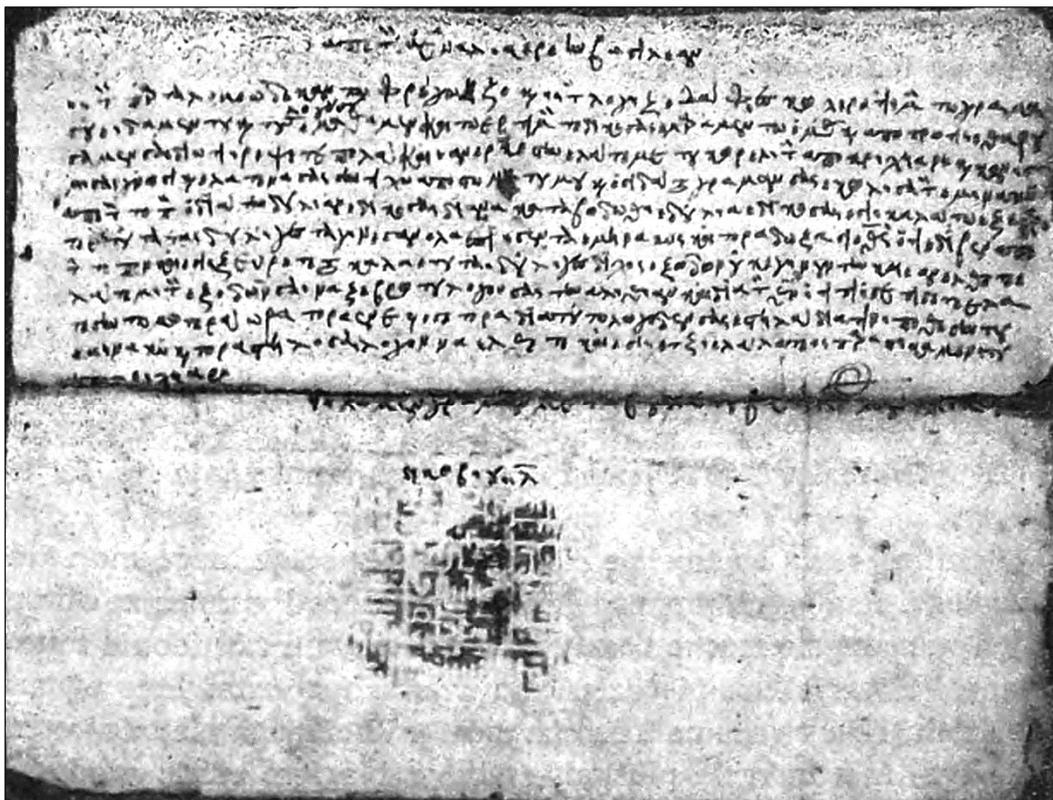
⁴⁰ imperiali, а после него написано Menglicherai. Слова meis litteris отсутствуют.

⁴¹ Decembris.

⁴² Перед Gaudeamus поставлен знак +.

⁴³ Domino Deo iusto.

[+] Празнуем все, в Господе, день праздника (Господу Богу истинному)⁴⁴.

Письмо Менгли Гирея к генуэзским эмиссарам
A Letter of Mengli Giray to the Genoese Emissaries

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Банионис Э.* [Банёнис Э.Д.]. К вопросу о генезисе книг Литовской Метрики (последняя четверть XV в.) // Литовская Метрика. Исследования 1988 г. Вильнюс: «Academia», 1992. С. 8–45.
2. *Брун Ф.* О разных названиях Киева в прежнее время // *Брун Ф.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880. С. 286–298.
3. *Гулевич В.П.* От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
4. *Дашкевич Я.* Церква і королівство. Галицько-Волинська держава («Керел») у східних джерелах // *Дашкевич Я.* Україна і Схід / Упоряд. Г. Сварник, А. Фелонюк; НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Гру-

⁴⁴ В официальном генуэзском календаре никакой праздник на 30 декабря не приходится. Ближайшие «Господние» праздники: Рождество – 25 декабря, Обрезание Господне – 1 января. По мусульманскому календарю на 30 декабря 1481 г. приходилась пятница 29 шевалья 886 г. х.

шевського. Львівське відділення; Львівський національний університет імені Івана Франка. Львів, 2016. С. 715–726.

5. *Джанов А.В.* Закладная строительная плита консула и кастеляна Солдаи Лукино де Фиески графа Лаваньи 1409 г. Потенциал источника // Сугдейский сборник. Вып. VI. Киев: Видавець Олег Філюк, 2016. С. 208–233.

6. *Иосафат Барбаро.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. ст., подг. текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971. С. 113–161.

7. *Карпов С.П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.-СПб.: Алетейя, 1998. С. 9–81.

8. *Карпов С.П.* Итальянские «бароны» трапезундских императоров // *Карпов С.П.* Латинская Романия. СПб.: Алетейя, 2000. (Серия «Византийская библиотека»). Исследования). С. 128–152.

9. Русская историческая библиотека. Т. 27: Литовская метрика. Ч. 1: Книги записей. Т. 1. СПб., 1910. IX, 38, 871, 150, II, 10, II с.

10. Сборник императорского русского Исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1884. XXII, 558, 21 с.

11. *Секиринский С.А., Секиринский Д.С.* Феодалные владения генуэзцев в Восточном Крыму во 2-й половине XV в. // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 9–16.

12. *Секиринский С.А., Волобуев О.В., Когонашвили К.К.* Крепость в Судак. 2-е изд. Симферополь: «Таврия», 1983. Приложения: Дело братьев Гуаско. С. 92–104.

13. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Volumen tertium / Acta et diplomata graeca res graecas italasque illustrantia e tabulariis anconitano florentino melitensi taurinensi veneto vindobonensi sumptus praebente caesarea scientiarum academia / Col. ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae: Carolus Gerold, 1865. XXI, 393 p.

14. Cronica gestorum in partibus Lombardie et reliquis Italie (AA. 1476–1482) / A cura di Giuliano Bonazzi // Rerum Italicarum Scriptores. T. XXII. Parte III. Citta del Castello, 1904. V, 260 p.

15. *Fisher S.N.* The Foreign Relations of Turkey 1481–1512. University of Illinois Press, Urbana, 1948. 125 p.

16. *Górka O.* Nieznany żywot Bajezida II źródłem dla wyprawy czarnomorskiej i najazdów Turków za Jana Olbrachta // Kwartalnik Historyczny. R. 52. Zesz. 3. Lwów, 1938, pp. 375–427.

17. *Grasso G.* Documenti riguardanti la costituzione di una lega contro il turco nel 1481 // Giornale ligustico di archeologia, storia e belle arti / Fondato e diretto da L.T. Belgrano ed A. Neri. Anno 6. Genova: Tipografia del R. Istituto Sordo-Muti, 1879. P. 321–494.

18. Il Diario Romano di Jacopo Gherardi da Volterra dal VII settembre MCCCCLXXIX al XII agosto MCCCCLXXXIV / A cura di Enrico Carusi // Rerum Italicarum Scriptores. T. XXIII. Parte 3. Citta di Castello, 1904. P. 1–137.

19. Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur. Pars I: Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492) / Ed. Theodorus Wierzbowski. Warszawa, 1905. IV, 191 p.

20. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'impero Bizantino Raccolti dal Can. Angelo Sanguineti e pubblicati con molte aggiunte dal Prof. Gerolamo Bertolotto // Atti della società Ligure di Storia Patria. Volume XXVIII. Fascicolo II. Genova: Tipografia R. Istituto Sordo-Muti, 1897. Appendice. P. 560–570.

21. *Orudj bin Adil.* Tevarih-i al-i Osman // Cronici turcești privind Țările Române. Extrase. Vol. I. Sec. XV – mijlocul sec. XVII / Volum întocmit de Michail Guboglu și

Mustafa Mehmet. București: Editura Academiei republicii socialiste România, 1966. P. 48–64.

22. *Ptaśnik J.* Kultura włoska wieków średnich w Polsce. Warszawa, 1922. 223 s.

23. *Quirini-Popławska D.* Próby nawiązania anty tureckiego porozumienia geneueńsko-polsko-tatarskiego w latach 1480–1481 // *Historia vero testis temporum. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Krzysztofowi Baczkowskiemu w 70-rocznicę urodzin*, pod red. J. Smoluchy, A. Waśko, J. Graffa, P. Nowakowskiego, Kraków 2008. P. 179–199.

24. *Rutkowska G.* Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492 / Instytut Historii PAN, Polskie Towarzystwo Historyczne. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2014. 422 s.

25. *Schütz E.* Eine armenische Chronik von Kaffa aus der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XXIX (2). 1975. P. 133–186.

26. *Veinstein G., Berindei M.* La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIe siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 20. № 3–4. Juillet–Décembre. Paris, 1979. P. 389–465.

27. *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri (1453–1475). T. II. Parte II Fasc. I // *Atti della società Ligure di Storia Patria*. Vol. VII. Parte II. Fasc. I. Genova. 1879. 442 p.

28. Wincentego de Dominico listy o Polsce pisane do senatu geneueńskiego z r. 1483–1484 // *Biblioteka Ossolińskich. Pismo historyi, literaturze, umiejętnościom i rzeczom narodowym poświęcone. Poczet nowy*. T. 2. Lwów, 1863. P. 339–350.

Сведения об авторах: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Александр Витальевич Джанов – старший научный сотрудник Национального заповедника «София Киевская» (01001, ул. Владимирская, 24, Киев, Украина). E-mail: alexanderdzhanov@gmail.com.

Поступила 14.02.2019 Принята к публикации 08.05.2019

Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Banionis E. [Banenis E.D.]. K voprosu o genezise knig Litovskoy Metriki (poslednyaya chetvert' XV v.) [On the Genesis of the Books of the Lithuanian Metrika (last quarter of the 15th century)]. *Litovskaya Metrika. Issledovaniya 1988 g.* [Lithuanian Metrika. Studies of 1988]. Vil'nyus: «Academia», 1992, pp. 8–45. (In Russian)

2. Brun F. O raznykh nazvaniyakh Kieva v prezhnee vremya [About Different Names of Kyiv in the Past]. *Chernomor'e. Sbornik issledovaniy po istoricheskoy geografii Yuzhnoy Rossii* [Black Sea. Collection of Studies on the Historical Geography of Southern Russia]. Part II. Odessa, 1880, pp. 286–298. (In Russian)

3. Gulevich V.P. *Ot ordynskogo ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* [From the Horde's Ulus to the Girays' Khanate: Crimea in 1399–1502]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 492 p. (In Russian)

4. Dashkevich Ya. Tserkva i korolivstvo. Galits'ko-Volins'ka derzhava («Kerel») u skhidnikh dzherelakh [Church and Kingdom. Galician-Volyn State (“Kerel”) in Oriental Sources]. Dashkevich Ya. *Ukraina i Skhid* [Ukraine and the East]. Uporyad. G. Svarnik, A. Felonyuk; NAN Ukraïni. Institut ukraïns'koï arkheografii ta dzhereloznavstva im.

M.S. Grushevs'kogo. L'vivs'ke viddilennya; L'vivs'kiy natsional'niy universitet imeni Ivana Franka. L'viv, 2016, pp. 715–726. (In Ukrainian)

5. Dzhanov A.V. Zakladnaya stroitel'naya plita konsula i kastelyana Soldayi Lukino de Fieschi grafa Lavan'i 1409 g. Potentsial istochnika [Laying Construction Plate of the Consul and Castellan of Soldaia Luchino di Fieschi, Count of Lavagna, of 1409. Source Potential]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeian Collection]. Is. VI. Kyiv: Vidavets' Oleg Filyuk, 2016, pp. 208–233. (In Russian)

6. Iosafat Barbaro. Puteshestvie v Tanu [A Travel to Tana]. *Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini about Russia. To the History of Italian-Russian Relations in the 15th century]. Vstup. st., podg. teksta, perevod i kommentariy E.Ch. Skrzhinskoy. Moscow: Nauka Publ., 1971, pp. 113–161. (In Russian)

7. Karpov S.P. Regesty dokumentov fonda Diversorum Filze sekretного архива Genui, odnosyashchiesya k istorii Prichernomor'ya [Regestas of the Documents of Diversorum Filze from the Secret Archive of Genoa Related to the History of the Black Sea Region]. *Prichernomor'e v srednie veka* [The Black Sea Region in the Middle Ages]. Is. 3. Moscow: St. Petersburg: Aleteyya, 1998, pp. 9–81. (In Russian)

8. Karpov S.P. Ital'yanskie «barony» trapezundskikh imperatorov [Italian “Barons” of Trebizond Emperors]. Karpov S.P. *Latinskaya Romaniya* [The Latin Romania]. St. Petersburg: Aleteyya, 2000, pp. 128–152. (In Russian)

9. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Vol. 27: Litovskaya metrika. Part 1: Knigi zapisey [Russian Historical Library. V. 27: Lithuanian Metrica. Part 1: Books of Records]. Vol. 1. St. Petersburg, 1910. IX, 38, 871, 150, II, 10, II s. (In Belarusian)

10. *Sbornik imperatorskogo russkogo Istoricheskogo obshchestva*. Vol. 41: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu ordami i s Turtsiye. Vol. 1: S 1474 po 1505 god, epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Collection of the Imperial Russian Historical Society. V. 41: Monuments of the Diplomatic Relations of Moscow State with the Crimean and Nogai Hordes and with Turkey. Vol. 1: From 1474 to 1505, the Epoch of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K^o, 1884. XXII, 558, 21 p. (In Russian)

11. Sekirinskiy S.A., Sekirinskiy D.S. Feodal'nye vladeniya genueztsev v Vostochnom Krymu vo 2-y polovine XV v. [Feudal Domains of the Genoese in the Eastern Crimea in the second half of the 15th century]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh* [The Northern Pontic and the Volga Region in the Relations between the East and the West in the 12th–16th centuries]. Otv. red. G.A. Fedorov-Davydov. Rostov-na-Donu: Rostov-na-Donu State Un-ty, 1989, pp. 9–16. (In Russian)

12. Sekirinskiy S.A., Volobuev O.V., Kogonashvili K.K. *Krepost' v Sudake* [Fortress in Sudak]. 2-e izd. Simferopol': «Tavriya», 1983. Prilozheniya: Delo brat'ev Guasko [Supplements: The Guasco Brothers Case], pp. 92–104. (In Russian)

13. *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Volumen tertium: Acta et diplomata graeca res graecas italasque illustrantia e tabulariis anconitano florentino melitensi taurinensi veneto vindobonensi sumptus praebente caesarea scientiarum academia. Col. ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae: Carolus Gerold, 1865. XXI, 393 p. (In Latin, Greek)

14. Cronica gestorum in partibus Lombardie et reliquis Italie (AA. 1476–1482). A cura di Giuliano Bonazzi. *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. XXII. Parte III. Citta del Castello, 1904. V, 260 p. (In Latin)

15. Fisher S.N. *The Foreign Relations of Turkey 1481–1512*. University of Illinois Press, Urbana, 1948. 125 p.

16. Górká O. Nieznany żywot Bajezida II źródłem dla wyprawy czarnomorskiej i najazdów Turków za Jana Olbrachta. *Kwartalnik Historyczny*. R. 52. Zesz. 3. Lwów, 1938, pp. 375–427. (In Polish)

17. Grasso G. Documenti riguardanti la costituzione di una lega contro il turco nel 1481. *Giornale ligure di archeologia, storia e belle arti*. Fondato e diretto da

L.T. Belgrano ed A. Neri. Anno 6. Genova: Tipografia del R. Istituto Sordo-Muti, 1879, pp. 321–494. (In Latin)

18. Il Diario Romano di Jacopo Gherardi da Volterra dal VII settembre MCCCCLXXIX al XII agosto MCCCCLXXXIV. A cura di Enrico Carusi. *Rerum Italicarum Scriptores*. Vol. XXIII. Parte 3. Citta di Castello, 1904, pp. 1–137. (In Latin)

19. *Matricularum Regni Poloniae summaria, excussis codicibus, qui in Chartophylacio Maximo Varsoviensi asservantur*. Pars I: Casimiri IV Regis tempora complectens (1447–1492). Ed. Theodorus Wierzbowski. Warszawa, 1905. IV, 191 p. (In Latin)

20. Nuova serie di documenti sulle relazioni di Genova coll'impero Bizantino Raccolti dal Can. Angelo Sanguineti e pubblicati con molte aggiunte dal Prof. Gerolamo Bertolotto. *Atti della società Ligure di Storia Patria*. Volume XXVIII. Fascicolo II. Genova: Tipografia R. Istituto Sordo-Muti, 1897. Appendice. P. 560–570. (In Latin, Greek)

21. Orudj bin Adil. Tevarih-i al-i Osman. *Cronici turcești privind Țările Române*. Extrase. Vol. I. Sec. XV – mijlocul sec. XVII. Volum întocmit de Michail Guboglu și Mustafa Mehmet. București: Editura Academiei republicii socialiste România, 1966. P. 48–64. (In Romanian)

22. Ptaśnik J. *Kultura włoska wieków średnich w Polsce*. Warszawa, 1922. 223 p. (In Polish)

23. Quirini-Popławska D. Próby nawiązania anty tureckiego porozumienia geneueńsko-polsko-tatarskiego w latach 1480–1481. *Historia vero testis temporum. Księga jubileuszowa poświęcona Profesorowi Krzysztofowi Baczkowskiemu w 70-rocznicę urodzin*, pod red. J. Smołuchy, A. Waśko, J. Graffa, P. Nowakowskiego. Kraków, 2008, pp. 179–199. (In Polish)

24. Rutkowska G. *Itinerarium króla Kazimierza Jagiellończyka 1440–1492*. Instytut Historii PAN, Polskie Towarzystwo Historyczne. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2014. 422 s. (In Polish)

25. Schütz E. Eine armenische Chronik von Kaffa aus der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. XXIX (2). 1975. P. 133–186. (In German)

26. Veinstein G., Berindei M. La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIe siècle. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 20, no. 3–4. Juillet–Décembre. Paris, 1979, pp. 389–465. (In French)

27. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri (1453–1475). Vol. II. Parte II Fasc. I. *Atti della società Ligure di Storia Patria*. Vol. VII. Parte II. Fasc. I. Genova, 1879. 442 p. (In Latin, Italian)

28. Wincentego de Dominico listy o Polsce pisane do senatu geneueńskiego z r. 1483–1484. *Biblioteka Ossolińskich*. Pismo historyi, literaturze, umięjętościom i rzeczom narodowym poświęcone. Poczet nowy. Vol. 2. Lwów, 1863, pp. 339–350. (In Latin, Polish)

About the authors: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky Str., Kyiv 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Aleksandr V. Dzhanov – Senior Researcher, National Conservation Area «St. Sophia of Kyiv» (24, Vladimirska Str., Kyiv 01001, Ukraine). E-mail: alexanderdzhanov@gmail.com

Received February 14, 2019 Accepted for publication May 8, 2019
Published June 29, 2019

УДК 94(470.41):81'373.6

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.333-338

**БЫЛА ЛИ У КАЗАНСКИХ ХАНОВ ТУГРА?
ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА ИЗ ЭПОХИ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: «ТАВРУИ»**

И.В. Зайцев^{1,2}

¹ *Институт научной информации по общественным наукам РАН*

² *Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
ilyaAugust@yandex.ru*

Цель: в статье предпринята попытка выяснить этимологию русского слова *тавруй* в связи с возможностью существования тугры у казанских ханов.

Материалы исследования: писцовые материалы Казанского уезда 1565–1568 гг.

Результаты и научная новизна: автор показывает, что русское слово *тавруй*, упоминаемое в Писцовой книге по отношению к ханским знакам собственности, несмотря на кажущуюся близость к слову «тавро», вполне может быть этимологически связаны не с арабским طَوْزُ, а с тюркским словом *тогрул* «сокол».

Ключевые слова: тугра, Казанское ханство, этимология, писцовые материалы

Для цитирования: Зайцев И.В. Была ли у казанских ханов тугра? Этимологическая заметка из эпохи Казанского ханства: «тавруй» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 333–338. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.333-338

**DID THE KAZAN KHANS HAVE TUGRA? ETYMOLOGICAL NOTE
FROM THE ERA OF THE KAZAN KHANATE: "TAVRUI"**

I.V. Zaytsev^{1,2}

¹ *Institute of Scientific Information of Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences*

² *Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ilyaAugust@yandex.ru*

Abstract: Objective: This paper attempts to ascertain the etymology of the Russian word *tavrui* in connection with the possibility of the existence of tугра among the Kazan khans. Research materials: Scribal materials of the Kazan Uyezd in 1565–1568. Results and novelty of the research: The author shows that the Russian word *tavrui*, mentioned in the scribal book in relation to the khan's signs of ownership, despite its apparent proximity to the word for "brand", may in fact be etymologically related to the Turkic word *Togrul* "Falcon" rather than to the Arabic طَوْزُ.

Keywords: Tугра, Kazan khanate, etymology, scribe materials

For citation: Zaytsev I.V. Did the Kazan Khans Have Tugra? Etymological Note from the Era of the Kazan Khanate: “Tavrui”. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 333–338. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.333-338

«Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клубукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам».

Пушкин А.С. «Из Анакреона»

«Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам,
юношей влюбленных узнаю по их глазам».

Толстой Л.Н. «Анна Каренина»

В последние несколько лет любой, кто посещал столицу Татарстана, мог встретиться с возвращением в обиход такого любопытного явления как *тугра* (от османского слова *طغرا*) – красочная композиция с декоративным написанием имени собственного, построенным по определенным законам с помощью букв арабского алфавита. Сегодня *тугра* почти с любым именем (татарским или русским) на магните – чрезвычайно популярный сувенир, который продается в магазинах Казани и пользуется спросом. Собственные *тугры* созданы художниками для В.В. Путина и Д.М. Медведева¹. В 2018 г., во время визита В.В. Путина в Татарстан, руководитель Республики вручил ему *тугру*, изготовленную художником Р. Насыбулловым². Есть собственная *тугра* и у самого Р.Н. Минниханова.

Долгая история этого явления хорошо иллюстрирует адаптацию древних символов власти современной популярной культурой и опосредованно – современной властью. Сегодня возрождение традиции изготовления *тугр* – уникальный случай реставрации древней тюркской властной символики.

Древнее тюркское слово *тугра* обозначало знак правителя. Использование *тугры* в официальной канцелярии относится к сельджукской эпохе и связывается с султаном Тогрулом. Происхождение этого знака до конца не выяснено: он представлял собой стилизованное изображение лука и стрелы (или лука и булавы). В основе ее, вероятнее всего, лежал знак собственности – тамга рода сельджуков [8, с. 175–188].

Возникнув в сельджукское время и достигнув пика развития в османский период, *тугра* в XVI в. появилась на периферии османского мира – в Крымском ханстве. Символ власти оказался востребован и в Московском государстве как элемент, связывавший правящий дом Романовых с золотоордынским миром (прежде всего, в дипломатической переписке). В XVII в. *тугра* созда-

¹ <http://vladimir.ru/kaligrafia/tugry/dsc01887>; http://ttolk.ru/articles/tugryi_rossiyskih_prezidentov_vozvraschenie_k_traditsiyam_ordyi; <https://www.business-gazeta.ru/article/99924>

² <https://realnoevremya.ru/articles/88339-podarok-prezidentu-kto-i-kak-izgotovlyal-tugru-dlya-putina>

ется для первого представителя династии – Михаила Федоровича. Петр I активно использует *тугру* (как минимум в двух вариантах) как яркий образ манифестации царской власти на близком исламском Востоке.

Во второй половине XVIII в. традиция изготовления российских тугр замирает. Однако последствия включения Крыма в состав империи диктуют необходимость ее возрождения. В 1810-х годах создается *тугра* Александра I, а вскоре как ее вариант – *тугра* Николая I. Если первая известна нам только как декоративный элемент на фонтане императора в Бахчисарае, то вторая активно используется в официальных документах российской канцелярии на османском языке для распространения среди крымских татар. Во второй половине XIX в. тугрообразные композиции (создаваемые не только для императоров, но уже и членов их семей) вновь становятся непременной частью образа российского Крыма, часто намеренно «ориентализированного» под европейским влиянием. Традиция вновь надолго умирает вплоть до 1990-х годов, когда стараниями В. Попова в Татарстане тугра становится достоянием популярной культуры, однако частично возвращая себе старые функции манифестации российской власти в исламском мире (тугры Б.Н. Ельцина, Д.А. Медведева и В.В. Путина).

* * *

Вернемся, однако, к вопросу, который вынесен в заголовок статьи: была ли своя *тугра* у ханов Казани? В свое время М.А. Усманов отмечал, что применение *тугры* для ранних джучидских ярлыков не характерно. «Тугра была освоена в Крыму лишь во второй половине XVI в., а в XVIII столетии она стала сложной (поэтому в копиях XIX в. адресанты часто расшифрованы ошибочно)» [9, с. 135]. Современные исследователи также разделяют эту точку зрения [1, с. 197]. Документов, которые бы подтверждали наличие *тугры* в Казани, как будто бы нет. Несмотря на то, что верхняя часть единственного сохранившегося в подлиннике ярлыка эпохи Казанского ханства (1523 г.) утрачена, имя хана Сахиб-Гирея в нем написано не в форме тугры. Ею Сахиб-Гирей обзавелся уже будучи на крымском престоле.

Впрочем, иногда все же у исследователей можно встретить намеки на казанскую «тугру». Так, Сагит Фаиз писал, что тугра была уже и у московского царя Грозного: «С завоеванием Казанского ханства Иван Грозный подтвердил, как известно, право именоваться царем, перенес на свою печать изображение казанского псевдодракона и болгарской собаки, заказал Казанскую «шапку». В этом ряду – царственных символов – не хватает тугры, но и она была. По письменным источникам она не известна – в силу того, что тюркоязычные письма московских канцелярий XVI в. не сохранились. И все же одна фиксация тугры Ивана Грозного дошла до наших дней. Запись тугры сохранилась на рисунке художника из свиты датского посла Якоба Ульфельдта, приехавшего к царю в 1578 г.» [10, с. 359–362].

Не будучи компетентным в расшифровке рисунков, обращаюсь к письменным источникам. Как известно, наследником земельных владений казанских ханов после взятия Казани московскими войсками стали православные иерархи. Благодаря этому обстоятельству часть ханских владений можно лока-

лизовать. Очевидно, что границы земельных участков как в ханское, так и в последующее время оформлялись специальными знаками.

Например, как пишет современный исследователь, тарханные земли создавались из ханских, вотчинных (опальных аристократов) и за счет захвата общинных земель. Кроме захвата таких земель, формальным порядком – путем их пожалования ханом, довольно большие участки присваивались владельцами при определении границ владений и постановке пограничных знаков («граней», «тамг», «тавруев») [5, с.108; 2, с. 102]. Собственно, слово «грань» и стало источником слова граница.

В межевой книге Казанского уезда 1565–1568 гг. мы встречаем эти термины при описании границ земельных участков [6, с. 95–96]: «А у дорошки пень липовой горелой. А на нем была грань, по старому звали тамгою» [7, с. 472]. Или «Учинена межа сельца Сакур Кадыша лесу с лугом, что за рекою за Мешью с поместною землею казанского старого жильца Дмитрия Малышева деревни Каипа: «От реки от Мешы выше деревни Каипа и Сакур Кадыш, лесом прямо до луга по царевы тавруи поместные с версту...» [7, с. 490]. Слово тавруй и близкое к нему «тавро» в значении «граница» встречается и в других источниках: «с трех старинных дельных деревень бортных отца моего и моих тавры стесал и свои тавры положил» [4, с. 171].

Итак, очевидно, что на землях Казанского ханства существовал способ разграничения угодий с помощью некоего знака (который назывался «тавруй»), причем свой тавруй был и у хана.

Слово *тавруй* появляется в русском языке еще в одном источнике, причем в весьма необычном контексте. Это «Сказание о царех» («Беседа Иерусалимская»).

В списке конца XVII – начала XVIII в. из собрания Пушкинского дома этот пассаж выглядит так: «А птица птицам мать Тавруй-птица: величеством она невелика, с рускую галочку. Потому та птица птицам мать, что живет она у трех кладезей гремчих да у моря у теплаго. А коли та птица разыграетца и полетит она с теплаго моря на студеное, и тогда она из себя перие ронила. И там русские люди тем перием стрелы строгаи: остре[e] то перие ножа и меча булатнаго. Потому та птица птицам мать» [3, с. 180].

Таким образом, мы имеем одно (или все же два?) слово («тавро» – «тавруй»), которое обозначает с одной стороны какую-то границу, а с другой стороны – какую-то разновидность сказочной птицы. С этим затруднением можно справиться. Имя птицы, несомненно, восходит к тюркскому обозначению сокола. Так, имя Таврул (противник Пересвета в Куликовской битве, а также былинный персонаж) разумно сопоставляется со словом тогрул (сокол) [11, с. 9]. Как тут не вспомнить, что появление тугры связывается с сельджукским султаном Тогрулом...

Русское слово «тавро» традиционно связывается с тюркским словом «тугра» – «монограмма султана» [11, с. 8]. Это не только не логично (*тугра* – не знак собственности), но и хронологически маловероятно (тавра были распространены там и тогда, где не имели никакого представления об османских султанах). Скорее всего, в тюркском, а потом и русском «тавре» можно видеть арабское слово *طَوْرُ* (*اطوار* мн.ч.) – образ, способ, манера, повадка, граница.

А вот ханские «тавруи» Писцовой книги, несмотря на кажущуюся близость к слову «тавро», вполне могут быть этимологически связаны не с арабским طَوْز, а с тюркским словом *тогрул* «сокол», и быть каким-то знаком собственности в виде птицы. Только вот был ли этот «птичий» знак тугрой в привычном для нас виде (османской или крымской), мы не знаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абзалов Л.Ф.* Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. Казань: «Яз», 2011. С.197.
2. *Амрахов Маис.* Возникновение государственности и формы землевладения у тюрков (Учебное пособие). Баку: Мутарджим, 2011. С.120.
3. Древнерусские рукописи Пушкинского дома (обзор фондов) / Составил В.И. Малышев. М.-Л., 1965. 230 с. (л. 38 об.–39).
4. История Татари в материалах и документах М.: Соцгэкиз, 1937. 532 с.
5. История Татарской АССР. Т.1. Казань, 1957.
6. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Казань: Изд-во «Ихлас», 2012. 277 с.
7. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста. Казань, ФЭН АН РТ, 2006. 660 с.
8. *Тишин В.В.* К вопросу о происхождении тугры сельджукских султанов // Transcaucasica. Южный Кавказ: история, религия, общество / Сост. З.В. Кананчев. М.: МБА, 2016. Вып. 3. С. 175–188.
9. *Усманов М.А.* Жалованные ярлыки Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 321 с.
10. *Фаизов С.Ф.* Тугра Ивана Грозного // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 359–362.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. Т.IV (Т–Ящур). М: Прогресс, 1973. 855 с.

Сведения об авторе: Илья Владимирович Зайцев – доктор исторических наук, временно исполняющий обязанности директора Института научной информации по общественным наукам РАН (117418, Нахимовский пр-т, 51/21, Москва, Российская Федерация); старший научный сотрудник Института российской истории РАН (117036, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

*Поступила 18.03.2019 Принята к публикации 30.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

REFERENCES

1. Abzalov L.F. *Khanskie pistry. Iz istorii stanovleniya i razvitiya kantselyarskoy sluzhby khanov Zolotoy Ordy* [Khan's Scribes. From the History of the Formation and Development of the Clerical Service of the Khans of the Golden Horde]. Kazan: Yaz Publ., 2011, pp. 197. (In Russian)
2. Amrakhov M. *Vozniknovenie gosudarstvennosti i formy zemlevladieniya u tyurkov (Uchebnoe posobie)* [The Emergence of Statehood and Forms of Land Tenure among the Turks (Tutorial)]. Baku: Mutardzhim, 2011, pp. 120. (In Russian)
3. *Drevnerusskie rukopisi Pushkinskogo doma (obzor fondov)* [Old Russian Manuscripts of Pushkin House (review of funds)]. Sostavil V.I. Malyshev. Moscow, Leningrad, 1965. 230 p. (l. 38 ob.–39). (In Russian)
4. *Istoriya Tatarii v materialakh i dokumentakh* [History of Tatarstan in Materials and Documents]. Moscow: Sotsgekiz, 1937. 532 p. (In Russian)
5. *Istoriya Tatarskoy ASSR* [History of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic]. Vol. 1. Kazan, 1957. (In Russian)
6. Mukhamed'yarov Sh.F. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva (XV–pervaya polovina XVI vv.)* [Socio-economic and Political System of the Kazan Khanate (15th – first half of the 16th centuries)]. Kazan: Ikhlas Publ., 2012. 277 p.
7. *Pistovoie opisanie Kazani i Kazanskogo uezda 1565–1568 godov. Publikatsiya teksta* [The Written Description of Kazan and Kazan County in 1565–1568. Text's Publication]. Kazan: FÖN Publ., 2006. 660 p. (In Tatar)
8. Tishin V.V. K voprosu o proiskhozhdenii tugry sel'dzhukskikh sultanov [On the Question of the Origin of the Seljuk Sultans' Tugra]. *Transcaucasica. Yuzhnyy Kavkaz: istoriya, religiya, obshchestvo* [Transcaucasica. South Caucasus: History, Religion, Society]. Sost. Z.V.Kananchev. Moscow: MBA, 2016. Is. 3, pp. 175–188. (In Russian)
9. Usmanov M.A. *Zhalovannyye yarlyki Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* [Granted Charters of the Jochid Ulus of the 14th–16th century]. Kazan: Kazan State Universitet Publ., 1979. 321 p. (In Russian)
10. Faizov S.F. Tugra Ivana Groznogo [Tugra of Ivan the Terrible]. *Zolotoordynskoe nasledie. Vyp. 2. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy», posvyashchennoy pamyati M.A.Usmanova* [Golden Horde Heritage. Issue 2: Proceedings of the Second International Research Conference “The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde”, Dedicated to the Memory of M.A. Usmanov]. Kazan', 29–30 marta 2011 g. Otv. red. i sost. I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 359–362. (In Russian)
11. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Perevod s nemetskogo i dopolneniya O.N.Trubacheva. Vol. IV (T-Yashchur)* [Etymological Dictionary of the Russian Language. Translation from German and additions by O.N. Trubachev. Vol. IV (T-Yashchur)]. Moscow: Progress, 1973. 855 p. (In Russian)

About the author: Il'ya V. Zaytsev – Dr. Sci. (History), Acting Director of the Institute of Scientific Information of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow 117418, Russian Federation); Senior Researcher Fellow of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriy Ulyanov Str., Moscow 117036, Russian Federation). E-mail: ilyaAugust@yandex.ru

*Received March 18, 2019 Accepted for publication May 30, 2019
Published June 29, 2019*

УДК 93(470.41)"1545/1546"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

**ДВА ПЕРЕВОРОТА 1545/46 Г. В КАЗАНИ:
К ВОПРОСУ О КОНФИГУРАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИЛ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ КАЗАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Н.В. Белов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
belovnikita1997@yandex.ru*

Цель: исследование основных направлений и результатов политической борьбы в Казанском ханстве на начальном этапе Казанской войны 1545–1556 гг.

Материалы исследования: широкий круг опубликованных и архивных источников, в первую очередь русские летописи, разрядные книги, посольская документация, тюрко-татарские нарративные памятники, актовый материал.

Результаты и научная новизна: впервые на основе детального анализа сообщений как можно большего числа источников проанализирована внутривнутриполитическая ситуация в Казанском ханстве второй половины 1540-х гг. Привлечение к исследованию источников различного происхождения (как русских летописей, актов, разрядных книг, так и казанских, крымских, ногайских, астраханских нарративов и посольской документации) позволило представить объективную картину политической борьбы, развернувшейся в Казани после русского похода весны 1545 г. Комплексное рассмотрение свидетельств источников не дает оснований говорить о происходившей в столице Казанского ханства борьбе группировок татарской знати. Напротив, наблюдается монолитность всех слоев населения Казани в борьбе против узурпатора Сафа-Гирея. Захват Казани Сафа-Гиреем в 1546 г. ознаменовал собой тотальную смену верхушки управленческой элиты ханства, оказав существенное влияние на крушение казанской государственности в 1552 г.

Ключевые слова: политическая борьба в Казанском ханстве, Сафа-Гирей, Шах-Али, Казанская война

Для цитирования: Белов Н.В. Два переворота 1545/46 г. в Казани: к вопросу о конфигурации политических сил в первые годы Казанской войны // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 339–350. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

**TWO COUPS OF 1545/46 IN KAZAN:
THE QUESTION OF THE CONFIGURATION OF POLITICAL
FORCES IN THE EARLY YEARS OF THE KAZAN WAR**

N.V. Belov

*St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation
belovnikita1997@yandex.ru*

Abstract: *Objective:* A study of the main directions and results of the political struggle in the Khanate of Kazan in 1545–1546.

Research materials: A wide range of published and archived sources: the Russian chronicles, books of official orders in the Russian state, ambassadorial documents, the Turko-Tatar narrative sources, historical acts.

Results and novelty of the research: The study presents an analysis of the internal political situation in the Khanate of Kazan in the second half of the 1540s. The study involved sources of different origins: Russian (chronicles, acts, books of official orders) materials as well as those stemming from the Khanates of Kazan, Crimea, Nogai, and Astrakhan (historical narratives and ambassador documentation). This made it possible to reconstruct a balanced picture of the political struggle that unfolded in Kazan after the Russian campaign in the spring of 1545. A comprehensive review of the evidence of the sources does not provide grounds to prefigure it as a struggle among the Tatar nobility groups that took place in the capital of the Khanate of Kazan. On the contrary, there was unity of all segments of the population of Kazan in the fight against the usurper, Safa-Giray.

Keywords: political struggle in the Kazan khanate, Safa-Giray, Shah-Ali, Kazan war

For citation: Belov N.V. Two Coups of 1545/46 in Kazan: The Question of the Configuration of Political Forces in the Early Years of the Kazan War. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 339–350. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.339-350

Представитель крымской династии Гиреев хан Сафа-Гирей занял казанский престол по приглашению «казанских князей», сместив неугодного местной аристократии московского ставленника Джан-Али осенью 1535 г. [18, с. 20]. Сафа-Гирей уже управлял Казанью в 1524–1531 гг. во время напряженного московско-казанского противостояния и вынужден был оставить ханский трон в результате военно-дипломатического давления Москвы. Возвращение в Казань стало для него, таким образом, началом очередного витка борьбы с московскими государями. На южных и восточных границах Московского государства постепенно формировался блок татарских государств: Крыма, Казани и сочувствующей им Ногайской Орды. Уже через месяц после переворота в Казани крымский хан Сахиб I Гирей писал правительнице Елене Глинской: «Казань мой юрт, а учнешь его воевати, то ты мне недруг»¹. Чувствуя поддержку со стороны Крыма, казанские власти активизируют военные действия в русско-казанском порубежье. Нападением казанских татар под-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 8. Л. 420об.–421.

вергаются Муром, Нижний Новгород, Балахну, Вятка, владимирские, костромские и галицкие «места» [10, с. 116–119; 18, с. 24, 27, 28, 31, 130].

Москве же удалось мобилизовать ресурсы для наступательной войны против Казани только к середине 1540-х гг. В апреле–мае 1545 г. состоялся поход под Казань русских судовых ратей под командой князей Семена Ивановича Микулинского-Пункова и Василия Семеновича Серебряного-Оболенского. Шедшим «легким делом в струзах» войскам не удалось взять хорошо укрепленный город. Запоздавший к общему «делу» пермский отряд воеводы Внучко Львова и вовсе был уничтожен казанцами. Казалось бы, поход русской армии был отбит [18, с. 46; 19, с. 136; 20, с. 27; 21, с. 109; 22, с. 316–317]. Тем не менее, в Казани назревало открытое столкновение хана Сафа-Гирея и местной знати.

Действия хана давно уже вызывали ропот в среде казанской аристократии: по сообщениям как русских, так и ногайских, и казанских источников, он мало интересовался делами поволжского юрта, заботясь лишь о собственной выгоде и удовлетворяя меркантильные интересы своего окружения. Всеми делами в ханстве заправляли выходцы из Крыма, получавшие от казанского правителя многочисленные пожалования и чины [12, с. 293; 16, стб. 49; 1, с. 60]. Вероятно, сознавая свое непрочное положение, крымское правительство занималось откровенным грабежом населения: «у ково отца не стало, и он (Сафа Гирей. – *Н.Б.*) отцова доходу не давал. А у ково брата болшово не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал» [11, с. 270–271]. Судя по всему, все это стало причиной того, что местная знать пошла на неповиновение хану. Враждебная позиция Сафа-Гирея по отношению к Москве привела в итоге к разорению казанских земель. В ходе весеннего похода 1545 г. русские войска хотя и не причинили особого вреда татарской столице, зато основательно пограбили владения казанских феодалов². Отношения хана и его подданных накалились до предела. Если верить летописным известиям, казанские мирзы, по-видимому, не пытались оказать сколь-нибудь серьезное сопротивление русским воеводам, предпочтя за лучшее отсидеться в Казани [6, с. 233]. Это-то и стало поводом для окончательного разрыва отношений между ханом и «казанскими князьями». С уходом московских воевод Сафа-Гирей обвинил местную элиту в связях с Москвой [18, с. 46]. Справедливости ради следует сказать, что едва ли недовольные ханом вельможи действительно вступали в тайные переговоры с великим князем Иваном IV: сведений подобного рода не найти ни на страницах русских летописей, ни в дипломатической переписке тех лет. Но «раскрытый» ханом Сафой мнимый «заговор» сановников способствовал скорейшей подготовке заговора действительного.

Опасаясь ханской ярости, некоторые аристократы бежали из города ко двору князя Ивана или «по иным землям» [18, с. 46]³. Оставшиеся в Казани заговорщики видели лишь один путь спасения ханства – скорейшее замире-

² В частности, были разорены располагавшиеся на Свияге владения мирзы Муртозы, сам Муртоза вместе со своим сыном попал в плен; уничтожению подверглись и находившиеся под Казанью «царевы кабаки» – пожалованные казанской знати постоянные дворы, приносившие своим хозяевам немалый доход [18, с. 46; 3, с. 4–5].

³ Под «иными землями» летописец скорее всего подразумевал Ногайскую орду, с первых лет правления Сафа-Гирея ставшую пристанищем для «казанских эмигрантов» [12, с. 189].

ние с Москвой. 29 июля в Москву прибыли посланцы от главы заговорщиков Кадыш-бека, обещавшего выдать хана и его окружение в случае присылки к Казани государевых ратей. Не исключено, что в Боярской думе обсуждался вопрос: стоит ли ввязываться в военно-политическую авантюру? – глухой отзвук прений по этому вопросу донес до нас анонимный автор Казанского летописца [16, стб. 50–51]. В результате правительство пришло к компромиссному решению. Иван IV «послал ... грамоту с своим жялованием, чтобы они (заговорщики. – *Н.Б.*) царя изымали и держали, а князь великий к ним рать свою пошлет» [18, с. 47]. Иными словами, «князи» должны были своими силами совершить военный переворот, и лишь после этого собранное на границе с Казанским ханством русское войско могло оказать им поддержку против возможных военных акций со стороны потенциальных союзников Сафа-Гирея – крымских, ногайских и астраханских татар.

В ноябре–декабре 1545 г. заговорщики перешли к решительным действиям: в столице ханства произошел переворот. Окружавшие правителя выходцы из Крыма были в большинстве своем перебиты, а сам Сафа-Гирей, будучи «согнанным» с престола, отъехал в степь [18, с. 47, 146; 14, с. 148; 15, с. 447; 16, стб. 49; 17, с. 466; 19, с. 136; 20, с. 27]. Пребывая во Владимире, князь Иван 17 января 1546 г. узнал о свержении своего противника. Уже на приеме в Москве посланник временного аристократического правительства (во главе которого стояли лидер казанского духовенства Биюрган-сейид, князь Кадыш-Бек и Чура Нарыков) Гаммет-ших вручил Ивану IV грамоту с просьбой о возведении на казанский престол касимовского «царя» Шах-Али. По приказу государя в Казань для переговоров о союзе и избрании нового хана отправился воевода Евстафий Андреев [18, с. 47–48]. Казанские «князи» выполнили свою часть договора. Исполнил свои обещания и Иван IV: к середине апреля 1546 г. в Нижнем Новгороде должно было собраться русское войско, помимо прочего включавшее в себя порядка 1000 конных воинов и 1300 пищальников из Новгорода Великого⁴.

Тем временем, пока московские войска собирались на границе, в Казани развернулась дискуссия по поводу дальнейшей судьбы Казанского государства. По сообщению Казанского летописца, вопрос о кандидатуре хана вызвал бурное обсуждение в среде местной знати: назывались имена «какова-либо» крымского «царевича», московского и турецкого ставленников и... даже недавно изгнанного хана Сафа-Гирея [16, стб. 50]! Могла ли подобная «межпартийная борьба» происходить в столице юрта зимой 1546 г.? И какова была общая расстановка политических сил в Казани в 1545/46 гг.? По нашему мнению, эти важнейшие вопросы требуют обстоятельного разьяснения.

Согласно устоявшейся в историографии точке зрения, в Казани уже к концу XV в. формируются национально ориентированные «партии»: промосковская и восточная, стремившиеся при любом удобном случае возвести на

⁴ Разрядный и разметный списки о наборе с города 1973 человек «на конех» и 2000 пищальников были получены в Новгороде в сентябре 1545 г. – незадолго до переворота в Казани. Позднее, в феврале 1546 г., после ряда челобитных норма была существенно снижена. Впрочем, новгородцы не до конца выполнили и эту разнорядку: в споре с обладавшими существенным правовым иммунитетом купцами-сурожанами новгородский посад недодал в государево войско 40 пищальников [2, с. 184–195; 13, с. 618].

ханский трон своего кандидата. В недавнее время эта концепция подверглась убедительной критике со стороны М.В. Моисеева, отнесшего время становления подобных «партий» к середине 1540-х гг. Признавая верность аргументации М.В. Моисеева, автор настоящей статьи не может, однако же, вполне согласиться с выводом исследователя, считающего, что уже в ходе интересующего нас переворота 1545 г. «можно отчетливо выделить "партии" казанской знати» [8, с. 27]⁵. Приводимая М.В. Моисеевым в качестве главного (и единственного) аргумента фраза официального летописца о «розни» в Казани накануне свержения Сафа-Гирея никак не может трактоваться как несомненное свидетельство «поляризации казанского населения». «Рознь» в данном случае куда логичнее перевести как «вражду» [24, с. 208], что наилучшим образом соответствует летописному контексту: «И оттоле начяша рознь быти в Казани, царь почял на князеи неверку держати» [18, с. 46]. Как видим, вторая часть известия достаточно ясно раскрывает значение первой – летописец сообщает о начавшейся открытой вражде, противостоянии *знати и хана*. Существенным аргументом в пользу монолитности аристократии во время ноябрьско–декабрьских событий может служить отсутствие каких-либо упоминаний о преследованиях казанских сторонников Сафа-Гирея; защищать правителя вышла лишь крымская гвардия, большая часть которой полегла на улицах объятого мятежом города. Русские летописи, а также письма сыновей ногайского бия Юсуфа говорят об одном: потерявшие всякое терпение казанцы выступили против крымской клики единым фронтом⁶. Не удастся обнаружить следы «партийной борьбы» и в начале переговоров временного правительства с Москвой⁷. Так, официальное летописание прямо говорит о том, что уже первое посольство временного правительства от имени «всей земли Казанской» просило прислать в Казань «Шигалея царя» [18, с. 48]. О том же свидетельствуют Холмогорская летопись [19, с. 136] и дополнительные статьи Библиотечного VIII списка разрядной книги 1487–1577 гг.⁸ Имевший самое непосредственное отношение к возведению на престол Шах-Али, а потому чрезвычайно осведомленный дьяк Постник Губин также отметил, что приславшие посла казанцы обязались «во всей ... в воле великого князя быти» [20, с. 27]. Предположения о существовании в среде татарской аристократии лиц, поддерживавших грабительский режим Сафа-Гирея выглядят и вовсе фантастичными. Прямым подтверждением тому является неудачная попытка свергнутого правителя вернуть себе ханский престол.

⁵ В подобном ключе о перевороте 1545 г. высказывались и предшествующие исследователи, в частности, М.Г. Худяков [26, с. 97–99].

⁶ Не случайным в этой связи представляется уточнение официального летописца: «Казанцы Сафа-Кирея царя с Казани согнали, а *крымских* (здесь и далее выделено нами – Н.Б.) люди многих побили» [18, с. 47]. В тех же выражениях описывали переворот и ногайские адресанты князя Ивана: «и казанские люди ... Сафакирея царя опять с Казани сослали» [12, с. 293]. Автор Казанского летописца также высказался более чем красноречиво: «воста в Казани, в велможах и во всем народе и во всем люду казанском, смятение великое; возвигоша бо крамолу *все*, соединившеся большие с меньшими, на царя своего Сапкирея» [16, стб. 49].

⁷ А.Б. Кузнецов полагает, что переговоры с Иваном IV вела некая «прорусская группировка» казанцев [7, с. 15], что совершенно невероятно, ведь источники свидетельствуют: диалог с Москвой вела не аморфная группа феодалов, но – «вся земля Казанская».

⁸ Российская национальная библиотека, Отдел рукописей (ОР РНБ). Q.IV.86. Л. 168.

Сразу же после своего свержения Сафа-Гирей отправился в Астрахань. Получив военную поддержку астраханского хана, он выступил в поход на Среднюю Волгу. Прибыв под стены Казани во главе отряда астраханских татар, Сафа-Гирей «чаял того, нечто-ль де князи и лучшие люди его похотят». Но казанская знать даже не попыталась оказать ему поддержку. Отчаявшись взять город «единою стрелою» (т.е. – без осадной артиллерии), уязвленный Сафа-Гирей отступил в степь [11, с. 271–272]⁹.

Подытожим наши наблюдения. Очевидно, раскол в среде татарской политической элиты произошел лишь после изгнания Сафа-Гирея, в ходе выборов нового хана зимой–весной 1546 г., когда казанская знать разделилась на два противостоящих лагеря: сторонников и противников вынужденного сближения с Москвой. Пока речь шла о смене Сафа-Гирея, казанская знать стояла заодно и готова была просить Ивана IV о помощи. После бегства Сафы и отражения его нападения на город казанские феодалы разделились на два лагеря: одни ратовали за дальнейшее сотрудничество с Москвой и готовы были посадить на престол московского ставленника Шах-Али, другие выступали за самостоятельное политическое развитие Казанского ханства (повторимся, ни о какой прокрымской «партии» после изгнания и последующей борьбы с Сафа-Гиреем не могло быть и речи!). Оппозиции, несогласной с решением «всей земли Казанской», пришлось уступить свои позиции: 8 июня, накануне приезда Шах-Али, город покинула целая плеяда высокопоставленных татарских сановников [20, с. 27]. 13 июня 1546 г. Шах-Али был возведен на «царство» [18, с. 48].

Шах-Али уже управлял Казанью в 1519–1521 гг. и был согнан с престола казанской знатью, пригласившей на его место молодого Сафа-Гирея. Второе правление московского ставленника также было несчастливим. Испросившая его у Ивана IV казанская знать отнюдь не была русофильствующей – она руководствовалась сугубо прагматическими интересами: обеспечением мира с Москвой и реализацией своих властных прерогатив. В соответствии с выдвинутыми аристократией условиями, Шах-Али обязался не вводить в столицу ханства русский гарнизон. Нового хана сопровождали лишь великокняжеские посланники и, возможно, некоторые касимовские «мурзы» и «князья» [18, с. 48; 16, стб. 51]. Говоря о крайне непрочном положении Шах-Али, московский книжник заметил, что он был «не яко царь, но яко пленник» [16, стб. 52]. Изложенные на страницах Казанского летописца обстоятельства кратковременного «пленения» Шах-Али носят в значительной степени тенденциозный характер, однако, в то же время, содержат весьма правдоподобные отголоски развернувшейся у подножия ханского трона политической борьбы. Шах-Али был фактически отстранен от управления ханством. Оставшиеся в Казани противники Москвы якобы даже намеревались убить хана, но были остановлены увещаниями Чуры Нарыкова. Инициатор приглашения Шах-Али, один из деятельных организаторов заговора против Сафа-Гирея, ловкий политик Чура опасался возобновления войны с московским государем. Кроме того, он должен был остерегаться и возвращения изгнанника Сафа-Гирея, который в случае гибели Шах-Али становился главным претендентом на казанский престол. Уже через месяц после своего воцарения,

⁹ РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 9. Л. 27об.

Шах-Али, «не стерпе лукавства казанцов», вынужден был бежать в Москву [25, с. 358; 4, с. 436]. В сходных выражениях бегство Шах-Али описывается в Постниковском летописце и позднем летописании [20, с. 27; 5, с. 213]. Сам Шах-Али объяснял свой поступок прямой изменой казанцев: «казанцы изменили великому князю и взяли Сафа-Кирея царя, а его хотели выдати Сафа-Кирею царю» [18, с. 48, 147; 14, с. 148–149; 15, с. 448; 17, с. 467].

Сличение данных официального летописания с «ногайской» перепиской московского двора позволяет установить наиболее вероятную причину поспешного бегства Шах-Али. После провального похода на Казань зимой 1545/46 г. Сафа-Гирей отправился во владения своего тестя – ногайского мирзы Юсуфа. Щедрое обещание и посулы бывшего казанского хана возымели действие – во главе сильного отряда ногайских татар он вновь двинулся на Среднюю Волгу [11, с. 143]¹⁰. В Казани о движении Сафа-Гирея стало известно лишь когда его войска подошли к реке Каме. Для ожидавшего отовсюду измены Шах-Али одного этого было достаточно, чтобы увериться в существовании заговора. Московский ставленник бежал из города. Однако даже после бегства правителя казанская знать, как и несколькими месяцами ранее, сообща выступила против возвращения Сафа-Гирея. По сообщению посольских книг, из Казани к нему приехали не «добрые» (знатные), а лишь «худые люди» [11, с. 274]. В результате тяжелых восьмидневных боев Сафа-Гирей вступил в город [11, с. 273–274]. Жестокие репрессии, обрушившиеся на головы казанской знати (причем далеко не только той ее части, что открыто выступала за союз с Москвой), нанесли серьезный урон обороноспособности ханства: многие аристократы подверглись смертной казни, порядка сотни «князей» бежали ко дворам Ивана IV и ногайского мирзы Юсуфа [18, с. 49; 20, с. 27–28; 12, с. 294, 297, 320]. По-сути, кровавое возвращение Сафа-Гирея ознаменовало собой отнюдь не рождение «крымской партии» во главе с казанским вельможей Бейбарс-беком, как о том пишет М.В. Моисеев [8, с. 28]¹¹, а *тотальную смену высшей управленческой элиты Казанского ханства*. Недаром русские летописи едва ли не единодушно утверждают, что Сафа-Гирей «стал владети Казанью с крымскими князьями» [18, с. 49, 148; 14, с. 149; 15, с. 450; 17, с. 468; 20, с. 27–28], а непосредственный участник переворота – ногайский «царевич» Абдулла – говоря о ближайшем ханском окружении, упоминает лишь «всех ево крымцев» [11, с. 275].

Основными итогами переворота 1546 г. стало не только существенное ослабление казанской аристократии, частично уничтоженной Сафа-Гиреем, частично бежавшей со Средней Волги, но и резкое ухудшение международного положения Казанского ханства. Ногайские родственники хана Сафы оказались обмануты: вопреки щедрым обещаниям, за свою помощь они

¹⁰ Подробно о переговорах Сафа-Гирея с князем Юсуфом см.: [9, с. 176].

¹¹ Построения М.В. Моисеева опираются в данном случае исключительно на послание астраханца Шерифи, сообщавшего среди прочего, что Бейбарс – «городской бек, правитель Булгарского вилайета, ... управитель делами областей султана, завоеватель ханской казны» [27, с. 90]. На наш взгляд, осведомитель султана Сулеймана отразил в своем послании куда более поздние реалии 1550 г., когда после смерти Сафа-Гирея и восшествия на престол его сына Утямышы старая казанская аристократия отчасти вновь получила доступ к рычагам управления юртом.

не смогли добиться от нового казанского хана каких-либо преференций. Кроме того, перед новым казанским правительством вновь встал вопрос о продолжении вооруженной борьбы с Русским государством. Таким образом, Казань оказалась на грани войны сразу с двумя своими соседями – Москвой и Ногайской Ордой [23, с. 173–174]. Все это вкупе с нестабильной внутриполитической ситуацией, наличием впечатляющих по своим масштабам групп казанских эмигрантов при дворах Ивана IV и ногайских мирз ставило под угрозу безопасность Казанского ханства.

Итак, анализ источников позволяет следующим образом реконструировать перипетии политической борьбы в Казани в начале Казанской войны. Агрессивная политика Сафа-Гирея, при поддержке Крыма организовывавшего беспрестанные нападения на русские окраины, привела к ответному походу московских полков, состоявшемуся в апреле–мае 1545 г. Обострившийся конфликт хана Сафы и местной казанской знати привел к политическим репрессиям мая–июня 1545 г. В этой ситуации желавшие свергнуть неугодного хана казанцы обратились к Ивану IV. Переворот и изгнание Сафа-Гирея из Казани в ноябре–декабре того же года произошли благодаря единению всех групп населения юрта. То же единение наблюдалось и несколькими месяцами позднее – при обороне города от астраханского войска Сафа-Гирея. Избавившись от засилия крымцев, казанская знать раскололась. Большая ее часть выступила за дальнейшее сближение с Москвой при условии максимального ограничения власти московского ставленника Шах-Али: эта позиция позволяла сохранять мир на западной границе, надеяться на военную помощь Москвы в случае очередного возвращения Сафа-Гирея, а также давала возможность казанским феодалам в полной мере реализовать свое право на управление государством. Другая часть воспротивилась посажению на престол Шах-Али, вероятно, опасаясь русского засилья, как то было в правление Василия III; будучи не в силах противостоять мнению большинства, она покинула Казань. Шах-Али номинально правил около месяца и, по видимому, во второй половине лета 1546 г. бежал из столицы, опасаясь, что казанская знать предаст его в руки идущего на Казань Сафа-Гирея. Однако «вся земля Казанская» вновь объединилась против своего бывшего хана. С боем овладев Казанью, Сафа-Гирей учинил масштабную расправу над своими политическими оппонентами, значительная часть уцелевших бежала в Москву и Ногайскую Орду. К власти в Казани пришла не мифическая «крымская партия» казанской знати (коей попросту не могло существовать), а крымское окружение хана Сафа-Гирея – неоднократно упоминающиеся в источниках этого периода «все его крымцы». Лишь смерть Сафа-Гирея в марте 1549 г. и восшествие на престол его сына – малолетнего Утямыш-Гирея – вновь открыли старой казанской знати доступ к рычагам управления Казанским ханством, что и было зафиксировано в сочинении астраханца Шерифи и русских летописях, сообщавших: «И посадили казанцы и крымцы, *содиначася*, на царство на Казанское ... Утемиш-Гирея» [18, с. 56].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абилов Ш.Ш.* Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли. Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1979. С. 56–63.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1836. 546 с.
3. *Димитриев В.Д., Чибис А.А.* К истории кабаков и кружечных дворов в Казанской земле во второй половине XVI–XVII вв. // Вестник Чувашского университета. 2005. Вып. 3. С. 3–22.
4. *Жуков А.Е.* Временник русский по степеням // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2012. С. 275–448.
5. *Корецкий В.И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // Летописи и хроники. Сборник статей. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 187–218.
6. *Котляров Д.А.* От Золотой Орды к Московскому царству: вхождение народов Поволжья в состав России. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2017. 352 с.
7. *Кузнецов А.Б.* Русский поход на Казань 1545 года и его последствия // Вестник Мордовского университета. 1997. № 1. С. 13–16.
8. *Моисеев М.В.* Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.
9. *Моисеева Г.Н.* Казанская царица Сююн-Бике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 174–187.
10. *Несин М.А.* Походы казанских татар на Нижегородские земли в 1535–1536 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 7. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2015. С. 116–120.
11. Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. 8. СПб., 1793. 336 с.
12. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. / Сост. Б.А. Кельдасов, Н.М. Рогожин, Е.Е. Лыкова, М.П. Лукичев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1995. 356 с.
13. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 158 с.
14. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1904. 302 с.
15. ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. 238 с.
16. ПСРЛ. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 306 с.
17. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Львовская летопись. СПб., 1914. 272 с.
18. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
19. ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 256 с.
20. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 237 с.
21. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 616 с.
22. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М.: Наука, 1977. 216 с.
23. *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола; Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 268 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться – Ряшенко). М.: Наука, 1997. 298 с.

25. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008. 564 с.
26. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Государственное издательство, 1923. 304 с.
27. Шерифи Х. «Зафер наме-и вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 83–92.

Сведения об авторе: Никита Васильевич Белов – студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (191180, Загородный пр-т, 45, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2342-694X>. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Поступила 29.03.2019 Принята к публикации 03.06.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. Abilov Sh.Sh. Idei sotsial'noy utopii v nasledii tatarskikh mysliteley perioda srednevekov'ya [Ideas of social utopia in the legacy of Tatar thinkers of the middle ages]. *Iz istorii tatarskoy obshchestvennoy mysli* [From the History of Tatar Social Thought]. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of the USSR, 1979, pp. 56–63. (In Russian)
2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiy imperatorskoy Akademii nauk* [Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archaeological Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg, 1836. 546 p (In Russian)
3. Dimitriev V.D., Chibis A.A. K istorii kabakov i kruzhechnykh dvorov v Kazanskoj zemle vo vtoroy polovine XVI–XVII vv. [To the history of taverns and circular yards in the Kazan land in the second half of the 16th – 17th centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the University of Chuvashia]. 2005, Is. 3, pp. 3–22. (In Russian)
4. Zhukov A.E. Vremennik russkiy po stepenyam [Russian Chronicle by Degrees]. *Letopisi i hroniki. Novye issledovaniya. 2011–2012* [Annals and Chronicles. New Studies. 2011–2012]. Moscow, St. Petersburg: «Alliance-Archeo», 2012, pp. 275–448. (In Russian)
5. Koretskiy V.I., Morozov B.N. Letopisets s novymi izvestiyami XVI – nachala XVII v. [Chronicle with the new information of the 16th – early 17th century]. *Letopisi i hroniki. Sbornik statej. 1984 g.* [Annals and Chronicles. Collected Papers. 1984]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 187–218. (In Russian)
6. Kotlyarov D.A. *Ot Zolotoy Ordyy k Moskovskomu tsarstvu: vkhozhenie narodov Povolzh'ya v sostav Rossii* [From the Golden Horde to the Moscow Tsardom: the entry of the Volga's peoples into Russia]. St. Petersburg: «Oleg Abishko's Publ.», 2017. 352 p. (In Russian)
7. Kuznetsov A.B. Russkiy pokhod na Kazan' 1545 goda i ego posledstviya [The Russian campaign against Kazan in 1545 and its consequences]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Bulletin of the University of Mordovia]. 1997, no. 1, pp. 13–16. (In Russian)
8. Moiseev M.V. Politicheskaya bor'ba kazanskoy znati: istoriografiya i russkie istochniki [The political struggle of the nobility of Kazan: Russian historiography and sources]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States].

Vol. 5. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 20–30. (In Russian)

9. Moiseeva G.N. Kazanskaya tsaritsa Syuyun-Bike i Sumbeka «Kazanskoy istorii» [The Kazan Tsarina Syuyun-Bike and Sumbeka of the “Kazan History”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of Department of Old Russian literature]. Vol. 12. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1956, pp. 174–187. (In Russian)

10. Nesin M.A. Pokhody kazanskikh tatar na Nizhegorodskie zemli v 1535–1536 gg. [Campaigns of the Kazan tatars on the Nizhny Novgorod lands in 1535–1536]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Vol. 7. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, pp. 116–120. (In Russian)

11. *Prodolzhenie Drevney rossiyskoy vivliofiki* [The continuation of Ancient Russian Vivliofika]. Part 8. St. Petersburg, 1793. 336 p. (In Russian)

12. *Posolskie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Russian Relations with the Nogai Horde. 1489–1549]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe Publ., 1995. 356 p. (In Russian)

13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 4. Ch. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. Release 1. Part 3 [Novgorod Fourth Chronicle]. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1929. 158 p. (In Russian)

14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 13. Ch. 1. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Ch. 1. Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1904. 302 p. (In Russian)

15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 13. Ch. 2. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Ch. 2. Additions to the Nikon Chronicle. The So-called Royal Book]. St. Petersburg, 1906. 238 p. (In Russian)

16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 19. Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets) [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19. The Story of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler)]. St. Petersburg, 1903. 306 p. (In Russian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 20. Ch. 2. L'vovskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20. Ch. 2. Lviv Chronicle]. St. Petersburg, 1914. 272 p. (In Russian)

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 29. Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 29. Chronicler of the Beginning of the Reign of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 390 p. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 33. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskoy letopisets [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 33. Kholmogorsk Chronicle. Dvina Chronicler]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 256 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* T. 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moskovskiy i Bel'skiy letopistsy [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belskiy Chronicles]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 237 p. (In Russian)

22. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Books of official instructions 1475–1598]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 616 p. (In Russian)

23. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Books of official instructions 1475–1605]. Vol. 1. Release 2. Moscow: Nauka Publ., 1977. 216 p. (In Russian)

24. Svechnikov S.K. *Prisoedinenie Mariyskogo kraya k Russkomu gosudarstvu* [Accession of the Mari region to the Russian state]. Yoshkar-Ola: Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 268 p. (In Russian)

25. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language of the 11th–17th centuries]. Vol. 22. Moscow: Nauka Publ., 1997. 298 p. (In Russian)

26. *Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneyshim spiskam* [The Book of Degrees of the Royal Genealogy: A Critical Edition Based on the Oldest Known Manuscripts]. Vol. 2. Moscow, Languages of Slavic cultures Publ., 2008. 564 p. (In Russian)

27. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Kazan: State Publ., 1923. 304 p. (In Russian)

28. Sherifi Kh. «Zafer name-i vilayet-i Kazan» [The book of victories of the Kazan vilayet]. *Gasyrlar avazy = Ekhho vekov* [Echo of the Centuries]. 1995, no. 1, pp. 83–92. (In Russian)

About the author: Nikita V. Belov – student of the Institute of History of St. Petersburg State University (45, Zagorodnyi prosp., St. Petersburg 191180, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2342-694X>. E-mail: belovnikita1997@yandex.ru

Received March 29, 2019 Accepted for publication June 3, 2019

Published June 29, 2019

УДК 94(47):81'373.6

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371

ШИБАНЫ: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЭТНОНИМ**В.В. Трепавлов**

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
trepavlov@yandex.ru*

Цель: изучить исторические обстоятельства появления в Дешт-и Кыпчаке XV в. политонима *шибаны* и определить обстоятельства, помешавшие ему превратиться в этноним.

Материалы исследования: использованы сочинения среднеазиатских, персидских и европейских авторов XV–XVII вв. (Абу-л-Гази, Утемиш-хаджи, Фазлаллаха Исфакани, Хондемира, Сигизмунда Герберштейна, Махмуда б. Вали, Павла Иовия Новокомского и др.), русские летописи и материалы дипломатической переписки за тот же период, памятники фольклора.

Результаты и научная новизна: в течение XV в. в Дешт-и Кыпчаке, в общей массе тюркских кочевых племен, известных под общим названием узбеков, из населения улуса Шибана и подданных ханов-Шибанидов начала складываться общность, получившая в источниках наименование *шибаны* (*шибанлыг*, *шибанийан*). Наряду с формировавшимися одновременно сообществами казахов и ногаев, она имела потенциал для превращения из рыхлой совокупности тюркских родов в более стабильную этносоциальную структуру – и в итоге для образования собственного государства, а в нем – особой этнической общности с собственной (шибанской) идентичностью. Однако ряд исторических обстоятельств (усиление казахов, отделение ногаев от бывшего Узбекского ханства, массовые миграции узбеков в Среднюю Азию) не позволили завершиться этому процессу. На новых местах проживания, в Мавераннахре и Хорезме, у мигрантов возобладала узбекская идентичность (наряду с прежней родоплеменной). Обозначение *шибаны* сначала оставалось там за подданными хана Мухаммеда Шейбани и династии Шибанидов, но довольно быстро вышло из употребления.

Ключевые слова: шибаны, узбеки, казахи, чагатаи, улус Шибана, Дешт-и Кыпчак, миграция

Для цитирования: Трепавлов В.В. Шибаны: несостоявшийся этноним // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 351–371. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371

THE SHIBANS: A FAILED ETHNONYM**V.V. Trepavlov**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
trepavlov@yandex.ru*

Abstract: Objective: To study the historical circumstances of the emergence in the 15th century Dašt-i Kipchak of a politonym, *Shibans*, and to define the circumstances which have prevented its successful transformation into an ethnonym.

Research materials: This article is based on the works of Central Asian, Persian and European authors of the 15th–17th centuries (Abu-l-Ghazi, Ötemish Hajji, Fadlallah Isfahani, Khondemir, Mahmud b. Wali, Siegmund Herberstein, Paulus Iovius Novocomensis, etc.), the Russian chronicles, materials of diplomatic correspondence during the same period, and folklore texts.

Results and novelty of the research: Within the 15th-century Dašt-i Kipchak, in the concentration of the Turkic nomad tribes known under the general name of Uzbeks, the community which has received the name of *Shibans* began to be formed from the population of the ulus of Shiban and the subjects of the Shibanid Khans. Similar to the communities of the Kazakhs and the Nogays formed at the same time, it had a potential for transformation from a fragile set of Turkic clans into a more stable ethno-social structure – something which would result in the forming of its own state, inside of which there would exist a special ethnic community with own (Shiban) identity. However, a number of historical circumstances, such as the strengthening of the Kazakhs, the separation of the Nogays from the former Uzbek khanate, and the massive migration of the Uzbeks to Central Asia, did not allow this process to ultimately unfold. In the new places of residence, in Transoxiana and Khwarezm, the Uzbek identity prevailed among the newly arrived migrants (along with former tribal ones). The designation of *Shibans* at first remained there for the subjects of Muhammad Shaybani Khan and of the Shibanid dynasty, but rather quickly it fell out of use.

Keywords: Shibans, Uzbeks, Kazakhs, Chagatays, Shiban's ulus, Dasht-i Kipchak, migration

For citation: Trepavlov V.V. The Shibans: A Failed Ethnonym. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 351–371. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.351-371

В средневековой истории евразийских степей неоднократно появлялись обобщенные обозначения больших этнополитических массивов. Обычно такие обозначения играли роль политонимов – надплеменных и внеродовых показателей принадлежности к тому или иному политическому объединению (политии, улусному уделу, государству). Некоторые из них со временем теряли такое обобщенное значение, сохраняясь за отдельными клановыми коллективами в составе различных этносов (например, кипчаки), другие впоследствии становились этнонимами. Среди подобных наименований эпохи позднего средневековья («постордынского» периода XV–XVII вв.) в разноязычных источниках встречается название *шибаны* (тюрк. *шибанлыг*, перс. *шибанийан*). Оно теоретически также имело потенциал для превращения из политонима в этноним¹, но история распорядилась иначе. На фоне активных

¹ Может быть, такой же потенциал имелся у понятия *тюмен* применительно к населению Тюменского ханства. Это понятие происходило от «Тюмень» – второго наименования столицы ханства, Чимги-Туры, и совпадало с названиями ордынского десяти тысячного воинского подразделения, а также одного из племен/элей Дешт-и Кипчака (о нем см., например [23, с. 44; 32, с. 16, 17, 97; 36, с. 231, 234, 236–242]). С. Герберштейн упоминает тюменских татар наряду с татарами «шибанскими» и «козацкими» [6, с. 181], а Кучум титуловался ханом сибирским и тюменским (см. ниже). Впрочем, современник Герберштейна Павел Иовий знал о шибанах и ногаях, но о тюменах не упомянул (см. [39]). В принципе, тюмены отождествимы «с какой-то частью предков современных сибирских татар и башкир» [36, с. 237], однако известно, что народ Сибирского юрта именовал себя *сибир халкы* (правда, это отражено в поздних фольклорных записях – см. [20, с. 235; 48, с. 217, 218]). Существовала еще одна Тюмень – кавказская, в низовьях Терека.

фигурантов событий той эпохи – узбеков, ногаев, казахов, ойратов и др. – шибаны явно теряются, и историки не видят в них равноправного участника «постордынского» передела Евразии. Их особость, как правило, не замечается исследователями, рассматривающими шибанов иногда как синоним узбеков (см., например [65, с. 87–90]) или как «собственно узбеков» [21, с. 253].

Несомненное происхождение онима *шибаны* от имени Шибана – сына Джучи и внука Чингиз-хана – имеет наглядные аналогии в евразийской истории. В основе названий узбекского и ногайского народов многие (но далеко не все!) историки склонны видеть имена золотоордынских правителей XIII (Ногай) и XIV (Узбек) веков. Однако если в отношении этих двух наименований выдвигаются альтернативные версии, то возведение названия шибанов к Шибану считается бесспорным. Тем более, что иногда в текстах XVI в. это название представлено без уточняющих и словообразующих аффиксов. – Например, в тюркской поговорке, цитируемой Утемиш-хаджи, где оно явлено в виде имени царевича-Джучида в нарицательном значении (публикаторами дается в арабизированном варианте: Шайбан): «Шэйбанның² кери кенеш» [61, с. 131]; в наименовании «шибанидских узбеков» *узбакан-и шибани* у Мухаммеда Хайдара Дуглата [71, с. 126]. Переводится оно по-разному: «шибаниды», «шибаниты», «шайбаниды», «шейбаниды», «шибановцы», «шибанцы» (см., например [4, с. 155; 24, с. 101; 54, с. 10; 62, с. 10, 62]), и корректно трактуется как династия или племя Шибана, искусственно уподобляясь встречающимся в текстах выражениям *ханедан-и шибанийан* и *кабиле-йи шибанийан*.

Первое поколение Джучидов, к которым принадлежал пятый сын Джучи Шибан, активно действовало во второй и третьей четвертях XIII в. В отличие от большинства прочих Джучиевых сыновей (всего их было четырнадцать), Шибан активно присутствовал в политическом дискурсе Дешт-и Кыпчака и двести пятьдесят-триста лет спустя; причем, его потомки и их современники приписывали ему ханский титул: «Стоит промеж Чангысовых царевых детей наш отец (т.е. предок. – В.Т.) Шыбал **царь**, стоит с твоим юртом в опришнину... (здесь и далее цитатах выделено мною. – В.Т.)» [47, с. 46 – послание тюменского хана Ибака Ивану III 1489 г.]; неукоснительно титулует Шибана ханом Утемиш-хаджи [61, с. 29–33, 43, 57, 59]. Клан потомков Шибана своими достижениями на военном поприще и в государственном строительстве на землях бывшего Чагатайского улуса в XVI в. обрел такую выдающуюся репутацию, что хронисты в Центральной Азии и на Ближнем Востоке даже приписали родоначальнику Шибанидов первенство в царствовании над Золотой Ордой: «Первый из Чингизидов, воцарившийся в Деште, был **Шибанхан**, один из потомков Йуджихана (Джучи. – В.Т.), сына Чингизхана. Он царствовал долгое время», пока власть у его наследников якобы не отняли «сыновья Саинхана» (т.е. потомки

Об этом владении с несомненно тюркским населением сохранилось чрезвычайно мало сведений (из последних исследований см. [10]). В литературе высказывалось мнение, что там сформировалась особая «кочевая тюркская этническая группа», возглавлявшаяся собственной правящей династией. В результате местных междоусобиц и конфликтов с Россией и Шамхальством «тюменцы» в конце XVI – начале XVII в. переселились в Эндиреевское княжество и постепенно были ассимилированы кумыками [27, с. 52]. Очевидно, что эти кавказские тюмены не имели никакого отношения к сибирским.

² Традиционно передано переводчиками как «Шейбаниды/Шайбаниды» [60, с. 117 (В.П. Юдин); 61, с. 58 (И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова)].

Бату) [12, с. 383 – османский историк Дженнаби, кон. XVI в.]; «Султаны сидят там (в своих улусах в Деште. – *В.Т.*) до сих пор еще со времени Ючи-хана (Джучи. – *В.Т.*) и Шибан-хана и пользуются пастбищами» [62, с. 94].

Об улусе (удельном владении) Шибана помнили и в те времена, когда на пространстве, включавшем его бывшую территорию, сформировались самостоятельные государства – Казахское и Тюменское ханства и Ногайская Орда: хронист Фазлаллах б. Рузбихан (нач. XVI в.) отозвался о бухарском султани как об «одном из знаменитых богатырей улуса Шибана» [62, с. 94]. В литературе отмечалось знакомство русских источников второй половины XVI в. с «Шибанской землей» [53, с. 9]. Шибаниды, Шибанская Орда в составе «Скифии» и «Азиатской Сарматии» фигурировали на европейских картах еще в начале XVII в. (см. [63, с. 102, 104]).

В историографии встречается мнение, что рангом хана реально обладал не только сам Шибан, но и его преемники во главе его улуса – во всяком случае, ближайшие, до начала XIV в. [50, с. 26]. Иногда исследователи высказываются осторожнее, учитывая монополию на ханствование единственного ордынского монарха: «...Власть в роде Шибанидов в течение нескольких поколений передавалась от отца к сыну, т.е. по прямой линии» [55, с. 20; см. также: 29, с. 163] (хотя не вполне понятно, что такое в данном случае «власть в роде» – с ханским рангом или без него?).

Конечно, речь не может идти о существовании самостоятельного ханства Шибанидов внутри Улуса Джучи. Однако особое положение их владений все же просматривается. Сообщение Абу-л-Гази о наделении Шибана четырьмя подвластными племенами, является, по резонному замечанию В.П. Костюкова, «весьма красноречивым». Именно четырехклановая структура правящей элиты была присуща самостоятельным кочевым владениям и свидетельствовала об «известной автономии и нерядовом характере» данного пожалования [24, с. 99, 100]. В конкретной ситуации противостояния различных ответвлений Джучидов появление особого обозначения для потомства Шибана свидетельствует о значимости этого клана (во всяком случае, значимости, пропагандируемой его сторонниками и позднейшими хронистами «шейбанидского круга»). Ведь не было в Дешт-и Кыпчаке *беркечаров*, *сингкумов*, *удуров* и прочих подобных общностей, носящих имена других сыновей Джучи. Придворные историки иной политической ориентации вознесли на щит лишь возвысившихся потомков одного из младших братьев Шибана, Туга (Тукай)-Тимура – Тугатмуридов, *хандан-и Тукай-Тимури* [3, с. 86]. Но и в том случае имя первопредка не использовалось в нарицательном смысле: *тугатимуры* не появились.

Территория улуса Шибана в целом известна и не вызывает споров, уточнения касаются разве что его конкретных границ. Основные контуры улуса описаны у Абу-л-Гази (XVII в.) [2, с. 162]. Это Западный и Центральный Казахстан, а также не упомянутые хивинским ханом-хронистом земли Юго-Западной Сибири. Кроме того, учитывая свидетельство Павла Йовия (вторая четверть XVI в.) о проживании «шибанских татар» к северу от Казани и к западу от ногаев [39] и другие доводы, высказывается мнение о присутствии шибанидских владений также в Приуралье и Зауралье [30, с. 115; 31, с. 369].

Наряду с назначенными Шибану в удел четырьмя элями, по Абу-л-Гази (кушчи, найманы, карлуки, буйраки/бараки), – ядром удела, в других источ-

никах упоминаются и несколько других племен, которые расселялись в шибанидских владениях и впоследствии, в XV в., входили в ханство Абу-л-Хайра, а на рубеже столетий были солидарны с Мухаммедом Шейбани во время его борьбы за власть и исхода в Мавераннахр: адгу, адлу-оглы, дурманы, ички, кунграты, мангыты, минги, нукузы, ойраты, сарики, тама, тарханы, ушуни/уйсуны [3, с. 85; 54, с. 18]³. Конечно, далеко не все из перечисленных клановых образований ушли с Шейбани в Среднюю Азию в полном составе. Многие из них, сохранив изначальные племенные названия, разделились на автономные части, которые обжились и стали кочевать в разных местностях Дешт-и Кыпчака, войдя в состав татарских и Казахского ханств и Ногайской Орды (кунграты, мангыты, минги и др.).

Большинство их составляло некогда «народ, принадлежавший Шибанхану» (*Шайбан ханга тагалуг ул-көн*), который хан Токтамыш, в изложении Утемиш-хаджи, после победы над Мамаем, т.е. около 1381 г., посоветовал собрать Араб-шаху (Араб-оглану) – потомку Шибана в пятом поколении [61, с. 59, 132]. Именно эти кочевники, населявшие в XIII–XV вв. улус Шибана, и образовали своеобразную общность, *эль-кун*, которая в источниках XV–XVII вв. обозначалась как *шибаны*.

Для того, чтобы эта разноплеменная масса начала осознавать себя в качестве единой политической (пока не этнической) общности, требовалось ее сплочение вокруг удачливого лидера – генератора побед, гаранта благоденствия, обогащения от торговых доходов и военных трофеев. Такие возможности то и дело стали появляться во время междоусобной смуты в Золотой Орде в 1360–70-х гг. В то время на место угасшего рода Бату стали претендовать представители других ответвлений Дома Джучи. Наибольшую активность проявили отпрыски династий Шибана и другого сына Джучи – Тукай-Тимура. Тукай-Тимуриды больше стремились к власти в левом крыле, где до того правила захиревшая к середине XIV в. династия Джучиева первенца, Орду-ичена [8, с. 165]. Шибаниды же устремились к Волге. Наверное, первым из них, кто сумел захватить власть в стольном Сарае, был Хызр, свергнувший в 1361 г. хана Науруза [70, с. 299]. Принадлежность Хызра к роду Шибана не очевидна, но крымский хронист первой половины XVIII в. Сейид Мухаммед Риза называет его первым при перечислении правителей-Шибанидов, властвовавших в Золотой Орде во время и после «великой замятни»: «За это время большинство татарских племен (*кабиле*) переселилось в пределы Крыма. Правителями оставшихся малочисленных племен (*каум*) стали находившиеся в... Деште и болгарских землях ханы по имени Хизр, Махмуд-Ходжа, Абу-л-Хайр, Шейх-Хайддар, Баян-Ходжа, Ядгар и Эминек из рода Шибана. Затем власть над теми землями перешла к потомкам Рус-хана» (т.е. к казахским ханам. – *В.Т.*)» (цит. по [35, с. 27]).

Махмуд б. Вали (первая половина XVII в.) уверенно называет 835 год хиджры (1431/32) «началом выступления шайбанидов», приурочивая это к воцарению Абу-л-Хайра [32, с. 346]. Дата этого события в историографии несколько скорректирована (1428 или 1429 г.), но привязка активности потомков Шибана к интронизации могущественного правителя заслуживает

³ Вероятно, наиболее подробный разбор кланового состава улуса Шибана сделан Д.М. Исхаковым [14, с. 66–80].

внимания. Возможно, Махмуд б. Вали как хронист «шейбанидского круга» подчеркнул значение этого события с целью противопоставления узбекского ханства Абу-л-Хайра своим современникам – казахским владетелям, перехватившим у потомства Абу-л-Хайра главенство в Деште. То есть в конце XIV в. начался, а в начале второй трети XV в. достиг апогея процесс консолидации этнополитической общности *шибаны*, обозначавшейся именем родоначальника ее царственных предводителей. Сплоченность степняков под властью единовластного правителя Абу-л-Хайра была тем более заметной на фоне сумятицы предыдущих трех десятилетий, когда распад Ордынской державы затронул и улус Шибана, расколовшийся на несколько самостоятельных уделов-«квазигосударств» (см. [29, с. 165; 50, с. 28]).

Несомненна связь общности шибанов с более широким и таксономически более высоким понятием *узбеки*. Считается, что впервые оно было употреблено персидским автором Хамдаллахом Казвини (первая половина XIV в.) при описании похода на Азербайджан в 1335 г. войска золотоордынского хана Узбека, которое он называет узбекцами/узбековцами (*узбекиан*), а их страну – государством узбекцев (*мамлакат-и Узбеки*) [21, с. 224]. С конца XIV в. хронисты использовали также понятия *дийар-и узбек* и *вилаят-и узбек* для восточной части Улуса Джучи [4, с. 38]. Впоследствии в исторической памяти жителей Центральной Азии имя народа оказалось неразрывно связанным с этим ханом – реальным или домышленным эпонимом узбекского народа: «Он [Узбек] приказал: “Пусть все люди в моем царстве, кто стал мусульманином, называются в честь меня”. Потому с тех пор эль Джочи стал называться узбеками» [69, с. 23]. Впрочем, обсуждение различных версий этимологии данного названия не входит в нашу задачу.

Насколько можно судить по контекстам упоминаний в источниках, как «узбеки», так и потерявшиеся в истории на их фоне «шибаны» («шибаниты» и т.п.) в XV в. использовались в речи как политонимы – обобщенное название ордынских подданных, населявших Дешт-и Кыпчак. Лишь впоследствии, гораздо позднее, первое понятие (*узбеки*) приобрело этническое значение [16, с. 237, 238; 67, с. 228]. При этом шибаны явно оказывались неким «подмножеством» узбекского сонма, включавшего, кроме них, и иные компоненты. Здесь уместно привести знаменитый, многократно цитированный фрагмент из сочинения Фазлаллаха б. Рузбихана Исфাহани: «Три племени относят к узбекам, кои суть главнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно [из них] – шибаниты, и его ханское величество (Мухаммед Шейбани. – *В.Т.*) после ряда предков был и есть их повелитель. Второе племя – казахи, которые славные во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты, а [из] них цари астраханские» [62, с. 62]. На первый взгляд кажется, что здесь *узбакан-и шибани* являются сторонниками и подданными Шейбани, т.е. автор описал положение на начало XVI в.. Так это иногда и воспринимается в литературе (см., например [14, с. 136, 137]). Однако простая логическая операция позволяет заключить, что шибанами («шибанитами») являлись все те узбеки, которые не относились к ногаям или казахам, т.е. множество тюркских элей Дешт-и Кыпчака XV в.: шибаны = узбеки – (ногаи + казахи)⁴. Хотя в отношении именно

⁴ Тире в формуле обозначает знак минус.

данной цитаты может стать, что мы имеем дело с анахронизмом – изображением ситуации в степях полувековой (для Рузбихана) давности [28]).

Во время правления Абу-л-Хайра, в 1430-х–60-х гг., обобщенное имя народа сохранялось. По Мунису-Агахи, соперник этого грозного хана Ядгар «в 862 г.х. (1458/59. – В.Т.)... стал царем большинства узбеков» [69, с. 26]. Осознание общности кочевых обитателей Дешта фиксируется и в первых десятилетиях следующего века, что следует из пересказанных Утемиш-хаджи слов хана Большой Орды Шейх-Ахмеда, вернувшегося из многолетнего литовского плена. Он говорил, что видел в Великом княжестве Литовском многочисленных выходцев из Золотой Орды и заметил: «Какие омаки есть в элях в нашем узбекском народе, все они есть и там» [61, с. 33, 107]. «Наш узбекский народ» (*безнең Ўзбек таифаси*) в его устах охватывал и подданных бывшей Большой Орды (во время произнесения цитированной реплики – уже Астраханского ханства), и тюрок, ушедших с Шейбани в Мавераннахр (Шейх-Ахмед сразу вслед за этим говорит о них), и ногаев – они же мангыты, по терминологии тогдашнего Дешт-и Кыпчака. Не случайно в тюркских и персидских сочинениях XVI в. Ногайская Орда по традиции иногда именуется Узбекистаном, а ее жители – мангытскими узбеками (*узбакан-и мангити*) [68, с. 201, 347].

Одним из наиболее существенных факторов размывания узбекской общности народа Улуса Джучи оказалось выделение из нее казахов. В ходе очередной междоусобной смуты, охватившей Восточный Дешт после смерти Абу-л-Хайра, постепенно стали формироваться могущественные политии – Казахское и Тюменское ханства и Ногайская Орда, заступившие на смену рудиментарному, отжившему свой век улусу Шибана. Потомки пятого Джучиева сына «были рассеяны теперь в разные стороны и оказались непригодными в роли объединителей» [21, с. 253]. По Хондемиру, в то время «улус и народ узбеков остались в растерянности» (цит. по [19, с. 140]). Уже в который раз в степях началось движение разрозненных кочевых общин и боевых отрядов/дружин, которые постепенно, чуть ли не по законам механики, стягивались под начало удачливых лидеров. Из этой «растерянной» массы кочевников выделилось и сплотилось, в том числе, сообщество, получившее со временем имя от своего «бродячего» статуса – казахи (*казак*).

Как лояльные подданные бывшего ханства Абу-л-Хайра, так и мигрировавшие некогда за его пределы казахи продолжали считаться узбеками. Но теперь они представляли собой два противоборствующих лагеря. Мухаммед Хайдар определенно называет их «узбеками двух сторон» [32, с. 216]. Данный автор уверенно оперирует понятиями *узбакан-и шибан* (подразумевая сторонников Мухаммеда Шейбани) и *узбакан-и казак*, описывая непримиримую вражду этих двух категорий узбеков (см. [32, с. 216; 37, с. 522; 71, с. 97, 125, 126]). Такое же различие приводит и Махмуд б. Вали в рассказе о тех временах [32, с. 329]⁵.

Связь части узбеков с Шейбани может породить впечатление, будто именно этот его *тахаллус* послужил основой для наименования той части

⁵ Данные терминологические трансформации интересуют главным образом казахстанских историков, поэтому их внимание сосредотачивается на превращении: узбеки → узбек-казахи → казахи; параллельный же процесс превращения другой (большей!) части узбеков в узбек-мангытов и узбек-шибанов остается за пределами изучения (см., например [11, с. 254]).

дештских узбеков, которая приняла его сторону и последовала за ним в Мавераннахр. Мухаммед Хайдар так и пишет: «...Узбеки Шейбана, под которыми подразумеваются подданные Шахибек-хана (т.е. Мухаммеда Шейбани. – В.Т.), установили власть в Мавераннахре» [37, с. 325]. Оттого в переводах источников шибаны предстают как «шейбановцы», «шейбаниды» и т.п. Однако имеются данные, позволяющие допустить, что интересующее нас понятие продолжало еще некоторое время бытовать в языке жителей Дешт-и Кыпчака – и без связи с тахаллусом Шейбани. Напомним, что С. Герберштейн (1520-е гг.) писал о шибанских татарах (Schibanski), живущих «за Вяткой и Казанью» и при этом отличающихся от тюменских и «кайсацких» (казахов) татар [6, с. 170, 181]. Обратим внимание, что названные разновидности «татар» перечисляются австрийским автором как равновеликие категории, поэтому его «шибанские татары» не могут быть сведены только к «потомкам чингисида Шейбана – правителям Тюменского ханства и их окружению» (см. [57, с. 20]). Равно как не следует видеть в них синоним сибирских/тюменских татар (см. [59, с. 44]). Речь у Герберштейна явно идет о трех различных этнополитических общностях – тюменах (сибирцах), шибанах и казахах, занимавших свои пространственные и экономические ниши в Дешт-и Кыпчаке и воспринимавшихся в соседних странах как отдельные народы.

Носители имени *шибан* (*узбек-шибан*) в огромном количестве, двумя разновременными волнами, переселились в Среднюю Азию, на территорию ослабевшей державы Тимуридов – бывшего Чагатайского улуса и Приаралья. Внук Абу-л-Хайра Мухаммед Шейбани в самом начале XVI в. завоевал Мавераннахр, а в 1511 г. его дальние родственники-Шибаниды, Ильбарс и Бильбарс, обосновались в Хорезме, изгнав оттуда персидского наместника. Приблизительные подсчеты дают численность переселившихся узбеков-шибанов в 240–360 тыс. чел. [21, с. 254, 255; 54, с. 20, 21].

На новых землях для пришельцев стала актуальной идентификация себя только как узбеков, в противовес местным тюркам и таджикам – кочевым *чагатаям* и оседлым *сартам*. Уточнение «шибанские узбеки» в отдалении от «узбеков» казахских и мангытских теперь теряло значимость, уступив место соотносению себя с новыми соседями и подданными. Оказавшись в новом окружении, в ином культурно-цивилизационном пространстве, потомки мигрантов формировали ценности, отличные от тех, которых придерживались на покинутой родине, и более адекватные изменившимся жизненным условиям. Обозначение *шибан* уже не служило маркером принадлежности к совокупности племен Улуса Шибана или в целом Дешт-и Кыпчака. Тем более, что теперь бывшие носители этого онима, оставшиеся на севере, образовали собственные государства и стали применять для их жителей иные наименования – казахи и ногаи (= мангыты). Слово *узбек* довольно быстро стало уходить там из повседневного употребления. Объективно получилось так, что его носителями оставались только степняки, ушедшие в Мавераннахр и Хорезм, но для них добавление *шибан* тоже уже утрачивало практический смысл.

Кроме того, в глазах местного населения все степняки являлись «узбеками», поэтому для отличия себя от чагатаев и сартов пришельцам с севера не было необходимости всякий раз подчеркивать: «мы – именно шибанские узбеки, а не казахские или мангытские». Но при этом узбеками еще долго, до XIX в.,

в Средней Азии обозначали потомков дештских мигрантов. Прочее же население Мавераннахра в период противостояния потомков Тамерлана с Шейбани на некоторое время обрело общую идентичность, отличавшую их от пришлых узбеков, и стало называться чагатайским народом (*чагатай эли*) [56, с. 79, 84].

Таким образом, шибанская идентичность в Средней Азии была вытеснена, «перекрыта» узбекской. У казахов произошло наоборот: эти бывшие узбеки под властью своих ханов стали превращаться в *қазақ халқы*. Однако осознание причастности к обширному сообществу узбеков сохранялось еще долгое время. Чувство общей истории подпитывалось мифологизированной исторической памятью о героическом прошлом, о могущественных правителях и славных батырах древности. В некоторых восточных источниках XVII в. подданные Казахского ханства предстают как узбеки. А по сообщению этнографа XIX в. А.П. Хорошихина, в разговоре с казахом о его исторических корнях тот обычно говорил: «Предки мои, начало мое – узбеки» [21, с. 251, 252]. Другой наблюдатель, П.И. Пашино, проехавший в 1866 г. по Туркестанскому краю, передал любопытный разговор с казахами («киргизами»):

– У нас Чингиз-ханова яса, его обычай; словом, мы узбеки – чего же еще?

– Как, вы узбеки? Вы биштамгалинцы⁶, не больше; узбеки – народ особенный.

– Нет, туря (господин. – *В.Т.*); мы все узбеки; начиная от Оренбурга, куда ни поедешь, – все будут узбеки [40, с. 83].

Вместе с тем, данное наименование обрело значение еще и своего рода культуронима, обозначающего приверженность кочевому образу жизни. Здесь уже сказывалось цивилизационное несходство номадов-скотоводов и оседлых жителей сопредельных стран, их взаимные традиционные настороженность и недоверие. В 1742 г. джунгарский хунтайджи Галдан-Цэрен заявил хану казахского Младшего жуза Абу-л-Хайру: «Мы де калмыки и кайсаки вдвоём – ястребы, а перед оной вороной (российской императрицей. – *В.Т.*) мы не станем на колени, ибо де они (русские. – *В.Т.*) тележные, а **мы узбеки** (т.е. кочевники. – *В.Т.*) [18, с. 306]. За этой высокомерной сентенцией видится еще и глобально-историческое противопоставление динамики и статики, движения и покоя, взгляд на оседлость как на удел рабов и калек (см. [7, с. 8–13]). При такой трактовке приведенные выше слова хана Шейх-Ахмеда о «нашем узбекском народе» могут пониматься и как констатация общности степняков Дешт-и Кыпчака по принципу единого образа жизни, хозяйственного уклада и мировоззренческих устоев – безотносительно к подданству, языку, родоплеменной принадлежности и религиозной приверженности конкретного кочевника.

Те узбеки, что переселились из степей на юг, стали пытаться переосмыслить значение слова *шибан* средствами теоретического инструментария, привычного для местных ученых мужей, – с помощью богословской схоластики. Рузбихан: «... Возможно, в хадисе есть указание на господство воинов-узбеков над миром, что они, после того, как выйдут из степей, откажутся от ухода за овцами, а мир делается пространством, на котором расширится их здание, и в словах *ра 'ā аш-шā'ы*, означающих по-персидски *шабāнāн*, возможно, имеется намек на название этого племени узбеков, которых называют шибанитами» [62, с. 73]. Здесь видится еще одна причина угасания использования

⁶ То есть казахи из рода бестамгалы Старшего жуза.

понятия *шибаны*. Повседневно общаясь с политической, военной и интеллектуальной элитой старейшей культурной области Востока, вожди узбеков во главе с Шейбани (и его потомками), судя по всему, желали уйти от ассоциации названия своего народа с пастухами-овцеводами, для чего своему прозвищу *шибаны* пытались придать «благопристойные» объяснения, ну а со временем о нем и вовсе забыли. (Хотя тот же Рузбихан продолжает называть Бухарское ханство Шейбанидов *улус-и шибани* [71, с. 128]). Возможно, на новую общность среднеазиатских узбеков оказывали влияние суфийские идеи, укоренившиеся в среде теософских мыслителей того региона [28].

Своеобразной попыткой связать ушедшее и оставшееся названия народа была весьма распространенная (в частности, в XVIII в. Хорезме) ложная версия о взаимосвязи их эпонимов, а именно – о будто бы принадлежности ордынского хана Узбека к потомству Шибана [68, с. 372, 379].

Во всем этом проявлялось противоречивое взаимодействие различных идентичностей и легитимностей, когда под влиянием новых реалий угасала харизма царственного «золотого рода» Чингизидов (к которому принадлежали узбекские династии XVI – первой половины XVIII в.) [66, с. 382], возрастало значение племенных элит и исламских трактовок власти и государственности.

Как видим, историческая память об исчезнувшем улусе Шибана и о названии его жителей сохранялась у нескольких поколений, хотя и не воплощалась в актуальной этнонимии. Эпитет «шибанский» по отношению к сибирским и среднеазиатским ханствам встречается в русских документах конца XV–XVII вв.: «шибанские люди», «Шибанская земля Бухарского царя», «царь шибанский», «шибанский царевич», «шибанские царевичи», «царевич Шихалей Шибанский», «Шибанский царь Мамук», «царевич шибанский Кудайт» и т.п. (см., например [22, с. 41; 25, с. 64; 33, с. 145; 34, с. 294; 41, с. 231; 42, с. 242; 43, с. 276; 44, стб. 113; 49, с. 28; 72, с. 94]). «Шибаны» как название Сибирского юрта фигурируют в русской «статье» начала XVI «Татарским землям имена» – наряду с Большой Ордой, Казанским и Астраханским ханствами и Ногаями [17, с. 253]. Но в течение XVI в. данное определение все более стало связываться с династиями Шибанидов в Бухаре и Хиве и с их среднеазиатскими подданными. Когда Фазлаллах б. Рузбихан писал о казахах: «Они оборонялись от злого грабежа узбеков-шибанитов» [62, с. 124] – он имел в виду только воинов Мухаммеда Шейбани.

Отдельные упоминания в середине столетия отмечались также в отношении сибирских Шибанидов – но только их самих, без подразумевания подвластного населения, т.е. в Сибирском юрте «шибанских людей» уже не было. Фраза из грамоты Ивана IV 1564 г. «хвалитца деи сибирской салтан Ишибаны идти в Пермь войною» [9, с. 170] обычно резонно трактуется как упоминание Шибанида Кучума.

Характерно, что из титулатуры сибирских правителей – также с течением времени – исчезло это определение. Тюменский хан Ибрагим к концу XV в. еще являлся «царем» шибанским [26, с. 187; 52, с. 29; 73, с. 209]. Однако фактическое завладение государственной властью в Сибири беками из местного рода Тайбугидов дезактуализировало шибанидскую идентичность бывших подданных Ибака. Сын Ибака Муртаза и внук Кучум – оба предстают в русских текстах уже как «цари» сибирские [38, с. 97; 46, с. 32, 48, 180, 319; 51,

д. 7, л. 39; д. 8, л. 11 об., 43 об., 91 об.; д. 9, л. 160; д. 10, л. 151], а Кучум – еще и как сибирский и тюменский [51, д. 8, л. 73 об.]⁷. В титуле московского государя в XVII в. тоже значилось: «царь Сибирский»; упоминание там шибанов не служило бы для московских политиков показателем огромных территориальных приобретений на востоке.

На основании отрывочных свидетельств источников современные этнографы заключают, что в самой Сибири, на территории татарского юрта/ханства, под шибанами (шибанцами) понимались: в узком смысле – шибанидский хан Кучум и его сородичи (в основном выходцы из Средней Азии), в широком – искеро-тобольская группа сибирских татар, составлявшая ядро Кучумова ханства [5, с. 27; 57, с. 20, 68; 64, с. 473]. То есть появление рассматриваемого термина в Сибирском юрте связывается с приходом (на самом деле – возвращением) туда Шибанидов из Мавераннахра, но не с историей распадавшегося Улуса Джучи XV в. При этом никаких признаков зарождения собственной, «шибанской» идентичности исследователи не отмечают.

Русские современники несостоявшегося этногенеза шибанов расценивали массу жителей бывшего Улуса Джучи по большей части как татар⁸. Некоторые стабильные этнополитические образования обзаводились в русском языке собственными обозначениями («нагаи», «нагайцы», казахи – «козаки», затем «киргизы»), узбеки же были для Московского государства далеки и малоинтересны, и упоминания о них их в документах XVII в. единичны. В 1626 г. в Москву поступили известия, что к ногайским мирзам переселились «из Юргенчь (т.е. из Хивинского ханства. – В.Т.) **тотар озюбеков** тысяч с шесть с улусы, которые наперед сего кочевали в Ногайской Орде за Урусом (ногайским правителем в 1578–1590 гг. – В.Т.)» (51, 1626 г., д. 1, л. 259). Как видим, экзотичные «озюбеки» в глазах сотрудников московского Посольского приказа являлись одной из разновидностей разномастных «татар», населявших восточные пространства.

Итак, кто же такие шибаны XV века – «особо сплоченная группа узбеков» [24, с. 101]? наследственные подданные Шибана и его потомков? вообще все кочевники Дешт-и Кыпчака до начала активного политогенеза в их среде в конце столетия?

Полагаю, что последнее толкование ближе к истине, но только если рассматривать период гегемонии Шибанидов в Деште до выступления казахов, отделения ногаев и ухода Шейбани на юг. Собственно, термин для сообщества тюрок-номадов этой зоны Евразии уже был изобретен Б.А. Ахмедовым. Свою книгу о ханстве Абу-л-Хайра, изданную в 1965 г., он назвал «Государство кочевых узбеков». Историки многократно высказывали сомнения в правомерности применения такого искусственного понятия, но в целом «кочевые узбеки» прочно укоренились в историографии. Очевидно, понятие *шибаны* можно считать для XV в. (до 1470-х гг.) синонимом «кочевых узбеков», но впоследствии его значение сузилось. По частоте употребления в источниках

⁷ Впрочем, исходя из актуальных реалий Ибак и Мамук титулуются в источниках также царями ногайскими [42, с. 20, 23; 45, с. 315: 49, с. 27; 47, с. 25; см. также: 58, с. 100–106].

⁸ За отсутствием прямых указаний в источниках мы не можем определенно утверждать, что до начала XVI в. среди населения шибанидских владений бытовал эндоэтноним *татары* (см. [15, с. 48]). Герберштейн, получавший информацию о пограничных с Русью странах от русских собеседников, отразил русскую же тогдашнюю этническую терминологию – с ее предельно расширительным толкованием понятия «татары».

оно многократно проигрывает «узбекам» и все же, видимо, присутствовало в речевом обиходе жителей Дешт-и Кыпчака и окрестных стран в XVI–XVII вв.

В отношении узбеков, ногаев (мангытов) и казахов имеются тексты, где эти названия употребляются их носителями от первого лица и потому могут считаться эндоэтнонимами (на начальном этапе – эндополитонимами). Что касается шибанов, то они всегда предстают в изложениях сторонних современников; в передаваемых же последними речах жителей кочевой степи термина *шибаны* нет. Учитывая скудость аутентичных текстов, сейчас рискованно определять, служило ли это слово самоназванием для народа, населявшего владения Шибанидов, или оно все-таки было изобретено чужеземными наблюдателями для обозначения шибанидских подданных, а затем – соратников Мухаммеда Шейбани. Но в любом случае можно утверждать, что общность шибанов на недолгое время появилась в Дешт-и Кыпчаке, отразив нереализованную возможность превращения из рыхлой совокупности кочевых тюркских родов в более стабильную этносоциальную структуру.

Представляется, что имелась еще одна существенная причина, помешавшая такому их развитию – выше о ней упоминалось. Ногаи, казахи, сибирцы и узбеки (в Мавераннахре и Хорезме) смогли создать собственную государственность – с относительно определенными границами владений, этнически однородным населением (однако при этом сохранявшим базовую, матричную – родоплеменную/элевую идентичность), проживанием на фиксированной территории, подданством местным правящим кланам и прочими атрибутами, факторами и предпосылками нарождавшейся локальной этнополитической идентичности. Шибаны же не создали своего долговечного государства – срок существования ханства Абу-л-Хайра оказался исторически ничтожным. Поэтому они не получили исторического шанса сформироваться в особый народ.

В одном давнем выступлении автор этих строк назвал Золотую Орду «этнической колыбелью» для многих тюркских народов [1, с. 86], имея в виду то, что начавшиеся в этом государстве процессы этнической трансформации и консолидации с течением времени привели к образованию устойчивых этнических общностей (казахов, ногайцев, нескольких народов, именуемых татарами, и др.). Это выражение прижилось в научно-публицистическом лексиконе и до сих пор иногда используется коллегами. В отношении шибанов можно констатировать, что к стадии этногенеза они так и не подошли – они «умерли в младенчестве», еще «лежа в колыбели». Это дискретное, недолговременное, порожденное политическими обстоятельствами сообщество теоретически имело возможность выделиться из общей массы узбекских племен, но поражения в борьбе с казахами, миграции в Среднюю Азию и актуальность узбекской идентичности там, на новых местах проживания, обесценили и вычеркнули из исторической памяти былую принадлежность к сообществу шибанов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А было ли иго? // Родина. 1997. № 3–4. С. 85–92.
2. [Абу-л-Гази.] Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. Казань: Тип. имп. Казан. ун-та, 1906. 241 с.
3. Алексеев А.К. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрап*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 229 с.

4. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 196 с.
5. *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. С. 26–124.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступ. ст. А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
7. *Головнев А.В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.
8. *Григорьев А.П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки ЛГУ. № 417. Сер. востоковед. наук. Вып. 27. Востоковедение. Вып. 11. Филологические исследования. Л., 1985. С. 160–182.
9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. Под ред. Я. Бередникова, М. Коркунова. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 446 с.
10. *Идрисов Ю.М.* Тюмень на Тереке: от ордынского улуса к кавказскому княжеству // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Институт российской истории РАН, 2018. С.
11. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и Казахского ханства. Ред. С.Г. Агаджанов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1979. 424 с.
12. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном. Подгот. к нов. изд., введ., доп. и коммент. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
13. *Исхаков Д.М.* Введение в историю Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
14. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Фэн, 2006. 164 с.
15. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 142 с.
16. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар. Казань: Иман, 2000. 136 с.
17. *Казакова Н.А.* «Татарским землям имена» // Куликовская битва и подъем национального самосознания. Ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1979. С. 253–256.
18. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сб. документов и материалов). Сост. Ф.Н. Киреев и др. Ред. В.Ф. Шахматов и др. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1961. 759 с.
19. *Камбарбекова Г.А., Сабитов Ж.М.* Сведения Хондемира об истории восточной части Улуса Джучи в 1460-х годах // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 135–143.
20. *Катанов Н.Ф.* Родословие сеидов // Сибирский сборник (Приложение к «Восточному обозрению». 1887 г.). Под ред. Н.М. Ядринцева. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. С. 234–238.
21. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.
22. Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5. С. 19–148.
23. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1958. 296 с.
24. *Костоков В.П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Фэн, 2010. 200 с.
25. Летописец русский / Публ. А.Н. Лебедева // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 3. С. I–IV, 1–190 (отд. паг.).

26. Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360 (852) до 7106 (1598) года, то есть по кончину царя и великого князя Феодора Иоанновича. М.: Синодальная тип., 1819. 230 с.

27. *Магомедов А.Р.* Народности Дагестана (этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация). Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. 68 с.

28. *Маликов А.М.* Самоназвание узбек и его трансформация (по источникам XV – первой половины XVI в.). Электронный ресурс: <http://www.academia.edu/31966338> [26.03.2018]

29. *Маслюженко Д.Н.* Владения Шибана и Шибанидов в составе Улуса Джучи // История и культура татар Западной Сибири. Гл. ред. З.А. Тычинских, отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 157–168.

30. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. 168 с.

31. *Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х.* Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 2. С. 363–396.

32. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. 652 с.

33. Материалы по истории каракалпаков. Под ред. А.Н. Самойловича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 299 с.

34. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Ред. А.Н. Самойлович. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 506 с.

35. *Мустакимов И.А.* Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2010. С. 21–32.

36. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. Редкол. С.Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Восточная литература, 2011. С. 228–248.

37. *Мухаммед Хайдар Дуғлат.* Тарих-и Рашиди. Введ., пер. с перс., А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Примеч. и указ. Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой. Алматы: Санат, 1999. 656 с.

38. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Ред. С.О. Шмидт. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 194 с.

39. *Павел Иовий Новокомский.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя московского, к папе Клименту VII-му. Электронный ресурс: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml> [21.05.2018]

40. *Пашино П.И.* Туркестанский край в 1866 году. СПб.: Тип. Тивлена, 1868 г. 179 с.

41. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. Подгот. к изд. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.

42. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Под ред. С.Ф. Платонова, С.А. Адрианова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 270 с.

43. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Ч. 1. Под ред. С.Ф. Платонова, С.А. Адрианова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.

44. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). Под ред. Г.З. Кунцевича. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 1903. 546 с.

45. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). Под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1963. 413 с.

46. Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. Отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 381 с.

47. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Сост. Б.А. Кельдасов и др. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 356 с.

48. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинских, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1872. 444 с.

49. Разрядная книга 1475–1598 гг. Под ред. В.И. Буганова. М.: Наука, 1966. 617 с.

50. Рева Р.Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссий. науч. конф. Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 25–36.

51. Российский государственный архив древних актов. Фонд 127. Сношения России с ногайскими татарами. Описание 1.

52. Сборник Муханова (документы по русской истории). СПб.: Тип. Э. Праца, 1866. 780 с.

53. Семенов А.А. К вопросу о происхождении узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории узбеков и таджиков Средней Азии. Вып. I. Отв. ред. В.А. Козачковский. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1954. С. 2–37.

54. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. 134 с.

55. Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник. 2001. Редкол. С.Г. Кляшторный (пред.) и др. М.: Восточная литература, 2002. С. 11–27.

56. Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатай // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 1. С. 74–92.

57. Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1981. 275 с.

58. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань: Изд. дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.

59. Тычинских З.А., Исхаков Д.М. Формирование этносословной структуры татар Западной Сибири // История и культура татар Западной Сибири. Гл. ред. З.А. Тычинских, отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 44–51.

60. Утемиш-Хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, примеч., иссл. В.П. Юдина; комм. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.

61. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

62. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и прим. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М.: Наука, 1976. 536 с.

63. Фоменко И.К. Наследие Золотой Орды в европейской картографии XV–XVIII вв. (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 101–116.

64. Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. Этнографические очерки. Под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 473–491.

65. Шаниязов К.И. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV–XVII вв. // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Отв. ред. В.П. Алексеев. Ташкент: Фан, 1986. С. 83–93.

66. Bregel Yu. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis // Asian and African Studies. 1982. Vol. 16. P. 357–398.

67. Bregel Yu. Uzbeks, Qazaqs and Turkmens // The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age. Ed. by N. di Cosmo, A.J. Frank, P.B. Golden. Cambridge: Cambridge University press, 2009. P. 221–236.

68. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park (Penn.): Pennsylvania State University press, 1994. 656 p.

69. Firdaws al-iqbāl. History of Khorezm by Shir-Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi / Transl. from Chaghatay and annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. 795 p.

70. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 497 p.

71. Joo-Yup Lee. Qazaqliq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs. State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden; Boston: Brill, 2016. 254 p.

72. Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491). Parengė L. Anyžytė. Vilnius: Žara Publ. House, 2004. 287 s.

73. Pułaski K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy. Kraków; Warszawa: G. Gebethner i spolka-Gebethner i Wolff, 1881. 451 s.

Сведения об авторе: Вадим Винцерович Трепавлов – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Поступила 20.03.2019 Принята к публикации 31.05.2019
Опубликована 29.06.2019

REFERENCES

1. A bylo li igo? [Was There a Yoke?]. *Rodina* [Homeland]. 1997, no. 3–4, pp. 85–92. (In Russian)

2. [Abul Gazi.] *Rodoslovnoe drevo tyurkov. Sochinenie Abul'-Gazi, khivinskogo khana* [Türks' Family Tree. The Work of Abul Gazi the Khan of Khiva]. Transl. and foreword by G.S. Sablukov. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University, 1906. 241 p. (In Russian)

3. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bahr al-asrar* [The Political History of the Tukai-Timurids. According to the Materials of the Persian Historical Work *Bahr al-Asrar*]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)

4. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of the Nomadic Uzbeks]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 196 p. (In Russian)

5. Valeev F.T., Tomilov N.A. Sibirskie tatory [The Siberian Tatars]. *Tyurkskie narody Sibiri* [The Turkic Peoples of Siberia]. Ed. by D.A. Funk, N.A. Tomilov. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 26–124. (In Russian)

6. Herbershtein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Transl. by A.I. Malein & A.V. Nazarenko. Ed. by V.L. Yanin. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)

7. Golovnev A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN, Volot, 2009. 496 p. (In Russian)

8. Grigoryev A.P. *Shibanidy na zolotoordynskom prestole* [The Sheybanids on the Golden Horde Throne]. *Uchenye zapiski LGU* [The Research Notes of the Leningrad State University]. No. 417. *Ser. vostokoved. nauk* [Serie of Orientalistic Sciences]. Vol. 27. *Vostokovedenie* [Orientalistics]. Pt. 11. *Filologicheskie issledovaniya* [Philological Studies]. Leningrad, 1985, pp. 160–182. (In Russian)

9. *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1. Ed. by Ya. Berdnikov & M. Korkunov. St. Petersburg: Typography of Compartment of II His Majesty's Own Chancellery, 1846. 446 p.

10. Idrisov Yu.M. *Tyumen' na Tereke: ot ordynskogo ulusa k kavkazskomu knyazhestvu* [Tyumen' on Terek: from the Horde's Ulus to the Caucasian Principality]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the Peoples of Russia in Studies and Documents]. Vol. 8. Ed. by V.V. Trepavlov. Moscow: The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2018 p. (In Russian)

11. *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Kazakh SSR from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 2. *Razvitie feodal'nykh otnosheniy. Obrazovanie kazakhskoy narodnosti i Kazakhskogo khanstva* [Development of Feudal Relations. Formation of the Kazakh Nation and the Kazakh Khanate]. Ed. by S.G. Agadzhanov et al. Alma-Ata: Nauka Publ., 1979. 424 p. (In Russian)

12. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. I. *Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [The Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from the Arabic Writings Collected by V.G. Tiesenhausen]. Prepared to the new ed., introduction, additions, comments B.E. Kumeikov & A.K. Muminov. Almaty: Daik-Press, 2005. 711 p. (In Russian)

13. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva* [Introduction to the History of the Siberian Khanate]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2006. 196 p. (In Russian)

14. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan: Fen Publ., 2006. 164 p. (In Russian)

15. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [Turko-Tatar States of the 15th–16th Centuries]. Kazan: Tatar Book Publ., 2009. 142 p. (In Russian)

16. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar* [Ethno-political History of the Tatars]. Kazan: Iman, 2000. 136 p. (In Russian)

17. Kazakova N.A. "Tatarskim zemlyam imena" ["The Names of Tatar Lands"]. *Kulikovskaya bitva i podyom natsional'nogo samosoznaniya* [The Kulikov Battle and Rise of National Self-consciousness]. Ed. by D.S. Likhachev. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 253–256. (In Russian)

18. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov)* [Kazakh-Russian Relations in the 16th–17th Centuries (Collection of Documents and Materials)]. Compl. by F.N. Kireev et al. Ed. by V.F. Shakhmatov et al. Alma-Ata: Akademiya nauk Kazakh SSR, 1961. 759 p. (In Russian)

19. Kambarekova G.A., Sabitov Zh.M. *Svedeniya Khondemira ob istorii vostochnoy chasti Ulusa Dzhuchi v 1460-kh godakh* [Khondemir's Information about the History of the Eastern Part of the Jochid Ulus in the 1460s]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. 2016, no. 9, pp. 135–143. (In Russian)

20. Katanov N.F. *Rodoslovie seidov* [The Genealogy of Seyids]. *Sibirskiy sbornik (Prilozhenie k «Vostochnomu obozreniyu». 1887 g.)* [Siberian Collection (Appendix to the

“Vostochnoe obozrenie”. 1887)]. Ed. by N.M. Yadrintsev. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1887, pp. 234–238. (In Russian)

21. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and Medieval Ages]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2004. 368 p. (In Russian)

22. Kniga, glagolemaya Letopisets Fedora Nikiticha Normantskogo [Book named the Chronicle of Fedor Nikitich Normantsky]. *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Annals of Moscow Society of Russian History and Antiquities]. 1850. Vol. 5, pp. 19–148. (In Russian)

23. Kononov A.N. *Rodoslovnaya turkmen. Sochinenie Abu-l-Gazi, khana khivinskogo* [Genealogy of the Turkmens. The Writing of Abul Gazi Khan of Khiva]. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1958. 296 p. (In Russian and Türki)

24. Kostyukov V.P. *Ulus Shibana Zolotoy Ordyy v XIII–XIV vv.* [Shiban's Ulus of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Kazan: Fan, 2010. 200 p. (In Russian)

25. Letopisets russsky [Russian Chronicle]. Publ. by A.N. Lebedev. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Readings in the Society of Russian History and Antiquities]. 1895. Vol. 3, pp. I–IV, 1–190 (separate pagination). (In Russian)

26. *Letopisets, sodержashchiy v sebe rossiyskuyu istoriyu ot 6360 (852) do 7106 (1598) goda, to est' po konchinu tsarya i velikogo knyazya Feodora Ioannovicha* [Chronicle, Containing the History of Russia from 6360 (852) to 7106 (1598), that is up to the Demise of the Tsar and Grand Prince Feodor Ioannovich]. Moscow: Synodal Typography, 1819. 230 p. (In Russian)

27. Magomedov A.R. *Narodnosti Dagestana (etnicheskoe razvitie narodnostey Dagestana XV–XVII vv. i ikh politicheskaya organizatsiya)* [The Peoples of Dagestan (Ethnic Development of the Peoples of Dagestan, the 15th–17th Centuries, and Their Political Organization)]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1990. 68 p. (In Russian)

28. Malikov A.M. *Samonazvanie uzbek i ego transformatsiya (po istochnikam XV – pervoy poloviny XVI v.)* [The Self-nomination Uzbek and Its Transformation (According to the Sources of the 15th – the 1st half of the 16th century.)]. Internet resource <http://www.academia.edu/31966338> [last accessed: 26.03.2018] (In Russian)

29. Maslyuzhenko D.N. Vladeniya Shibana i Shibanidov v sostave Ulusa Dzhuchi [Domain of Shiban and the Shibanids as a Part of the Jochid Ulus]. *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Western Siberian Tatars]. Ed. by Z.A. Tychinskikh & G.F. Gabdrakhmanova. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, p. 157–168. (In Russian)

30. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethno-political History of the Cis-Tobol Forest-and-steppe Region in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2008. 168 p. (In Russian)

31. Maslyuzhenko D.N. Samigulov G.H. Tyurkskie gruppy Yuzhnogo Zaural'ya v XV–XVII vv.: gosudarstvennye, administrativnye, territorial'nye, etno-sotsial'nye transformatsii [Turkic Groups of the Southern Trans-Urals in the 15th – 16th Centuries: Governmental, Administrative, Territorial, Ethno-social Transformations]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 363–396. (In Russian)

32. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates, the 15th–16th centuries (Extracted from Persian and Turkic Writings)]. Compl. by S.K. Ibragimov et al. Almaty: Nauka Kazakhskoy SSR, 1969. 652 p. (In Russian)

33. *Materialy po istorii karakalpakov* [Materials on the History of the Karakalpaks]. Ed. by A.N. Samoylovich. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1935. 299 p. (In Russian)

34. *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenskoy SSR.* [Materials on the History of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR]. Vol. 3. Part 1. *Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Sredney Azii v XVI–XVII vv.* [Trade with the

Moscow State and the International Situation in Middle Asia in the 16th–17th Centuries]. Ed. by A.N. Samoylovich. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1932. 506 p. (In Russian)

35. Mustakimov I.A. Vladeniya Shibana i Shibanidov v XIII–XV vv. po dannym nekotorykh arabografichnykh istochnikov [Domain of Shiban and the Shibanids in the 13th–15th Centuries, According to Some Arabic-written Sources]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Vol. 2. Ed. by B.R. Rakhimzyanov. Kazan: Ikhlas, 2010, pp. 21–32. (In Russian)

36. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarkh-i guzida – Nusrat-name» o vladeniya nekotorykh dzhuchidov [Information of “Tavarkh-i guzida – Nusrat-name” about Domains of Some Jochids]. *Tyurkologichesky sbornik. 2009–2010* [Turkological Collection. 2009–2010]. *Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Eurasian Turkic peoples in antiquity and the Middle Ages]. Editorial board S.G. Klyashtorny (chief) et al. Moscow: Oriental Literature, 2011, pp. 228–248. (In Russian)

37. Mukhammad Haydar Duglat. *Tarikh-i Rashidi*. Introduction, trans. from Persian by A. Urunbaeva, R.P. Dzhaililova, L.M. Epifanova. Almaty: Sanat, 1999. 656 p. (In Russian)

38. *Opisi tsarskogo arkhiva XVI veka i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 goda* [Inventories of the Tsar Archive of the 16th Century and the Archive of the Posol'sky Prikaz of 1614]. Ed. by S.O. Shmidt. Moscow, Publ. House of Oriental Literature, 1960. 194 p. (In Russian)

39. Pavel Iovy Novokomsky. *Posol'stvo ot Vasiliya Ioannovicha, velikogo knyazya moskovskogo, k pape Klimentu VII-mu* [Embassy of Vasily Ivanovich, the Grand Prince of Moscow, to the Pope Clement VII]. Internet resource <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Iovij/text.phtml> [last accessed: 21.05.2018] (In Russian)

40. Pashino P.I. *Turkestansky kray v 1866 godu* [Turkestan Region in 1866]. St. Petersburg: Typography of Tevlin, 1868. 179 p. (In Russian)

41. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [The Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. Prepared for publ. by A.F. Bychkov. St. Petersburg: Typography of E. Pratz, 1859. 301 p.

42. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. *Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. Ed. by S.F. Platonov & S.A. Adrianov. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1901. 270 p. (In Russian)

43. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. *Letopisny sbornik, imenuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [Chronicle Collection Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. Pt. 1. Ed. by S.F. Platonov & S.A. Adrianov. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1904. 302 p. (In Russian)

44. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 19. *Istoriya o Kazanskom tsarstve (Kazanskiy letopisets)* [History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicle)]. Ed. by G.Z. Kuntsevich. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1903. 546 p. (In Russian)

45. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 28. *Letopisny svod 1497 g. Letopisny svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis')* [Chronicle Svod of 1497. Chronicle Svod of 1518 (Uvarov Chronicle)]. Ed. by K.N. Serbina. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1963. 413 p. (In Russian)

46. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Pt. 1. *Gruppa Esipovskoy letopisi* [The Group of Esipov chronicle]. Ed. by A.P. Okladnikov & B.A. Rybakov. Moscow: Nauka Publ., 1987. 381 p. (In Russian)

47. *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1489–1549 gg.* [Ambassadorial Books on Relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549]. Compl. by B.A. Kel'dasov et al. Makhachkala: Dagestan Book Publ. House, 1995. 356 p. (In Russian)

48. Radlov V.V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Chast' IV. Narechiya barabinskikh, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar* [Examples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in the Southern Siberia and Dzungar Steppe. Pt. IV. Dialects of the Baraba, Tara, Tobol and Tyumen Tatars]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Science, 1872. 444 p. (In Russian and Türki)

49. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Official Order Book, 1475–1598]. Ed. by V.I. Buganov. Moscow: Nauka Publ., 1966. 617 p. (In Russian)

50. Reva R.Yu. *Shibanidskie khany i ikh monety* [The Shibanid Khans and Their Coins]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, Economy and Culture of Medieval Turko-Tatar States of the Western Siberia]. Ed. by D.N. Maslyuzhenko & S.F. Tataurov. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2017, pp. 25–36. (In Russian)

51. *Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 127. Snosheniya Rossii s nogayskimi tatarami [Russia's Relations with the Nogai Tatars]. Opis' 1. (In Russian)

52. *Sbornik Mukhanova (dokumenty po russkoy istorii)* [Collection of Mukhanov (Documents on Russian History)]. St. Petersburg: Typography of E. Pratz, 1866. 780 p. (In Russian)

53. Semenov A.A. *K voprosu o proiskhozhdenii uzbekov Sheybani-khana* [On the Origin of the Uzbeks of Sheibani Khan]. *Materialy po istorii uzbekov i tadzhikov Sredney Azii* [Materials on the History of the Uzbeks and the Tajiks in Middle Asia]. Vol. I. Ed. by V.A. Kozachkovsky. Stalinabad: Akademiya nauk SSSR, 1954, pp. 2–37. (In Russian)

54. Sultanov T.I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii)* [The Nomadic Tribes of the Aral Sea Region in the 15th–16th Centuries. (Questions of Ethnic and Social History)]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 134 p. (In Russian)

55. Sultanov T.I. *Rod Shibana, syna Dzhuchi: mesto dinastii v politicheskoy istorii Evrazii* [The Kin of Shiban, Jochi's Son: Place of the Dynasty in the Political History of Eurasia]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 2001* [Turkological Collection. 2001]. Editorial board S.G. Klyashtorny (chief) et al. Moscow: Oriental Literature, 2002, pp. 11–27. (In Russian)

56. Sultanov T.I. *K istoriografii etnopoliticheskoy istorii ulusov Dzhuchi i Chagataya* [Historiography of the Ethnic and Political History of the Jochid and Chaghataid Uluses]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2017. Vol. 5. No 1, pp. 74–92. (In Russian)

57. Tomilov N.A. *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX vv.* [The Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain in the Late 16th – the 1st Quarter of the 19th Century]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1981. 275 p.

58. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost, 2016. 764 p. (In Russian)

59. Tychinskikh Z.A., Iskhakov D.M. *Formirovanie etnososlovnnoy struktury tatar Zapadnoy Sibiri* [The Formation of Ethnosocial Structure of the Tatars of Western Siberia], *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and Culture of the Western Siberian Tatars]. Ed. by Z.A. Tychinskikh & G.F. Gabdrakhmanova. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015, p. 44–51. (In Russian)

60. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name*. Facsimile, transl., transcription, notes, research by V.P. Yudin. Alma-Ata: Gylım, 1992. 296 p. (In Russian and Türki)

61. Ötemish-Hajji. *Qara tavarikh*. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Hafızov; transl. into Russian by I.M. Mirgaleev & E.G. Sayfetdinova. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian and Türki)

62. Fadhlallah ibn Ruzbikhan Isfahani. *Mikhman-name-yi Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)* [(Bukhara Guest's Notes)]. Transl., foreword and notes by R.P. Dzhalilova. Ed. by A.K. Arends. Moscow: Nauka Publ., 1976. 536 p. (In Russian and Persian)

63. Fomenko I.K. Nasledie Zolotoy Ordy v evropeyskoy kartografii XV–XVIII vv. (2) [The Legacy of the Golden Horde in the European Cartography, the 15th–18th Centuries] (2). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 101–116. (In Russian)

64. Khramova V.V. Zapadnosibirskie tatarsy [The West-Siberian Tatars]. *Narody Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Siberia. Ethnographic Essays]. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1956, pp. 473–491. (In Russian)

65. Shaniyazov K.S. Nekotorye voprosy etnicheskoy dinamiki i etnicheskikh svyazey uzbekov v XIV–XVII vv. [Some Questions of Ethnic Dynamics and Ethnic Relations of the Uzbeks in the 14th–17th Centuries]. *Materialy k etnicheskoy istorii naseleniya Sredney Azii* [Materials on the Ethnic History of the Population of Middle Asia]. Ed. by V.P. Alekseev. Tashkent: Fan Publ., 1986, pp. 83–93. (In Russian)

66. Bregel Yu. Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats According to Munis. *Asian and African Studies*. 1982. Vol. 16, pp. 357–398.

67. Bregel Yu. Uzbeks, Qazaqs and Turkmens, *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age*. Ed. by N. di Cosmo, A.J. Frank, P.B. Golden. Cambridge: Cambridge University press, 2009, pp. 221–236.

68. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park (Penn.), Pennsylvania State University press, 1994. 656 p.

69. *Firdaws al-iqbāl. History of Khorezm by Shir-Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi*. Transl. from Chaghatay and annot. by Yu. Bregel. Leiden: Boston: Köln: Brill, 1999. 795 p.

70. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 497 p.

71. Joo-Yup Lee. *Qazaqliq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs. State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia*. Leiden: Boston: Brill, 2016. 254 p.

72. *Lietuvos Metrika. Knyga Nr 4 (1479–1491)* [The Lithuanian Metrics. Book No 4 (1479–1491)]. Ed. by L. Anyžytė. Vilnius: Žara Publ. House, 2004. 287 p. (In Lithuanian and Russian)

73. Pułaski K. *Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy* [Relations with Mendli Girey, Khan of the Perekop Tatars (1469–1515). Acts and lists]. Kraków: Warszawa: G. Gebethner & Gebethner i Wolff C°, 1881. 451 p. (In Polish)

About the author: Vadim V. Trepavlov— Dr. Sci. (History), Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Centre of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (19, Dmitry Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: trepavlov@yandex.ru

Received March 20, 2019 Accepted for publication May 31, 2019
Published June 29, 2019

ЦАРИЦЫ СИБИРСКИЕ

А.В. Беляков

Институт российской истории РАН

Москва, Российская Федерация

belafeb@gmail.com

Цель: проанализировать все имеющиеся в нашем распоряжении исторические свидетельства о сибирских царицах и царевнах – женах и дочерях сибирского хана Кучума – плененных в августе 1598 г. При этом нас в первую очередь интересовала информация об их происхождении и том, как сложилась их судьба в России.

Материалы исследования: мы обладаем ограниченным количеством документов по истории сибирских цариц рубежа XVI–XVII вв. Помимо нескольких вновь обнаруженных документов, автор обратился к оригиналам архивных памятников изданных в первой половине XIX в. При этом было обнаружено, что издатели в ряде мест исказили первоначальный текст. Они проигнорировали правку и более поздние приписи на полях. В отдельных местах текст подвергся редактированию, дабы сделать его более понятным. В результате этого оказалось, что исследователи почти 200 лет использовали в своих исследованиях дефектные источники.

Результаты и научная новизна: было установлено, что как минимум две супруги хана Кучума происходили из рода казахских Шибанидов, а касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан являлся пасынком хана. Еще одна из цариц была родом из чатских мирз. Плененные женщины с трудом уживались все вместе в России. Причины разногласий следует искать еще в событиях их сибирской жизни.

Заполучив столь значительное число знатных пленников, в Москве предприняли попытку использовать женщин для замирения их родственников оставшихся в Сибири. Данный проект не удался по двум причинам: 1) слабой информированности в Кремле об особенностях устройства Сибирского ханства, 2) начавшихся вскоре событиях Смутного времени. В России многие из женщин были выданы замуж за сибирских и ургенчских Чингизидов и ногайских мирз.

Было сделано предположение о том, что брачная политика сибирских Шибанидов в целом была типичной для государств Востока. Наиболее схожа она с матримонильной политикой крымских Гиреев. Полученные данные позволили поставить вопрос о возможности реконструкции персонального состава двора хана Кучума в конце XVI в.

Ключевые слова: Кучумовичи, Сибирское ханство, Московское государство конца XVI – первой половины XVII в., Казахское ханство, ногайские мирзы

Для цитирования: Беляков А.В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391

SIBERIAN QUEENS

A.V. Belyakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@gmail.com*

Abstract: *Research objectives:* To analyze all historical evidence we have about the Siberian queens and princesses – the wives and daughters of the Siberian Khan, Kuchum – captured in August 1598. At the same time, this work was primarily interested in information about their origins and how their fate in Russia unfolded.

Materials: There are more than a limited number of documents on the history of the Siberian queens at the turn of the 16th–17th centuries. In addition to several newly discovered documents, the author turned to the originals of the monuments published in the first half of the 19th century. It was found that publishers had distorted the original text in a number of places. They ignored revisions and later marginal notes. In addition, in some places the text has undergone editing in order to make it more understandable. As a result, it turned out that for almost 200 years researchers used a defective source in their research.

Results and novelty of the research: It was established that at least two queens of Kuchum Khan came from the lineage of the Kazakh Shibanids, and Kasimov's king, Uraz-Muhammed b. Ondan, was Kuchum's stepson. Another one of the queens was from the Chatsky Mirzas. The captive women got along with overall difficulty in Russia. The reasons for their difficulties should be sought in the events of their Siberian life.

Having obtained such a significant number of noble captives, Moscow attempted to use them to pacify their relatives who remained in Siberia. This project failed for two reasons: 1) poor awareness in the Kremlin about the features of the social structure of the Siberian khanate and 2) the events of the Time of Troubles began soon after the women's capture. In Russia, many of these women were married to the Siberian and Urgench Chinggisids and the Nogai Mirzas.

It was assumed that the marriage policy of the Siberian Shibanids in general was typical of the states of the East. At the same time, it was most similar to the matrimonial policy of the Crimean Gireys. The data obtained thus far allows us to raise the question of the possibility of reconstructing the personal composition of the court of Kuchum Khan at the end of the 16th century.

Keywords: Kuchumovichi, Siberian Khanate, Moscow State of the end of the 16th – the first half of the 17th century, Kazakh Khanate, Nogai Mirzas

For citation: Belyakov A.V. Siberian Queens. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. (in Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391

В последнее время была проделана значительная работа по уточнению генеалогии и брачных связей сибирских Шибанидов [14; 17; 28; 39]. Однако здесь по-прежнему существует значительное количество белых пятен, закрыть которые не так то просто. Используя новые архивные находки, мы попробуем выяснить судьбу жен, дочерей и невесток хана Кучума плененных в августе 1598 г. и вывезенных в Россию. К тому же собранный нами материал позволяет прояснить роль гаремов хана и его сыновей в создании жизнеспособной модели сибирской государственности.

В России рассматриваемого времени существовало правило по которому дочери татарских царей и цариц после замужества назывались царицами,

даже если их супруг не имел никакого отношения к царскому роду. Поэтому мы и вывели в заголовок это словосочетание – царицы сибирские.

Различные аспекты заявленной темы, не смотря на ограниченный круг источников, большинство из которых введены в научный оборот, уже неоднократно становились предметом специальных исследований. Однако сравнение подлинных архивных дел (в данном случае «Приезд в Москву взятых в полон в Сибири царя Кучума жен и детей в провожании воеводы из Тару¹ Воейкова, и дача им жалованья и поденного корму»², с его публикацией в XIX в. [5, с. 1–21]) показывает значительное расхождение в тексте. Дело в том, что подборка архивных документов представляет собой в большинстве случаев «отпуска» со значительной редакторской правкой. При этом издатели не только не отображали зачеркнутые места и разнообразные приписи на полях документов, но и целенаправленно искажали в ряде случаев текст, дабы он выглядел единым целым. В результате этого исследователи вот уже почти 200 лет используют в своих работах дефектный источник. Это, в частности, привело к ложным утверждениям о пленении царевича Арслана б. Али в 1598 г. Поэтому мы пришли к необходимости заново проработать текст подлинника. Тем более, что некоторые документы дела оказались неизданными.

Из источника нам становится известно, что в 1599 г. в Москву попали следующие женщины. 8 жен Кучума: 1-я царица Салтаным, 2-я (другая) царица Сюйде-джан (Сюндю-джан, Сюидкождей, Сюим), 3-я царица Ян-девлет (Зендевлет), 4-я царица Ак-тулун (Ян-телун), 5-я царица Ак-Сюйрюк, 6-я царица Шевлей, 7-я царица Кубил (Кубул, Левкал?), 8-я царица Чепшан (Шопшан). 8 дочерей: Тулунбек 3-х лет (от Салтаным); Дурпадша (Тюрчак) 10 лет, Мундур (Мулдур) 6 лет и Карачай 3-х лет (от Сюйде-джан, Сюим); Гулсыфат (Егуп³, Чеум⁴) 14 лет (от Ак-тулун); Ак-ханым 3-х лет (от Ак-Сюйрюк); Азеп-салтан (Азем-салтан, Салтан) 10 лет (от Шевлей); Кумыз (Кумызьяк) 12 лет. 2 невестки царя: жена царевича Арслана – царица Кандаза (Хандаза), дочь ногайского бия Дин-Ахмеда б. Исмаила; жена царевича Каная – царица Данай (Танай), дочь ногайского бия Уруса б. Исмаила. Внучки: Лалтак – дочь ногайского мирзы Бегая (Бая) б. Ханбая б. Исмаила; Ханым-джан – дочь царевича Али; две дочери царевича Каная – Навруз-бике (1 год?) и Ак-ханым (Сакныш⁵, Акныша, Акняша). Далее в документах дочери Каная по неизвестным причинам фигурируют по одной. Однако и другие дети, в особенности малолетние, в источниках фиксируются далеко не всегда. В данном случае Навруз, по-видимому, вскоре умерла. Также следует сказать о возрасте детей. Его определяли весьма приблизительно. Он был нужен в Москве зимой 1599 г. только для того, чтобы подготовить пленным богатые шубы для торжественного въезда в столицу⁶. Позднее же требовался для назна-

¹ Так в архивной описи.

² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2.

³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1. Л. 3.

⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1. Л. 5.

⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 1.

⁶ Следует обратить внимание на интересный факт: все сопровождавшие царскую семью сибирские служилые люди при въезде в столицу должны были одеть свои шубы вывернув их наизнанку: «А которые едут с царицами, и тем всем велеть шубы наделать выварачивая, подпоясаяся.» [РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 28]. По-видимому, в

чения поденного корма и питья. Маленьким детям еду давали с убавкой по сравнению со взрослыми и подростками.

Как же сложилась дальнейшая судьба этих женщин? Постараемся ответить на этот вопрос. Первоначально цариц планировали разместить в Москве по дворам. Их предполагалось расселить парами со своими дочерьми и малолетними сыновьями следующим образом. На первом дворе должны были поместить цариц Салтаным и Суюде-джан, на втором невесток Кучума, на третьем царицу Ян-девлет и малолетних детей мирзы Бегая, на четвертом цариц Ак-тулун и Кубул, на пятом Ак-суйрюк и Чепшан, на шестом царицу Шевлей. Здесь сразу следует отметить, что первые издатели документа пропустили очень важную приписку в самом начале первого листа: «Ся роспись имяна подлинно всем им, жонкам. А стоять и корм не по тому дан»⁷. Все планы Москвы разбились о внутрисемейные дразги. Среди женщин существовало, как минимум, три группировки, которые, судя по всему, не очень мирно уживались друг с другом. То, что воспринималось нормальным в условиях длительного и тяжелого путешествия, было нестерпимо при совместном ведении хозяйства. У нас имеется возможность выделить эти группы и отчасти определить природу разногласий между ними.

Уже осенью 1600 г. ряд цариц подали челобитные на имя московского царя, в которых попросились на житье к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду б. Ондану в Касимов или сибирскому царевичу Мухаммед-Кулу б. Ахмад-Гирею (Атаулович) в Городецк (ныне г. Бежецк) или в его обширное поместье в уезде Бежецкий Верх. Борис Годунов дал свое согласие на переезд. Царицы разделились следующим образом. В Касимов отправились царица Сюим (Суюде-джан) с тремя дочерьми – Дурпадшой, Мулдур и Карачаей, царица Зендевлет (Ян-девлет) и дочь Кучума Кумыз⁸. При этом нам становится известно, что Суюде-джан являлась мачехой Ураз-Мухаммеда, а значит в первом браке была за его отцом, казахским царевичем Онданом б. Шигаем. Царевна Кумыз же приходилась касимовскому царю двоюродной сестрой. Таким образом и сам Ураз-Мухаммед имел самое прямое отношение к Кучумовичам, ведь он был пасынком сибирского хана. Если же царевна Кумыз (Комызяк) одновременно приходится дочерью Кучуму и двоюродной сестрой Ураз-Мухаммеду, то жены Кучума и Ондана б. Шигая должны быть родными сестрами. По утверждению автора «Сборника летописей» («Жами ат-таварих») Кадыр-Али бека б. Хошум-бека, мать Ураз-Мухаммеда являлась дочерью Булат-султана б. Усяк-хана б. Джанибека [19, с. 125, 365]. Таким образом, мы установили происхождение еще одной, анонимной, жены Кучума. Но стоит подробнее остановиться на Ондане. Дело в том, что в одном из документов падчерица касимовского царя Арслана б. Али, Ай-ханыш, называется дочерью Ондана б. Шигая. При этом Ондан назван ногайским царем [6, с. 21;

столице к этому времени сложилось определенное представление как должны выглядеть коренные сибирские жители. М. Груневег так описывает их в июле 1585 г.: «Тогда же в плену в Москве находился один Языческий Царь (Мухаммед-Кул б. Ахмад-Гирей? – А.Б.), его челядь носила своеобразную одежду из пестрого меха» [21, с. 235].

⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 31–35.

⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1; Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина ошибочно называют царевну Кумыз дочерью царицы Сюим [28, с. 105]. Однако это единственная царевна, плененная без матери. Она, по-видимому, к этому времени уже умерла.

13, с. 103, 104]⁹. Подобное было возможно только в том случае, если во второй половине XVI в. в Ногайской Орде возродилась практика провозглашения при бие того или иного «карманного» Чингизида царем. Таким образом у нас появился еще один «ногайский след» в брачной политике Кучума.

В те времена в браках владетельных государей ничего не происходило спонтанно. Каждый шаг серьезно обдумывался. В России эта практика также сохранялась. Поэтому брак молодого царя Арслана на престарелой матери своего касимовского предшественника (царя Ураз-Мухаммеда б. Ондана), царице Алтын-ханум был не случаен. Тем самым он обеспечивал достойную старость родной сестре одной из своих бабок. Да и Ай-ханыш нашли достойного брачного партнера. Она станет супругой сибирского царевича Мухаммед-Кула б. Ахмед-Гирея¹⁰. После смерти царевича она жила в Ярославле с поденным кормом в 30 копеек, который позднее сократят до 20 копеек. Умерла и похоронена в Касимове в 1651–1652 г. в текие ургенчского (хивинского) царевича Авган-Мухаммеда б. Араб-Мухаммеда, построенном его вдовой царицей Алтын-ханым, дочерью царевича Хаджима (Азима) б. Кучума и падчерицей Арслана б. Али [40]. Другой супругой царевича, по-видимому, одновременно, станет родная дочь Арслана от Фатимы-салтан Шакуловой Алма-бике¹¹. До этого казахско-сибирские матримониальные связи ограничивали браком Ахмед-Гирея б. Муртазы на дочери казахского хана Шигаю, а также не подтвержденным документально утверждением, что жена Кучума Лайла также приходилась дочерью этому же казахскому хану [28, с. 105, 106]¹². Теперь же мы имеем двух документально подтвержденных сибирских цариц казахского происхождения. Тем самым следует пересмотреть отдельные сюжеты как истории Сибири, так и сибиро-казахских отношений.

Но вернемся к женщинам, решившим покинуть столицу. К Мухаммед-Кулу отправились царицы Салтаным, Ак-тулум, Ак-сюрюк и Шевлей. С Ак-сюрюк отправились и ее внуки, дети Бегай мирзы. Таким образом нам становится известно, на чьей дочери был женат мирза. В Москве решились остаться Левкал (Кубул?) и две невестки сибирского хана¹³.

Как мы видим, составители первоначальной росписи, по которой следовало расселить цариц по дворам, даже не пытались разобраться в хитросплетениях семейных связей и, не хотя этого, разлучили бабу с внуками.

Но если мы сравним все списки, имеющиеся в нашем распоряжении, то можем заметить, что в них не отмечена еще одна царица – Чепшан (Шопшан). Нам известно, что в это время она еще было жива. 1 августа 1601 г. ее имя фигурирует среди иных московских цариц, подавших челобитную на выдачу им денег на зимнее и летнее платье¹⁴. Царица, по-видимому, проживала у своего сына, царевича Абу-л-Хайра б. Кучума, плененного еще в

⁹ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 7, 31, 53; Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 6. Л. 1; Ф. 141. Оп. 1. 1624 г. Д. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 6. Л. 1.

¹¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1623 г. Д. 10. Л. 8.

¹² Это сохранившееся в семейных преданиях известие на самом деле может быть искусственным конструктом, составленным в целях возвеличивания своего рода.

¹³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1.

¹⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 5.

1591 г. Вскоре после приезда матери его крестили (23 сентября 1599 г.) [4, с. 396]. Теперь он стал Андреем Кучумовичем (Кучумовым).

Зато из документов исчезает имя другой царицы – Кубул (Левкал). Вполне возможно, что это следует рассматривать как констатацию ее смерти. Однако в другой выписи, созданной около 1604 г., рядом с ее именем не стоим пометы о смерти, хотя они имеются рядом с именами иных, умерших к этому времени людей. К судьбе этой царицы мы еще вернемся ниже.

Какие еще сведения есть у нас о женах и дочерях Кучума? Все в том же деле о приезде плененных цариц имеется еще одна незафиксированная издателями XIX в. приписка, сделанная иными чернилами и почерком несколько позднее составления самого документа: «Четвертой царице, Актолун *чаского* ...»¹⁵. Она имеет для нас очень большое значение, так как указывает на происхождение царицы как дочери чатского князя. Более того, сохранились письменные свидетельства о том, что ее отец или брат просили московского царя отдать ему царицу с дочерью Гулсыфат (Егуп, Чеум). В грамоте от чатских (жагацких) мирз Федору Ивановичу читаем: «И будет похотите с нами в зговоре быть, и нашево племяни две души попали к вам. И вы бы их к нам прислали» [37, с. 128]¹⁶. При описании в XVIII в. документ был датирован 1597 г. До последнего времени датировка не подвергалась сомнениям у исследователей. Однако у нас есть возможность значительно скорректировать ее. Сразу же за поражением Кучума 20 августа 1598 г., тарский воевода С.В. Кузьмин уже 23 августа послал в Чаты захваченного тогда же сибирского сеида Тулмаметя «проведывать про Кучюма царя, жив ли он, или утоп», «да х Кожбахтею мурзе с товарищи, чтобы оне, все чатцкие люди, были под твоею царьскою высокою рукою». 5 октября сеид вернулся с грамотою от чатских князя и мирз в Тару. 17 октября ее перевод уже был послан в Москву¹⁷. Таким образом нам понятнее становятся взаимоотношения Кучума и Чатов. Жившие при слиянии рек Оби и Томи, они находились в вынужденном военном союзе или даже вассалитете по отношению к сибирскому хану. Союз был подкреплен династическим браком. Нужно помнить еще два момента. Уже упоминаемый нами хан Шигай имел жену из Чат [28, с. 105; 5, с. 58–59]. К тому же, как отметил В.В. Трепавлов, чаты издревле служили казахским ханам: «Наперед сево служивали есмя Урус царевым детям, а после сложились с Кучумом царем» [38, с. 53; 37, с. 128]¹⁸.

Последний факт проливает свет на значение гарема Кучума и, возможно, отдельных его сыновей. Браки на дочерях наиболее значимых региональных лидеров Сибири должны были упрочить власть Шибанидов. Теперь становится понятным, почему гарем в августе 1598 г. находился с Кучумом. Это была его самая большая ценность. Жены фактически находились на положении заложниц и призваны были быть более сговорчивыми их отцов и братьев. Это, однако, далеко не всегда срабатывало. В особенности на позднем этапе. Достаточно вспомнить все ту же позицию Чатов, не спешивших на помощь сибирскому хану в августе 1598 г. По-видимому, Ак-тулун была не одинока, среди плененных в 1598 г. цариц могли быть и другие женщины с подобным

¹⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 61.

¹⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 2. Л. 1.

¹⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 2. Л. 1.

статусом. Их следует искать среди тех, что отправились жить к Мухаммед-Кулу. Данный факт говорит и о том, что у племянника Кучума были, как минимум, ровные отношения с этой группой своих теток. Также понятна и неприязнь к родственницам возможных убийц его отца. По одной из версий Ахмад-Гирей б. Муртаза был убит по распоряжению своего тестя, будущего казахского хана Шигая [28, с. 105].

В России судьба цариц ничуть не изменилась. Они по-прежнему оставались знатными заложницами. Однако теперь Москва стремилась разыграть женскую карту при замирении и подчинении их отцов и братьев. Вопрос – на сколько эффективно и грамотно?

Несколько иной выглядит политика Кучума по отношению к своим дочерям. Посредством браков с ними хан стремился заручиться поддержкой своего ближайшего окружения и выходцев из Средней Азии. Известно, что сибирский сеид, ургенчский выходец, хаджа Дин-Али б Мир-Али был женат на дочери Кучума Нал-ханише, рожденной от брака с царицей Лилилак, как мы уже говорили, возможно, дочерью казахского хана Шигая. Сеид, в частности, возглавлял дипломатические миссии от имени бухарского хана Абдаллаха, поэтому часто отсутствовал. Его жена постоянно находилась при отце. Нечто подобное мы наблюдаем и с женой сына Кучума царевича Азима (Хаджима). Он женат на дочери абыза Ибердея (Игибердея) Карачай (Карачаца). Абыз также возглавлял бухарские посольства. И в первом и во втором случае человек оказывался привязан посредством брака к ханской семье [17, с. 235–236].

Также Кучум активно рождался с ногайскими мирзами [28, с. 105–106]. Могли ли среди плененных жен Кучума находиться дочери ногайских мирз? Полностью отвергать это предположение нельзя. Однако против этого имеется серьезный аргумент. Дело в том, что документы регулярно сообщают о ногайском происхождении его двух невесток. Если бы таковые имелись и среди жен хана, об этом также обязательно сообщили бы. В Кремле была важна любая информация. В Москве практически не разбирались в сибирских реалиях. Поэтому и отсутствует информация о родственных связях плененных жен сибирского хана. Имя того или иного сибирского мирзы или даже князя ничего не говорило в столице. Пример с Чатами в данном случае уникален. Приписка на документе появилась, по-видимому, в связи с тем, что с родственниками царицы после грамоты 1598 г. осуществлялись какие то контакты. Хотя письменных свидетельств об этом до наших дней не сохранилось.

Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина собрали сведения о иных браках Кучумовичей на представителях сибирской элиты. По сообщениям С.У. Ремезова, одной из жен Кучума была дочь сибирского мирзы Девлетима, городок которого располагался непосредственно рядом с Искером¹⁹. В 1607 г. один из лидеров сибирского тюркского племени мякотин (бикотин) Евлубай являлся тестем царевича Чувака б. Кучума. Евлубай кочевал вместе с братом своего зятя, Азимом, хотя их отношения, видимо, не сложились, поскольку он увел свою и еще 11 татарских семей на Убаган (Обага река), где их пограбил дядька царевича Алтаная Боишан с калмыками. В результате Евлубай пришел в

¹⁹ Тут напрашивается аналогия с родом мирз Яшлавский (Сулешевых в русских источниках). Бахчисарай и Чуфут-Кале располагались на их, а не на ханских землях. Яшлавские фиксируются в источниках как особо доверенные лица крымских ханов.

Тюмень на «государево имя». Эти же исследователи считают представителями родовой сибирской знати и мирз Карамышевых – Мусаитовых [28, с. 107]. Здесь, однако, не все так ясно с происхождением и статусом как Карамыша, так и его отца Мусаита [7]. При этом нужно отметить, что данный род, судя по источникам, связан не только с женой царевича Мухаммед-Кула б. Ахмед-Гирея, но и с другими сибирскими царицами²⁰.

Благодаря последним архивным изысканиям, нам удалось установить иных ближайших родственников вывезенных цариц. Так, явно в родстве с кем-то из четырех сибирских цариц (Салтаным, Ак-тулум, Ак-сюйрюк или Шевлей) находился мирза (князь) Байтерек Чеплемышев сын. Его потомок, Иштерек Байтереков стал кормовым иноземцем Посольского приказа и проживал в Касимове, а затем в Ярославле [10]²¹. Где, кстати, жили большинство представителей сибирской знати, в том числе царицы и царевичи. Другой же сибирский татарин, абыз Безерген Байцын, родоначальник семьи переводчиков Посольского приказа [39, с. 386–387; 11, с. 283], в своей челобитной утверждал что «выехав, пристал к сибирскому царевичю к Маметкулу Атауловичю, потому что большая ево царица, Алма-биим, мне двоюродная сестра»²². Данное сообщение позволяет попытаться определить предков Безергена. Нам известно, что старшая жена царевича Мухаммед-Кула являлась дочерью некоего Карамыша Мусаитова, женатого на дочери сибирского сеида Дин-Али ходжи. Дин-Али в свою очередь женат на дочери хана Кучума Нал-ханише. Если Безерген и Алма-бике двоюродные брат и сестра по мужской линии, то его отец (Байц, Байца?) должен быть родным братом Карамыша Мусаитова. Если же родство по женской линии, то мы попадаем в тупик. Таким образом, мы должны признать, что не можем однозначно утверждать о том, кто являлся предками Безергена. Он мог быть как выходцем из Средней Азии (сартом), составлявшем костяк окружения Кучума, так и представителем сибирской родоплеменной знати, посредством браков на дочерях которых сибирские Шибаниды поддерживали единство своего государства. В любом случае Безерген относился к представителям элиты Сибирского ханства. По косвенным данным, упоминание о нем как об абызе и дипломатические посылки в Бухару к хану Абдаллаху, мы склоняемся к его среднеазиатскому происхождению.

Также трудно представить функционирование Сибирского ханства без каких либо брачных связей с представителями прежней правящей династии (Тайбугиды), а также с сибирским карачей Маметом (Мухаммедом) [8]. Но каких-либо свидетельств о подобных браках у нас на данный момент нет.

Помимо этого в нашем распоряжении, по-видимому, имеется свидетельство о еще одном браке царевны из сибирских Шибанидов на одном из представителей сибирской родоплеменной верхушки. В писцовой книге Коломенского уезда отмечен некий сибирский мирза Карамыш и его жена княгиня Суньяша. В 1577/78 г. они оба были уже мертвы. При этом Карамыш умер ранее. Таким образом, появиться в России Карамыш и Суньяша должны были где-то в период 1550–1560-х гг. За Суньяшей значилось довольно обширное

²⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 57.

²¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1598 г. Д. 2. Л. 58–66; 1629 г. Д. 3. Л. 1–2.

²² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1627 г. Д. 7. Л. 1.

прожиточное поместье в 343 чети [34, с. 472, 543–544]²³. Из-за значительной временной разницы данный Карамыш не мог быть упоминаемым нами Карамышем Мусайтовым. По мнению М.В. Моисеева, появление этой группы татар в Коломенском уезде связано с событиями 1563 г., когда Шибаниды сместили с престола Сибирского ханства Тайбугидов. Тогда жена последнего правителя, Ядгара б. Касима (Гази), дочь ногайского бия Исмаила, и ее ононимный сын оказались в России. Иван IV писал Исмаилу: «А дочери твоей, которая была за сибирским князем, и сына ее, а твоего внука, тебе не отпустили». С ними, вероятно, бежала и часть двора Ядгара (Едигера) [31, с. 240; 27, с. 123–124]²⁴. У данного предположения имеются и слабые стороны. Размеры прожиточного поместья указывают на то, что поместье Карамыша составляли от 1700 до 3400 четей (при расчете, однако, использовались законодательные акты первой половины XVII в.). Это соответствовало статусу Чингизидов и отдельных ногайских мирз [14, с. 307–328, 339–342; 3]. Следует обратить внимание на разницу в статусе мужа и жены. Карамыш упомянут как мирза²⁵, а его супруга – княгиня. Это должно указывать на их изначально разный социальный уровень. Можно предположить, что статус мужа значительно повысился благодаря его супруге. В таком случае женщина, по видимому, была из рода Чингизидов. В таком случае муж получает почетное звание гургана (зятя Чингизидов)²⁶. При этом брак мог быть заключен как в Сибири, так и уже в России на той же сибирской царевне – к примеру на неизвестной сестре или дочери служилого царевича Шах-Али б. Ак-Даулета. О нем и его жене, возможно, упоминал в своем письме 1570 г. хан Кучум к Ивану IV: «Пяти шти человек в поиманье держать, земле в том что? Яз пошлю посла и гостей, да гораздо помиримся, толко похош с нами миру, и ты ис тех людей одного, которые в поиманье сидят, отпусти, и своего человека с ними к нам пришли гонцом» [37, №42, с. 52; 24, с. 888]. Не исключено, что две версии объединяются. Карамыш действительно мог быть сыном князя Ядгара. В таком случае его могли женить на дочери шибанского царевича, дабы подкрепить его претензии на Сибирь: «...и внуком твоим промыслити, чтоб он вперед на том юрте был»²⁷. В любом случае пока это только наши предположения. Но Карамыш, безусловно, являлся заметной фигурой в Си-

²³ К примеру дочь астраханского царевича Абдуллы б. Ак-Кобека, вдова романовского мирзы Эля б. Юсуфа Ахтанай (Ульяна) получила на прожиток 500 четей в с. Никольском [32, с. 198; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1613 г. Д. 2. Л. 2; 22, с. 348]. Вдове астраханского царевича Арслан-Али б. Абдуле с сыном Кутлуг-Гиреем на пожиток дали село Дубровка Касимовского уезда (624 чети с осьминою) [22, с. 336; РГАДА. Ф. 233. Кн. 19. Л. 71; Ф. 131. Оп. 1. 1695 г. Д. 1. Л. 23; Ф. 159. Оп. 2. Д. 4391. Л. 3].

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 176 об.–190 об.

²⁵ Известные нам документы позволяют предположить, что княжеским достоинством обладал только глава рода, все остальные именовались мирзами. По-видимому, это была общая практика. Мы наблюдаем ее в Ногайской Орде, Крыму и среди темниковских и касимовских татар.

²⁶ В России XVI–XVII вв. подобные примеры неоднократно фиксируются. Гурганами становились ногайские мирзы и знатные крымские выходцы, к примеру, Пашай мирза Кулюков. Это рассматривалось как особое пожалование от московского государя.

²⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. л. 176 об.–190 об.

бири. Но в таком случае часть служилых татар, испомещенных в Коломенском уезде, также могут оказаться сибирского происхождения.

Приходится констатировать, что в настоящее время наиболее перспективным направлением для дальнейших исследований родоплеменной сибирской элиты является выявление всех родственников сибирских цариц и членов их дворов, а также их потомков ведавшихся в Посольском приказе.

Что нам еще известно о сибирских царицах и царевнах? До июля 1603 г. в Уфе оказались сразу несколько сибирских цариц. По-видимому, это была операция по замирению или же попытке вывоза / добровольного выезда в Россию двух сыновей Кучума – Али и Каная. Именно они посылали проводить про судьбу цариц в «дальнюю» Кара-Барынскую волость Башкирского уезда своих людей: «как де государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси царевича Алея з братьею пожалует, к ним в улусы цариц пришлет ли де?» [29, №35]. Поэтому анонимными царицами могли быть только жены этих Чингисидов, царицы Кандаза и Данай. В Сибирь их не отпустили. Мы видим цариц в Москве на следующий 1604 г. Логично предположить, что они вернулись в столицу вместе с добровольно выехавшим царевичем Арсланом б. Али²⁸. При этом нам ничего не известно о том, где в это время находились дочери этих цариц. Были ли они отправлены в Уфу или же оставались в Москве, неизвестно. Известно только, что в Сибири цариц ждали вместе с царевичем Янсуюром б. Али [30, с. 212].

В первые годы XVII в. в Россию выехал ногайский мирза Бегай (Бай) б. Ханбай б. Исмаил, зять Кучума. Нам неизвестно положение мирзы в Сибири. Но он явно сыграл в ее истории свою роль. Возможно, со временем она станет нам понятна. Пока же мы видим, что его дети до 1598 г. проживали у деда с бабкой. После с бабкой, царицей Ак-сүйрюк, они переехали к царевичу Мухаммед-Кулу. Когда их отец оказался в России и был испомещен в Дорогобужском уезде, дети, а, возможно, и царица, по-видимому, переехали к нему. В результате событий Смутного времени семья мирзы оказалась в осажденном Сигизмундом III Смоленске. В августе Бегай со своей семьей бежал из осажденного, на этот раз уже русскими войсками города к боярину и воеводе князю Д.М. Черкасскому. Мы не знаем, пережили ли Смуту царица Ак-Сүйрюк и Лалтак. Однако можно сделать осторожное предположение о том, что внучка Кучума стала супругой одного из потомков азовского выходца Кучума Кизилдеева. Судя по документам, в Дорогобуже и Смоленске было нечто, сильно объединявшее обе семьи. По крайней мере бежали они из осажденного города вместе. Да и далее отмечаются определенные пересечения в судьбах представителей этих родов. Если наше предположение о браке верно, то более всего на роль жениха подходит либо Асан б. Кучум, или его сын Сабай испомещенный в 1613 г. в Суздальском уезде. Отцу назначили тогда поместный оклад 600 четей и 50 рублей годового денежного жалования, а сыну соответственно 500 и 40 – почти предельные оклады для служилых татар, не являющихся представителями владетельного рода [16].

После 1604 г. на целое десятилетие информация о сибирских царицах и царевнах почти полностью пропадает из документов. В эпоху Смуты было не до них. Но есть исключение. Касимовский царь Ураз-Мухаммед регулярно

²⁸ РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 27–32.

упоминает своих родственниц и их мужей в переписке с Яном Сапегой. Царь стремился оградить их поместья от каких-либо посягательств со стороны. Перечислим их всех: сестра Бохты царевна Сеиткулова дочь Шепелева, племянники Козьяк мирза Сеит-Магметев сын Юсупов [36, №88, с. 119] и Каплан мирза [36, №92, с. 123], зятья Шихим царевич [36, №90, с. 121], Сафаралей мирза Изламов [36, №91, с. 122], шурин Ахмет мирза Алеев [36, №92, с. 123]. Получается, что Ураз-Мухамед постарался выдать замуж всех своих родственниц. Предпримем попытку с их отождествлением.

Сестра царица (царевна) Бохты, по-видимому, являлась супругой ногайского мирзы из Ярославля Сафаралея Изламова. В 1636 г. отмечена вдова некоего Сафаралея (Сафар-Али) мирзы Арасланова сына Шейдяков [14, с. 226, 326]²⁹. По другим документам нам становится известно имя вдовы – Бохтыханьш, дочь царевича Сеиткула (Сеит-Кула)³⁰. В документах известен казахский царевич Сеит-Кул сын Шигай хана [12; 25, №8, с. 11–12]³¹. В таком случае нам следует искать некоего Сафар-Али б. Араслана б. Излама (Ислама?). По-видимому, это потомок Саид-Ахмеда б. Мусы. Сафарали мирза был убит 11 декабря 1610 г. в Калуге казаками в отместку за смерть Лжедмитрия II [26, с. 175; 2, №307]. Бохты приходится двоюродной сестрой Ураз-Мухаммеду. Свидетельств о ее связи с Сибирью на настоящий момент у нас нет.

Зять царевич Шихим – шарманшанский царевич Шейх-Мухаммед б Мухаммед³². Имя его жены нам неизвестно. Однако она должна быть сестрой или же теткой касимовского царя.

Племянник Козьяк мирза Сеит-Магметев сын Юсупов. Он должен быть потомком ногайского бия Юсупа б Мусы. По-видимому, это сын Сеид-Мухаммеда б. Ибрагима б. Юсупа. Сеид-Мухаммед известен как помещик Романовского уезда [3, с. 595]³³. О его сыне сведений нет. Нужно сказать, что уже ранее сибирские Шибаниды роднились с этой ветвью потомков Эдиге. Мирза Чин б. Эль б. Юсуп в одном из русских документов назван племянником Кучума³⁴. Таким образом, романовский мирза Эль должен был быть женат на сестре сибирского царя. О ее проживании в России, однако, ничего неизвестно.

Племянник Коплан (Каплан) мирза. Где-то в конце XVI в. в России оказались Еналей (Джан-Али) мирза, Каплан мирза и Алей мирза Тугановы дети Шейдяковы, их мать Девлет-тотай и их дядя, Теникей мирза. О Теникее еди-

²⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1636 г. Д. 7. Л. 4; Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 74–82.

³⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1649 г. Д. 7. Л. 1, 3; 1659 г. Д. 6. Л. 1–3; 1640 г. Д. 3. Л. 15.

³¹ РГАДА. Ф. 122. Оп. 1. 1594 г. Д. 1.

³² Его происхождение до настоящего времени не выяснено. По-видимому, следует согласиться с мнением И.В. Зайцева, кто делает предположение, что данный не относится к «золотому роду». По мнению исследователя, это скорее выходец из Гиляна. Здесь находились два вассальных по отношению к Персии ханства – Бийэ-пиш («Ближний берег») и Бийэ-лас («Дальний Берег»). После ряда попыток отстоять внутреннюю самостоятельность оба ханства были уничтожены шахом Аббасом в 1590–1592 гг. [23].

³³ В 1570 г. Ибрагим вместе с неназванным сыном после конфликта с Р. Пивовым бежал в Литву. Далее они перебрались в Крым, а затем оказались в Малой Ногайской орде (Казыев улус) [35, л. 4, с. 63]. По-видимому, Сеит-Мухаммед и был тем анонимным сыном. Но в таком случае получается, что беглые мирзы бросили в России своих жен и малолетних детей. Козьяк должен был воспитываться у своих романовских родственников.

³⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 15–16.

ножды отмечено, что он Оксаров (Аксаров) сын³⁵. Получается, что Девлет-тотай, или же еще одна, анонимная жена мирзы, была казахской или же сибирской царицей (царевной). При этом приходилась сестрой (неизвестно в какой степени родства) Ураз-Мухаммеду б. Ондану.

Шурин Ахмет мирза Алеев – это романовский служилый татарин из ногайских мирз Ахмед б. Али б. Кутум, брат жены касимовского царя Ураз-Мухаммеда царицы Салтан-бике [18].

Как мы видим, далеко не все перечисленные родственники касимовского царя были напрямую связаны с сибирскими царицами. Однако приведенные нами данные очерчивают общий круг их возможных брачных партнеров. Эти же данные также указывают наиболее перспективные направления архивных изысканий по заявленной нами теме.

Вновь имена сибирских цариц регулярно начинают встречаться на страницах источников только с 1614 г. К этому времени большинство, если не все, жены Кучума уже умерли. А вот о некоторых его дочерях и внуках у нас имеется информация. Когда внук Кучума Арслае б. Али стал касимовским царем, то вокруг него стали собираться его многочисленные родственники. В период его царства (1614 – 02.04.1626 гг.) в Касимове у царя «в шею да в тело» жили его тетки, дочери Кучума Молдур, Тур-пача (Дурпадша) и Нал-бике. Арслан на заднем дворе поставил каждой отдельные хоромы. Там они и жили своим хозяйством, числясь при этом ярославскими кормовыми татарами. После смерти племянника, доходы его наследника, царевича Сеид-Бурхана б. Арслана резко сократились. Родственники касимовского царевича по матери сделали все возможное для того, чтобы сибирские царевны покинули город. В конечном итоге они подали челобитную о дозволении переезда в Ярославль. Правда Нал-беке вскоре отказалась от этого и осталась в Касимове. При этом очень странной выглядит формулировка, почему она хочет этого: «И мне бы, робе твоей, умерети в Косимове у родителей своих»³⁶. Быть может в Россию выехала и ее мать, царица Лилилак? Мы уже видели, что имена отдельных женщин из семьи Кучума передавались разными, порой, абсолютно не схожими именами. Быть может Лилилак и Кубул (Левкал) – это одно и то же лицо? Пока к данному предположению следует относиться очень осторожно. Челобитную явно писал русский человек. Поэтому фраза о смерти у своих родителей, вполне возможно, следует рассматривать только как расхожее выражение. Она получает позволение жить в городе: «и царевич де Сеит-Бурхан по государеву указу ей, царевне Нал-беку, жить у себя велит. А кормить деи и поить, и одевать, и обувать тое царевны Нал-бека царевичю нечем». В документах отмечена как вдова и упоминается до 1651 г. В это время ее поденный корм составлял 18 копеек³⁷.

Следует отметить, что о Нал-беке ничего не говорится в документах о выезде 1598 г. Да и она, если считать ее дочерью Лилилак, приходилась Арслану не теткой, а двоюродной сестрой. Возможно, Нал действительно дочь Кучума. Только это родная сестра Али, плененная в марте 1607 г. [30, с. 37] На данном примере мы видим, что из-за скудности источников генеалогия Кучумовичей с трудом подвергается восстановлению.

О Тур-паче нам практически ничего неизвестно. В самом начале 1613 г. ногайский мирза Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед просил московских

³⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 4.

³⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 10.

³⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1651 г. Д. 6.

бояр (Михаил Федорович еще не был избран царем) отпустить в Ногайскую Орду некую Дойдур-пашу, обещая за нее щедрый «окуп» [1, с. 82]. В.В. Трепавлов отождествляет ее с одной из дочерей Кучума – Дерпадшой (Тур-пача, Тулун-беке), плененной в 1598 г. Данный факт указывает на то, что дочери сибирских Шибанидов сохраняли «династическую ценность» (по определению В.В. Трепавлова) и после падения Сибирского ханства [39, с. 43]. Просьба мирзы осталась без внимания. Отдавать замуж за границу в России было непринято. После 1628 г. она не встречается в документах.

В Ярославле Молдур вышла замуж за знатного выходца из Большой Ногайской Орды Девлета (Девлет-Мамет³⁸) Еналей мирзина сына Шейдякова³⁹. В 1625 г. Девлет отмечен как кормовой иноземец в Ярославле⁴⁰. Он умер в Великий пост 1646 г. [14, с. 103]⁴¹. От этого брака известна дочь Ирина. Дочь приняла православие в 1652 г.⁴² Царица же встречается в документах до 1671 г.⁴³ Получается, что она прожила около 79 лет. В.В. Вельяминов-Зернов отмечает, что в 1651 г., еще при своей жизни она поставила в память о себе надгробную плиту в Касимове, на старопасадском татарском кладбище [20, с. 306–307]⁴⁴. До 1646 г., когда произошло общее снижение содержания кормовым иноземцам, получала 24,5 копейки в день, далее – по 15 копеек⁴⁵.

Интересно, что у Девлет-Мамета была еще одна жена, касимовская царица Нал-ханиша (Нагел) Карамышева дочь Мусаитова [7], вдова касимовского царя Арслана б. Али и правнучка Кучума [14, с. 299; 6].

Не думаем, что остальные царевны все поумерали в девичестве. С высокой вероятностью их следует искать среди жен служилых ногайских мирз Шейдяковых, Кутумовых, Юсуповых. Некоторые из них могли выйти замуж за служилых царевичей. Так сестра Арслана б. Али, Ханым-джан, и младшая жена шарманшанского царевича Шейх-Мухаммеда б. Мухамеда Ханым, по-видимому, одно лицо⁴⁶.

Мы специально не стали рассматривать судьбы всех женщин, в той или иной степени относящихся к Кучумовичам. Их значительное число еще больше усложнило бы общую картину. Данные же по предложенной выборке позволяет сделать определенные обобщения. Заполучив одномоментно такую

³⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1622 г. Д. 22.

³⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 5.

⁴¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 65. Л. 1; 1652 г. Д. 9. Л. 3; Ф 141. Оп. 1. 1646 г. Д. 113а. Л. 73.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1652 г. Д. 5. Л. 1.

⁴³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1671 г. Д. 3.

⁴⁴ Следует особо остановиться на надгробиях 1651 г. Нам известно о трех таких надгробьях: Молдур, дочери Кучума, Алтын-ханым, дочерью царевича Хаджима б. Кучума и падчерицей Арслана б. Али, и Ай-ханыш, дочери Ондана б. Шигая. При этом все они были созданы еще при жизни женщин, оставшихся к этому времени вдовами. Мы вправе предположить, что это был спланированный шаг, возможно, вызванный общим кризисом в ощущениях знатных мусульман в России и надвигающимися неизбежными переменами [9]. К тому же единственная дочь Молдур вскоре примет крещение, дети Алтын-ханым умерли, а у Ай-ханых их, по-видимому, не было. Они боялись, что достойно проводить их в последний путь будет просто некому.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1671 г. Д. 3; 141. Оп. 2. 1646 г. Д. 113а. Л. 73.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1623 г. Д. 10, Л. 9.

большую группу знатных пленниц, в Москве, по-видимому, первоначально обрадовались. Однако вскоре возник логичный вопрос: можно ли их использовать в тех или иных государственных целях, прежде всего в закреплении своей власти в Сибири? На настоящий момент мы имеем однозначные указания о попытке воздействовать на царевичей Арслана и Каная. Что касается оказания давления на сибирскую родоплеменную знать, то с определенными оговорками мы можем говорить только о Чатах. Потенциал иных цариц, по-видимому, не осознали. Причин этому две: 1) слабая информированность Москвы о хитросплетениях генеалогических и политических связей народов Сибирского царства; 2) вскоре начавшиеся события Смутного времени, сделавшие на долгие годы не актуальными для руководства России многие сибирские вопросы. А после выхода из Смуты ситуация кардинально поменялась. Тем самым «политический потенциал» сибирских цариц оказался невостребованным. В жестком мужском мире они превратились в своеобразную разменную монету. На первых порах мы можем наблюдать определенный пиетет по отношению к своим родственницам со стороны татарских царей и царевичей (Ураз-Мухаммед б. Ондан, Мухамед-Кул б. Ахмед-Гирей, Арслан б. Али). Но со временем все меняется. В середине века царицы ищут поддержки в первую очередь друг у друга. Теперь они сами должны быть сильными, чтобы не затеряться в жестоком мужском мире. Таким получился, если хотите, женский взгляд на историю Кучумовичей, оказавшихся в России.

Полученные нами результаты также позволяют значительно скорректировать наши представления о брачной политике Кучума. При этом она была не уникальной, а, скорее, типичной для государств Востока. Как прямой аналог здесь можно привести матримониальные связи крымских ханов. По Крыму рассматриваемого нами периода мы имеем значительно больше информации. Поэтому, если допустить, тот факт, что правила формирования ближайшего ханского окружения в Крыму и Сибири были в своей основе типичными, то используя наши сведения о дворах Гиреев, мы сможем частично реконструировать персональный состав двора Кучума. Нам известны, в своем большинстве, только люди из ближайшего окружения сибирских цариц. Но, используя известные наработки по истории Крымского ханства [15; 33] и данные полученные при анализе сведений о женах Кучума, мы можем, по крайней мере, попытаться установить их статус, и, возможно, даже происхождение. Но это уже будет другое исследование.

Генеалогические связи сибирских и казахских Шибанидов на рубеже XVI–XVII вв.

Genealogical relations of the Siberian and Kazakh Shibaniids
at the turn of the 16th and 17th centuries

5. *Атыгаев Н.А.* Хронология правления казахских ханов (XV – середины XVI в.) // Тюркологический сборник. М.: Восточная литература, 2007. С. 50–62.
6. *Беляков А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–31.
7. *Беляков А.В.* Исинея Карамышев сын Мусаитов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6. Часть 3. С. 82–87.
8. *Беляков А.В.* Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 63–64.
9. *Беляков А.В.* О времени и месте написания продолжения сочинения Утемиш-хаджи «Кара таварих» (комментарии к тексту) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, №. 2. С. 370–392.
10. *Беляков А.В.* Сибирские выходцы в России в начале XVII в. Новые находки // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Курган, 21–22 апреля 2017 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 84–86.
11. *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645 – 1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.
12. *Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 29–59.
13. *Беляков А.В.* Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. // Тюркологический сборник: 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 95–112.
14. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
15. *Беляков А.В., Виноградов А.В., Моисеев М.В.* Институт атальчества в постзолотоордынском мире // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. №2. С. 412–436.
16. *Беляков А.В., Енгальчева Г.А.* Документы о происхождении толмачей Посольского приказа Кучумовых // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. №2. С. 16–23.
17. *Беляков А.В., Маслюженко Д.Н.* Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // Stratum plus. 2016. № 6: Pax Mongolica и европейские потрясения XIII–XIV вв. С. 229–243.
18. *Беляков А.В., Моисеев М.В.* Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань: РИОРО, 2004. Т. 5. С. 32–44.
19. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 520 с.
20. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. Ч. 3. 521 с.
21. *Груневек М.* (о. Венцеслав): духовник Марины Мнишек. Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 384 с.
22. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. 479 с.
23. *Зайцев И.В.* Потомки Чингисхана в Москве и Стамбуле: сравнительный анализ / Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. 2013. №3. С. 21–23.
24. История татар с древнейших времен в семи томах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. IV: Татарские государства XV – XVIII вв. 1080 с.
25. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 741 с.

26. *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. 223 с.
27. *Маслюженко Д.Н.* Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2008. 168 с.
28. *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 103–109.
29. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л. Изд-во АН СССР, 1936. 632 с.
30. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. II. 796 с.
31. *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в.(предварительные замечания) // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. №2. С. 236–247.
32. *Моисеев М.В.* К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 197–202.
33. *Некрасов А.М.* Избранные труды. Нальчик.: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 255 с.
34. Писцовые книги XVI в. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1872. Отделение I.: местности губерний Московской, Владимирской, Костромской. 924 с.
35. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 400 с.
36. Русский архив Яна Петра Сапеги 1608–1611 годов. Текст, переводы, комментарии. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
37. Собрание государственных грамот и договоров. М.: Тип. Селивановского, 1819. Т. II. 399 с.
38. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.
39. *Трепавлов В.В., Беляков А.В.* Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Олег Абышко, 2018. 496 с.
40. *Трутовский В.К.* Надгробные надписи из Текие Афган Мохаммед Султана в г. Касимове // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань: Типография Губернского правления, 1891. Т. V. С. 149–153.

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

*Поступила 15.01.2019 Принята к публикации 05.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

REFERENCES

1. *Akty vremeni mezhdutsarstvovaniya (1610 g. 17 iyulya – 1613 g.)* [Acts of the time of interregnum (1610, July 17 – 1613).]. Moscow: Tipografiya G. Lisskera i D. Sovko, 1915. 264 p. (In Russian)
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu.* [Historical acts collected and published by the Archeographical Commission.] St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)

3. Antonov A.V. Zemlevladel'tsy Romanovskogo uezda po materialam pistsovoy knigi 1593–1594 godov. [Landowners of the Romanovskiy district based on materials from the scribal book of 1593–1594]. *Arkhiv russkoy istorii = Archive of Russian history*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2007, pp. 574–601. (In Russian)

4. Ankhimiyuk Yu.V. Razryadnaya kniga 1598–1602 godov. [The Official Order Book of 1598–1602]. *Russkiy diplomatariy = Russian diplomatarary*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003. Is. 9, pp. 361–413. (In Russian)

5. Atygaev N.A. Khronologiya pravleniya kazakhskikh khanov (XV – serediny XVI v.). [Chronology of the rule of the Kazakh Khans (15th – middle of the 16th century)] *Tyurkologicheskiy sbornik = Turkological collection*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007, pp. 50–62. (In Russian)

6. Belyakov A.V. Araslan Aleevich – posledniy tsar' kasimovskiy [Araslan Aleevich – The Last Tsar of Kasimov]. *Ryazanskaya starina = Olden Time of Ryazan*. 2004–2005. Ryazan: Kray, 2006. Is. 2–3, pp. 8–31. (In Russian)

7. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni. [Isiney Karamyshev son of Musait. Unknown Hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of N.I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod University*. 2012, no. 6. Chast' 3, pp. 82–87. (In Russian)

8. Belyakov A.V. Kak zvali bol'shogo sibirskogo karachu? [What was the name of the great Siberian Karachu?]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014g.) = History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Proceedings of the II All-Russian Research Conference (Kurgan, April 17–18, 2014)*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2014, pp. 63–64. (In Russian)

9. Belyakov A.V. O vremeni i meste napisaniya prodolzheniya sochineniya Utemishkhadzhi «Kara tavarikh» (kommentarii k tekstu). [On the Time and Place of Writing the Continuation of Ötemish-Hajji's "Qara Tavarikh" (Comments on the Text)] *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 370–392. (In Russian)

10. Belyakov A.V. Sibirskie vykhodtsy v Rossii v nachale XVII v. Novye nakhodki. [Siberian immigrants in Russia at the beginning of the 17th century. New finds]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii (Kurgan, 21–22 aprelya 2017 g.) = History, economics and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: Proceedings of the III All-Russian (with international participation) Research Conference (Kurgan, April 21–22, 2017)*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2017, pp. 84–86. (In Russian)

11. Belyakov A.V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. [Employees of the Embassy Order in 1645–1682]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 368 p. (In Russian)

12. Belyakov A.V. Uraz-Mukhammed ibn Ondan. [Uraz-Mohammed ibn Ondan] *Mininskie chteniya: 2006 = Minin readings: 2006*. N. Novgorod: N. Novgorod State Universitet Publ., 2007, pp. 29–59. (In Russian)

13. Belyakov A.V. Tsarevich Avgan-Mukhammed ibn Arab-Mukhammed v Rossii pervoy poloviny XVII v. [Tsarevich Avgan-Mohammed ibn Arab-Mohammed in Russia in the first half of the 17th century] *Tyurkologicheskiy sbornik: 2006 = Turkological collection: 2006*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2007, pp. 95–112. (In Russian)

14. Belyakov A.V. Chingisidy v Rossii XV – XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie. [The Chinggisids in Russia of the 15th–17th centuries: prosopographic research]. Ryazan: Ryazan. Mir, 2011. 512 p. (In Russian)

15. Belyakov A.V., Vinogradov A.V., Moiseev M.V. Institut atalychestva v postzoltoordynskom mire [Institution of Atalykship in the Post-Golden Horde World]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 412–436. (In Russian)

16. Belyakov A.V., Engalycheva G.A. Dokumenty o proiskhozhdenii tolmatchey Posol'skogo prikaza Kuchumovykh. [Documents on the origin of interpreters of the Ambassadors Order of the Kuchumovs]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* = *Bulletin of N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. 2017, no. 2, pp. 16–23. (In Russian)

17. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Sibirsko-bukharsko-nogayskie otnosheniya v svete perepiski bukharskogo khana Abdallakha s sibirskim khanom Kuchumom. [Siberian-Bukhara-Nogai relations in the light of the correspondence of Bukhara Khan Abdullah with the Siberian Khan Kuchum]. *Stratum plus*. 2016, no. 6: Pax Mongolica i evropeyskie potryaseniya XIII–XIV vv., pp. 229–243. (In Russian)

18. Belyakov A.V., Moiseev M.V. Syuyun-bike: iz nogayskikh stepey v kasimovskie tsaritsy [Syuyun-Bike: From the Nogai steppes to Kasimov's queen]. *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* = *Materials and research on Ryazan regional studies*. Ryazan': RIORO, 2004. VOL. 5, pp. 32–44. (In Russian)

19. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasim's tsars and princes] St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1864. Ch. 2. 520 p. (In Russian)

20. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Study on the Kasim's tsars and princes]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1866. Part III. 521 p. (In Russian)

21. Gruneveg M. (o. Ventseslav): confessor of Marina Mnishek. *Zapiski o torgovoy poezdke v Moskvu v 1584–1585 gg.* [Notes about the trade trip to Moscow in 1584–1585]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2013. 384 p. (In Russian)

22. Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.). [Printed Order Documents (1613–1615)]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 479 p. (In Russian)

23. Zaytsev I.V. Potomki Chingiskhana v Moskve i Stambule: sravnitel'nyy analiz / Chingisidy v Rossii: «zolotoy rod» posle padeniya Zolotoy Ordy. [The descendants of Chinggis Khan in Moscow and Istanbul: a comparative analysis / The Chinggisids in Russia: The “Golden Kin” after the fall of the Golden Horde]. *Rossiyskaya istoriya* = *Russian history*. 2013, no. 3, pp. 21–23. (In Russian)

24. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh* [The history of the Tatars from ancient times in seven volumes]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. T. IV: Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv. [Tatar States of the 15th–18th centuries.] 1080 p. (In Russian)

25. Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries.]. Alma-Ata: AN Kazakhskoy SSR, 1961. 741 p.

26. Markhotskiy N. *Istoriya Moskovskoy voyny* [History of the Moscow War]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 223 p. (In Russian)

27. Maslyuzhenko D.N. *Etnopoliticheskaya istoriya lesostepnogo Pritobol'ya v srednie veka* [Ethnopolitical history of the forest-steppe Tobol region in the Middle Ages]. Kurgan: Kurgan State Universitet Publ., 2008. 168 p. (In Russian)

28. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Brachnaya politika praviteley Tyumenskogo i Sibirskogo khanstv. [The marriage policy of the rulers of the Tyumen and Siberian Khanates]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* = *Medieval Turkic-Tatar states*. 2017, no. 9, pp. 103–109. (In Russian)

29. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Moscow: Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1936. 632 p. (In Russian)

30. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [Siberian history] Moscow: Vostochnaya literatura, 2000. Vol. II. 796 p. (In Russian)

31. Moiseev M.V. Zemlevladienie sluzhilykh tatar v Kolomenskom uезде v kontse XVI v.(predvaritel'nye zamechaniya). [Land tenure of the Service Tatars in the Kolomna district at the end of the 16th century (preliminary observations)]. *Vestnik universiteta*

Dmitriya Pozharskogo = *Bulletin of Dmitry Pozharsky University*. 2017, no. 2, pp. 236–247. (In Russian)

32. Moiseev M.V. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века. [To the history of land tenure of the Yusupov family in the early 17th century]. *Russkiy diplomatariy* = *Russian diplomatarium*. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. Is. 10, pp. 197–202. (In Russian)

33. Nekrasov A.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Nal'chik: Izdatel'skiy otdel KBIGI, 2015. 255 p. (In Russian)

34. *Pistsovye knigi XVI v.* [Scribe books of the 16th century.] St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1872. Otdelenie I.: mestnosti guberniy Moskovskoy, Vladimirskoy, Kostromskoy [Areas of the Moscow, Vladimir, Kostroma provinces]. 924 p. (In Russian)

35. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom 1571–1577 gg.* [The ambassadorial book on relations of the Moscow State with the Crimea in 1571–1577.]. Moscow: Mardzhani Publ., 2016. 400 p. (In Russian)

36. *Russkiy arkhiv Yana Petra Sapiegi 1608–1611 godov. Tekst, perevody, kommentarii* [The Russian Archive of Jan Petr Sapieha for the years 1608–1611. Text, translations, comments]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2012. 688 p. (In Russian)

37. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovoro.* [Collection of state certificates and treaties]. Moscow: Tip. Selivanovskogo, 1819. Vol. II. 399 p. (In Russian)

38. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [Siberian Yurt after Ermak: Kuchum and Kuchumovichi in the fight for revenge]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012. 231 p. (In Russian)

39. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [Siberian princes in the history of Russia]. St. Petersburg: Oleg Abyshko, 2018. 496 p. (In Russian)

40. Trutovskiy V.K. Nadgrobnye nadpisi iz Tekie Afgan Mokhammed Sultana v g. Kasimove. [Gravestone inscriptions from Tekie of Afgan Mohammed Sultan in Kasimov] *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii = Proceedings of the Ryazan Scientific Archival Commission*. Ryazan': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1891. Vol. V, pp. 149–153. (In Russian)

About the autor: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Research Associate, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

Received January 15, 2019 Accepted for publication March 5, 2019

Published June 29, 2019

УДК 94(470)"1238/1480"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.392-400

**BOOK REVIEW: SELEZNEV Yu.V. KARTINY
ORDYNSKOGO IGA [SCENES OF THE HORDE'S YOKE]**

Charles J. Halperin

Bloomington, Indiana, USA

chalperi@indiana.edu

Abstract: The latest monograph by Iurii Vasil'evich Seleznev of Voronezh State University, *Kartiny ordynskogo iga*, discusses the social and political interaction of Rus' princes with the Juchid ulus (the Horde) during the thirteenth to fifteenth centuries. By examining trips by Rus' princes to and from the Horde and the amount of time they spent at the Horde, the activities of Rus' princes who became in-laws of the khans by marrying Chingissid princesses, Rus' princely attendance at Horde quriltais (assemblies), how the Rus' princes greeted khans who crossed Rus' territory, Rus' princely service in Horde military campaigns, possible Rus' princely membership in the Horde's Imperial Guard (*keshig*), the reception of Horde envoys by the Rus' princes and the dispatch of Rus' envoys to the Horde, and the judicial processes that led to the execution of Rus' princes at Sarai or in the Horde's nomadic camp, Seleznev demonstrates conclusively that the Rus' princes had the opportunity to become familiar with Horde military strategy and tactics, Horde ceremonial and ritual, and Horde political culture. However, the question of the extent of Tatar influence on Rus' political institutions and identity remains a difficult one.

Keywords: Rus', Horde, Rus'-Tatar relations, quriltai, keshig, Tatar Yoke, Juchid ulus

For citation: Halperin Ch.J. Book Review: Seleznev Yu.V. *Kartiny ordynskogo iga* [Scenes of the Horde's Yoke]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 392–400. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.392-400

As a literary conceit Iurii Vasil'evich Seleznev of Voronezh State University structures his latest monograph on Rus'-Tatar relations as the script of a play. He begins with a scholarly Introduction, but this is followed by an Exposition, a Prologue with two scenes, three Acts with five or six scenes apiece, and an Epilogue before returning to scholarly monograph form to conclude with a bibliography (388–415)¹, two Appendixes, lists of maps and illustrations (413), a list of abbreviations (414), and Indexes of personal (415–431) and geographic (432–436) names. The substantive sections of the book discuss various themes of the relationship of Rus' to the Juchid ulus, most often called the Horde in contemporary Rus' sources, and present both the conclusions of his many previous publications, especially [7], from which he borrows and sometimes revises large excerpts², and analyses of new topics (perhaps anticipated in articles, which I have not consulted). The monograph as a whole thus repeats and expands his conclusions about how subordination to the Horde affected the activities of the Rus' princes during the thirteenth to fifteenth centuries.

¹ The Table of Contents refers to the "List of sources and literature" (*Spisok istochnikov i litetratury*), but the heading on (288) is "Bibliographical List" (*Bibliograficheskiy spisok*), subdivided into "Sources" (*Istochniki*) (388–391) and "Literature" (*Literatura*) (397–412).

² [7] lacked maps, illustrations, or indexes.

In the "Introduction" (*Vvedenie*) (4–21) Seleznev questions the common wisdom that Tatar rule turned Rus' into an oriental despotism and its ruler into a tyrant. He suggests that Tatar influence on Rus' institutions was less than is usually believed but on Rus' political culture more than is usually believed. He defines the goal of this monograph as the creation of a static "verbal model" (*verbal'noi model'*) of Rus'-Tatar relations (6).

In the "Exposition: Tatar Subordination" (*Ekpozitsiia: tatarskaia nevolia*) (22–36) Seleznev rejects the term "the Mongol-Tatar Yoke" (*tatarskoe igo*) to encapsulate the period and system of Tatar sovereignty over Rus' as an anachronism not found in thirteen-fifteenth-century Rus' sources, but still justifies applying the term "yoke" (*igo*) in place of terms which appear in Rus' sources at different stages of Tatar rule such as *nevolia*. He also questions the applicability of concepts such as vassalage, protectorate, and ministeriales to connote all the dimensions of Tatar sovereignty as a legal and political system.

In his "Prologue: Obligations to the Tatars" (*Prolog: Tatarskoe protory*) (37–48) Seleznev proposes a periodization schema of Rus'-Tatar relations from 1223 to 1480 before discussing tax obligations in Scene (*Kartina*) 1 (39–44) and military obligations in Scene 2 (44–47). In the latter he interprets the replacement, at the urging of Prince Alexander Nevskii, of conscription by the *baskak* system as "the first step toward liberation [of Rus'] from Horde dependence" (47) because it weakened Tatar rule.

"Act 1: Batu's Commandment" (*Deistvie pervoe: Batieyeva zapoved'*) (49–107) derives largely from his previous studies [7, p. 254–302; 6, p. 104–128] and contains five scenes: Scene 1 on departure of Rus' princes to the Horde, Scene 2 on the route they traveled, Scene 3 on what took place in Sarai or at the khan's camp, Scene 4 on the return trip, and Scene 5 on the duration of the trip. It bears repeating that the Rus' princes knew they had to pay courtesy calls at the Horde on the khan's wives and members of the elite, and that the frequency of trips and length of stay at the Horde reflected very sensitively the degree of power that the Horde exercised over the Russian forest zone. Logically, the time Rus' princes spent at the Horde gave them ample opportunity to be influenced by Tatar political culture. Seleznev's observation that the Rus' princes explored the khan's nomadic camp on horseback because no one at the Horde walked around is the kind of social detail that reminds the reader that we are dealing with real people, not just abstractions like "the Horde."

"Act 2: The Land of the Khan and Batu" (*Deistvie vtoroe: zemlia kanovi i Batyve*) (108–184) is new, highly original, and very stimulating. Scene 1 discusses visits of the khan to the land of his subjects (108–19), which did not happen often, usually in connection with Tatar campaigns against the western neighbors of Rus'. It was incumbent on the Rus' princes to prepare the roads and if necessary bridges for the transit of the khan and his army and to greet the khan with deference and hospitality bearing gifts and food. When Rus' princes and their retinues joined the Tatar army on campaign, the khan, as sovereign of Rus', enjoyed the right to inspect the Rus' troops.

Scene 2 deals with the Rus' princes as in-laws (*ziat'*)³ of the khans (119–135). Marriage to a Chingissid princess gave the Rus' princes privileges but also obliga-

³ *Ziat'* means brother-in-law or son-in-law, but a more generic translation as "in-law" better suits this discussion.

tions. Rus' princes had a consultative voice, but not a vote, at *quriltais*. Such in-laws ranked at the bottom of the hierarchy of the Chingissid Golden Kin (*altan uruk*) but above commanders of 10,000 troops (*a t'ma*) called *temniki* in the Rus' sources. Seleznev provides a genealogical chart of Rus'-Chingissid intermarriages (136).

Scene 3 discusses Rus' princes at *kuriltais* (137–145), emphasizing their obligation to attend and their lack of participation in the Horde's decision-making process. Only Prince Fedor Rostislavovich Chermnyi regularly attended *quriltais* (assemblies), and he was probably the exception.

Scene 4 describes Rus' princes serving their Tatar overlords in warfare (145–154). Seleznev infers that Prince Fedor Rostislavovich probably served in the Bulgarian campaign of Nogai, the warlord of the western zone of the Juchid ulus. Seleznev adds that by serving in Tatar armies, Rus' princes and their retainers learned Tatar strategy and tactics as well as military culture.

Scene 5 raises, for the first time to my knowledge in Russian-language historiography on the Rus'-Horde relations, the issue of the service of Rus' princes in the khan's guard (Mongol *keshig*), an institution founded by Chinggis Khan and known to have existed in the world Mongol Empire. Seleznev recounts the long service sojourns of Rus' princes and their hostage sons at the Horde and infers that they served in the Imperial Guard.

Scene 6 on the reception and dispatch of envoys from and to the Horde (107–183) is the exception in Act 2 because it is taken largely from [7, p. 240–253], except for its end. Envoys demonstrate the inclusion of Rus' princes in the Tatar political system and the dependence of both Rus' principalities and individual Rus' princes upon the khans. Horde envoys installed Rus' princes on their thrones or summoned them to the khan. Tatar envoys had the right (*pravo*) in the fourteenth century to loot Rus' settlements to make up tax shortfalls (172).

“Act 3: “And they beheaded him...” (*Deistvie tret'e: I otekosha glavy im...*) (185–219) begins with an overview of Rus' princely executions. Fourteen of 109 Rus' princes who traveled to the Horde were executed, one in eight⁴. Seleznev repeats his correlation of Rus' princely executions and the phases of the moon. Five scenes follow, one on each adequately documented execution.

Scene 1 on Prince Mikhail of Chernigov (191–198) explores the mystical and apocalyptic context in which his death occurred. In the prophecies of Pseudo-Methodius of Patara the last tsar before the End of Days is named Mikhail.

Scene 2 on Prince Roman of Riazan' (199–203) links his dismemberment, a deliberate insult, to accusations of treason.

Scene 3 on Prince Mikhail of Tver' (204–211) brings out its imagery of the Babylonian Captivity of the ancient Hebrews, which was temporary until the Hebrews had repented their sins and been forgiven by God. Mikhail's *vita* links Khan Uzbek's conversion to Islam to his persecution, at the instigation of the Devil, of Christians in general and Mikhail in particular. Seleznev finds no other instance in which someone cut out the heart of the executed.

⁴ [1, p. 89] contains a typographical error: “eleven” executed Rus' princes should be fourteen. [1, p. 89–90] prints approximately five lines of text twice.

Scene 4 on Princes Alexander and Fedor of Tver' (211–216) finds only partial analogies in punishments in the Ilkhanate to the stripping of Alexander naked, to dishonor him, before his execution.

Scene 5 on Prince Dmitrii of Tver' *Groznye ochi* or *Zverinnye ochi* (of the Terrible Eyes or Bestial Eyes) (216–218) notes that this is the only case in which we know for a fact that the victim was guilty. Rus' sources admit that Prince Dmitrii did assassinate Prince Iurii Danilovich of Moscow for complicity in the executions at the Horde of Dmitrii's father and brother.

Seleznev concludes this Act (218–219) by declaring that while the accusations against Prince Mikhail of Tver' have some basis in credible evidence, the participation of Rus' princes in conspiracies against the khan is highly problematic. Only the guilt of Prince Dmitrii of Tver' is beyond doubt.

In his "Epilogue" (*Epilog*) (220–221), which serves in lieu of a "Conclusion" to the monograph, Seleznev variously categorizes the Rus' princes as "governors" (*namestniki*) of the khans in their own "patrimonies" (*otchiny*), prince-servitors in the khan's polity (*ulusniki*, from *ulus*, the name of steppe nomadic polities of varying size), subjects of the khan, and "officials" (*chinovniki*) of the Mongol Empire. Although the Rus' princes learned Horde political culture, "Russian Orthodox princes, like all Christianized societies, did not accept the political doctrines of the Mongol Empire. This fact explains the relatively (*dostatochno*) weak degree of influence of Horde political culture on the development of state institutions within the Russian principalities during the period examined here" (221).

Appendix 1 (222–362) is a list of Rus' princes who visited the Horde between 1242 and 1445, including the purpose of the trip, its chronology, and bibliography. It contains 267 visits by 109 princes and three princesses, for a total of 112 people. This Appendix supersedes its predecessor in [7, p. 313–415], which contained 250 trips by 99 princes and three princesses. The net increase in princes is actually eleven, not ten, because one item of the older list was deleted⁵.

Appendix 2 (363–387) presents data on the reception and dispatch of envoys from and to the Horde. It contains 91 entries. Its counterpart in [7, p. 416–430] contained 84 entries, so Seleznev has added seven items⁶.

Kartiny ordynskogo iga makes a significant contribution to our knowledge of the social and political history of both Rus' and the Juchid ulus, and of the intense and complex relations between Rus' and the Tatars during the thirteenth to fifteenth centuries. Its imaginative structure facilitates raising new questions and exploring new themes. To be sure, as a result of his thematic acts and scenes Seleznev sometimes quotes passages from the sources more than once, but that is forgivable. While legitimately questioning the still widespread perception that blames the Tatars for turning Rus' into an authoritarian state with a hypertrophic governmental apparatus, Seleznev continues to demonstrate from the Rus' sources that it is impossible to understand Rus' history during the Tatar period without taking into account Rus'-Tatar relations, even if disagreements over the importance of different aspects of Tatar influence continue to exist. Seleznev also deserves praise for never once demeaning the Tatars as *zakhvatchiki* (predators). Objective

⁵ Old list Table no. 1 was eliminated; the new entries in the new list are Tables no. 2, 6, 24, 40, 50, 61, 89, 94, 107, 111, 112. On Table no. 102 (350) the name of the prince is not in bold type.

⁶ The new items are no. 6, 19, 31, 52, 72, 89, 90.

scholarship has no space for such anachronistic pejorative terminology. The full-page color maps and illustrations greatly enhance Seleznev's presentation. Four illustrations (the fifth is the genealogical chart) are miniatures from the Illustrated Chronicle Compilation (*Litsevoi letopisnyi svod*) from the second half of the sixteenth century. Unfortunately Seleznev did not take advantage of the opportunity to comment on their depiction of the Tatars, which paints them as identical to Rus'.

Because it would be impossible here to comment on all of the issues discussed in *Kartiny ordynskogo iga*, I will examine only selectively several of Seleznev's conclusions⁷.

(Introduction) Seleznev does not repeat here his recent criticism elsewhere of those Russian historians who disregard all evidence of Rus' subordination to the Horde, such as paying taxes, supplying recruits, making obeisance in person first to the Great Khans in Qaraqorum and then to the khans of the Horde, in order to insist that the Rus' principalities were independent [6, p. 8, 12–22].

The phrase “the Tatar Yoke” is not only an anachronism, it is of foreign provenance. It originated in Latin in the first half of the sixteenth century, in 1521 in Maciej z. Miechowa's *Chronicum Polonum* [4, p. 241] and reappeared in 1575 in Daniel Printz's *Moscovia ortus, et progressus* [5, p. 244–245]. It did not appear in Slavic until the second half of the seventeenth century in Innokentii Guizel's *Synopsis* and slightly later in Andrei Lyzlov's *Skifskaka istoriia* [Scythian History] [2, p. 168–169], long before its use in Radishchev, the earliest Russian text cited by Seleznev. Radishchev almost certainly found the phrase in the *Synopsis*, which was very popular in eighteenth-century Russia.

(Prologue) Seleznev's first period of Rus'-Tatar relations (37–39) begins with 1223 and runs to 1241, so it includes 1224 to 1236, when the Tatars were entirely absent from Eastern Europe. It might have been better, following Seleznev's theatrical conceit, to call the Battle on the River Kalka a prologue, and let 1237–1274 stand alone as the period of conquest. It seems clear that neither Rus' nor the Tatars understood the significance of the Stand on the Ugra River in 1480 at the time. It might therefore be more instructive to continue the last period of Rus'-Horde relations to 1502 when the Great Horde was destroyed. I leave to others the problem of reconciling the changing nature of Rus'-Tatar relations reflected in Seleznev's periodization schema, a diachronic analysis, with the static nature of his “verbal model,” synchronic analysis.

(Prologue, Scene 1) Although Seleznev makes superb use of sources (in Russian translation) from the world Mongol Empire and its successor states, including the “Secret History of the Mongols” and texts from the Yuan dynasty in China and the Ilkhanate in Iran, he continues not to utilize Western-language scholarship on such issues as Mongol taxation.

(Prologue, Scene 2) When the Tatars ceased conscripting Rus' into military service remains very unclear because the Rus' sources do not provide any unambiguous evidence of such conscription at all. Moreover, that Rus' princes and the retinues began performing military service in Tatar campaigns does not preclude the simultaneous continuation of conscription. That Prince Alexander Nevskii “persuaded” the Horde in 1262 to abandon conscription may be too imaginative an interpretation of

⁷ Each comment is preceded in parentheses by a cross-reference the section of the text to which it pertains.

the Rus' sources. Some historians, moreover, believe that the actual purpose of Cholkhan's "visit" to Tver' in 1327, once we disregard the fantastic motives ascribed to him in Rus' sources, was to recruit conscripts for the Horde's ongoing war with the Ilkhanate. Seleznev does not refer to Chinese sources enumerating Rus' regiments in China to shed light on Juchid conscription of Rus', which is highly relevant unless we believe that Rus' peasants volunteered to serve in the Mongol army thousands of miles from their homes. That the Horde's abandonment of Rus' conscription, like the shift from on-site administration by *baskaks* to absentee envoys (*posoly*) and vice-roys (*darugi*), reflected Horde weakness does not sound convincing; both changes, apparently, took place when the Horde was supposedly at its zenith under Khan Uzbek. Both changes strike me as tactical reflections of the relative unimportance of the Russian forest zone to the Horde, whose military strength derived from Tatar nomads and whose wealth derived from international trade. Given the ambivalent Rus' perception of the concept of the Tatar sovereignty, which Seleznev acknowledges, it does not strike me as helpful to describe the putative termination of conscription in 1262 as a step toward "liberation" of Rus' from Horde "dependence." The events of 1327 attest that Tatar authority over Rus' was hardly compromised by the revision of its administrative structure.

(Act 2, Scene 1) One might interpret the rarity of "visits" by the khans to Rus' territory – and then only when on campaign against western neighbors of Rus' such as Poland, Lithuania and Hungary – as evidence that Rus' was only of peripheral importance to the Horde and that the Horde rule over Rus' was sufficiently stable, despite riots and rebellions, that it did not require a khan's presence to maintain control until Tokhtamysh in 1382. Khan Uzbek did not need to travel to Moscow or Tver' to bolster failing Horde authority.

(Act 2, Scene 2) It may be misleading, or at least inappropriate, to present Rus' in-law princes as having consultative-only votes at Tatar quriltais. The Juchid ulus, like the Mongol Empire before it and other coexisting Mongol successor states, was hardly a constitutional regime in which consultative and decision-making authority were clearly distinguished. Medieval Mongol states functioned according to custom, and quriltais pretended to reach unanimous decisions by consensus even when debate descended into civil war. Seleznev is certainly correct that Rus' princes did not participate in the formulation of Horde policy toward Rus', and he deserves credit for raising the issue of Rus' presence at quriltais, if only as loyal subjects eagerly awaiting the decisions of their betters. The question of who attended, rather than who had the "right" to attend, quriltais deserves further research.

(Act 2, Scene 5) The possibility of Rus' enrollment in the Horde's Guards is absolutely fascinating. The problem is simply that as far as I know there is no reliable evidence that the Juchid khans has a *keshig*. However plausible such an assumption, it remains, nevertheless, an assumption. Earlier Seleznev argued that historians have to assume that the Horde had a Guard, "perhaps" what the Rus' sources call the "household" or "court" (*dvor*) of the khan [6, p. 58]. Yet the Rus' principalities had "courts" but did not have a comparable *keshig*, so historians do not *have to* assume that the Horde had a Guard. The military service of Rus' princes in Horde campaigns and the presence of Rus' princely sons or heirs as hostages in the Horde, notably under Tokhtamysh, cannot constitute direct evidence of their membership in the Horde's *keshig* unless and until we can establish that such an

institution existed. Neither military service nor hostages necessarily required integration into an imperial guard.

(Act 2, Scene 6) Certainly Tatar officials, like the Horde itself, thought it had the right to loot any regions of Rus' that failed to meet its tax allocation, but it is doubtful that the Rus' princes thought so, and certainly the Rus' chroniclers did not think so. The Rus' chronicles describe such actions as a great evil (*zlo*) and described the result as hardship (*tiagost'*) and oppression (*nasilie*). Confiscation of property of tax evaders and removal from their thrones of Rus' princes who failed to deliver the tribute (*vykhod*) in full might (see Prince Mikhail of Tver') be authorized, but I think Seleznev's formulation goes too far.

(Act 3, Scenes 1, 3) Seleznev does not comment that the imagery of the Babylonian Captivity could not develop until the apocalyptic response to the Tatars had worn off. If the Apocalypse was near, there would hardly be time for the temporary captivity of the Rus' to expire. Rus' sources articulated multiple intellectual reactions to the Tatar incursions, all of them infused with biblical and scriptural language and concepts.

(Act 3, Scene 3) Seleznev appreciates that the accounts of Tatar executions of Rus' princes sometimes reflect hagiographic motifs and literary etiquette; such details should properly be considered fictitious. Deciding which clichés are reliable offers room for disagreement. The narration of the death of Prince Mikhail of Tver', sainted as a martyr, recounts that a man named Romanets cut out Mikhail's heart. Seleznev finds no analogy to this means of capital punishment in Mongol juridical practice (211); I suspect this is because it is a sensationalist fiction on the part of the Rus' author of Mikhail's vita.

(Epilogue) The multiple terms Seleznev adduces to describe the relationship of the Rus' princes to the Horde reflect the ambiguities of that relationship. The term "vassal" probably better reflects the dimensions of that relationship than "governors." Equating a Rus' prince who swore loyalty to the khan even to an ethnic East Slav who served as a *baskak* strikes me as misleading. No Rus' of any status, let alone a prince, served as an official of the Horde in Sarai or the khan's nomadic camp. The very concept of *chinovnichestvo*, bureaucrats in a bureaucratic administrative structure, seems out of place in medieval Rus', so calling the Rus' princes "officials" simply compounds anachronisms. Distinguishing political theory from practice is complicated by the absence of political theory in Rus'. Even in the fourteenth century when Muscovy imposed upon subordinated Rus' princes the obligation not to "know" the Horde, that is to carry on independently diplomatic contacts with the khan, those subordinate princes often did so anyway, and even if obeyed, that injunction did not necessarily preclude pursuing political contacts with polities – such as Lithuania – other than the Horde.

Seleznev at least raises the issue of comparing Rus' relations to the Horde with those of other Christian states toward the Mongol Empire and its successor states, an issue that has not received anything approaching adequate study. We may discard evidence concerning Nestorian Christian societies in the steppe from consideration even if they were sedentarized or partially sedentarized; their differences from agricultural forest Rus' are so great as to invalidate comparative analysis. The Orthodox polities of Armenia and Georgia, however, vassals (for the sake of argument) of the Ilkhanate, can provide a standard of comparison. Seleznev does utilize

Armenian and Georgian chronicles as sources. Invocations of the apocalypse in labeling the Mongols the peoples of God and Magog, for example, appear in Armenian sources as they did in Rus' sources; in both as well non-Christian conquest constitutes divine punishment for Christian sins. Seleznev writes that Rus' and other Christians did not accept the "political doctrines" of the Mongol Empire. Yet I would propose that the Rus' accepted one major Mongol "political doctrine," indeed *the* major political doctrine of the Mongol Empire, namely the principle of Chingissid legitimacy, and exploited that doctrine in their depictions of the non-Chingissids Mamai, Edigei and Timur. I know of nothing comparable in Armenian or Georgian sources.

(Epilogue) Seleznev recognizes Rus' familiarity with Horde political culture and military strategy and tactics, but neither in this monograph nor in any of his previous monographs on Rus'-Tatar relations has he addressed the evidence of Tatar influence on Rus' "state institutions," specifically Muscovite institutions, not just military but especially financial, from the fourteenth to sixteenth centuries, admittedly subjects of sometimes heated disagreement among western historians. Whether sixteenth-century Muscovy considered itself a successor state of the Juchid ulus has generated considerable discussion but no consensus among specialists inside as well as outside Russia has appeared. Of course Seleznev would need another book to explore this issue properly but lacking that, his conclusion, right or wrong, lacks argumentation and evidence, and appears to be a glib *obiter dictum* inconsistent with the scrupulously documented conclusions that make *Kartiny ordynskogo iga* so valuable.

In conclusion, the scholarly level of Iurii Seleznev's *Kartiny ordynskogo iga* equals that of his previous publications, the highest praise to which it might aspire. It should find a wide audience among specialists in medieval Rus' and Tatar history.

REFERENCES

1. Halperin Ch.J. Iu.V. Seleznev's Contribution to the Study of the Juchid ulus. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, 2(4), pp. 74–94.
2. Halperin Ch.J. "The Tatar Yoke and Tatar Oppression". Halperin, *Russia and the Mongols Slavs and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia*. Victor Spinei and George Bilavski, ed. Bucharest: Editura Academiei Romane, 2007, pp. 168–181.
3. Halperin Ch.J. Review of Seleznev. *Russkii kniaz'ia pri dvore khanov Zolotoi Ordy*. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, V.6, no. 4. 2109, pp. 682-684.
4. Keenan E.L. Ivan III, Nikolai Karamzin, and the Legend of the "Casting Off of the Tatar Yoke" (1480). Chester Dunning, Russell Martin, and Daniel Rowland, ed. *Rude and Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History in Honor of Robert O. Crummey*. Bloomington, IN: Slavica Publishers, Inc., 2008, pp. 237–251.
5. Ostrowskii D. *Muscovy and the Mongols. Cross-cultural influences on the steppe frontier*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 329 pp.
6. Seleznev Iu. *Russkii kniaz'ia pri dvore khanov Zolotoi Ordy* [Russian princes at the Court of the khans of the Golden Horde]. Moscow: Lomonosov, 2017. 272 p.
7. Seleznev Iu.V. *Russkie kniaz'ia v sostave praviashchei elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vekakh* [Rus' Princes as Members of the Ruling Elite of the Juchid ulus from the thirteenth to the fifteenth centuries]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 p.

8. Seleznev Yu.V. *Kartiny ordynskogo iga* [Scenes of the Horde's Yoke]. Voronezh: Izdatel'skii dom Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. 437 p.

About the author: Charles J. Halperin – PhD (History), Independent scholar, Freelancer (vneshtatnyi sotrudnik), Indiana University (Bloomington, Indiana, USA). E-mail: chalperi@iu.edu

Received February 28, 2019 Accepted for publication May 17, 2019

Published June 29, 2019

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
СЕЛЕЗНЕВ Ю.В. КАРТИНЫ ОРДЫНСКОГО ИГА**

Чарльз Дж. Гальперин

*Индианский университет
Блумингтон, штат Индиана, США
chalperi@indiana.edu*

В новейшей монографии Юрия Васильевича Селезнева из Воронежского государственного университета, «Картины ордынского ига», обсуждается социальное и политическое взаимодействие русских князей с Улусом Джучи (Золотой Орды) в XIII–XV вв. Изучая поездки русских князей в Орду и из Орды, количество времени, которое они провели в Орде, деятельность русских князей, оказавшихся в свите ханов, выйдя замуж за дочерей Чингисидова рода, присутствие русских князей на курлтайах в Орде, торжественный прием князьями ханов, пересекавших территорию Руси, княжеское служение в военных действиях Орды, возможное княжеское членство в Имперской гвардии Орды (кешиг), прием посланников орды русскими князьями и посылка русских посланников в Орду, и судебные процессы, которые привели к казни русских князей в Сарае или в кочевом лагере Орды, Селезнев убедительно доказывает, что русские князья имели возможность ознакомиться с военной стратегией и тактикой Орды, ордынской церемонией и ритуалами, а также политической культурой Орды. Однако вопрос о степени влияния татар на политические институты и идентичность России до сих пор остается сложным.

Ключевые слова: Русь, Орда, русско-татарские отношения, кешиг, татарское иго, улус Джучи

Для цитирования: Halperin Ch.J. Book Review: Seleznev Yu.V. *Kartiny ordynskogo iga* [Scenes of the Horde's Yoke] // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 392–400. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.392-400

Сведения об авторе: Чарльз Гальперин – PhD (история), независимый исследователь, внештатный сотрудник, Индианский университет (Блумингтон, штат Индиана, США). E-mail: chalperi@iu.edu

Поступила 28.02.2019 Принята к публикации 17.05.2019

Опубликована 29.06.2019

ХРОНИКА

УДК 94(47):394.46

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.401-406

МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 750-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Э.Г. Сайфетдинова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация,
adulya2@yandex.ru*

2019 год проходит под эгидой празднования 750-летнего юбилея Таласского курултая, который послужил отправной точкой в формировании независимости Золотой Орды и других чингизидских государств. Курултай 1269 г. условно называют датой заключения мира между Чингизидами и установления границ их владений. Считается, что курултай 1269 года поставил юридическую точку в процессе распада Монгольской империи. Решения, принятые на курултае, не только юридически подтвердили распад Монгольской империи, но и позволили Улусу Джучи стать по настоящему суверенным государством, Золотой Ордой. К данному событию было приурочен ряд мероприятий, прошедших как на территории Российской Федерации, так и в других странах. Юбилейные мероприятия не только вызвали интерес у специалистов, занимающихся золотоордынской тематикой, но и привлекли внимание у широкого круга общественности.

Ключевые слова: выставки, конференции, Золотая Орда, юбилей, Таласский курултай

Для цитирования: Сайфетдинова Э.Г. Мероприятия, посвященные 750-летию юбилею Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 401–406. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.401-406

EVENTS DEDICATED TO THE 750-YEAR ANNIVERSARY OF THE GOLDEN HORDE

E.G. Sayfedinova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

The year 2019 is progressing under the auspices of the celebration of the 750th anniversary of the Talas kurultai, an event which served as the starting point in shaping the independence of the Golden Horde and other Chingissid states. The 1269 kurultai is con-

ventionally seen as the date of peace between the Chingissids and the definition of the boundaries of their domains. It is also widely accepted that the 1269 kurultai completed in legal terms the process of disintegration of the Mongol empire. The decisions taken at the kurultai not only legally confirmed the dissolution of the Mongol empire, but also allowed the Jochid ulus to become a truly sovereign state – the Golden Horde. A number of events held both in the Russian Federation and in other countries are timed to this event. The anniversary events aroused the interest of not only specialists of the Golden Horde theme, but also attracted wide public interest.

Keywords: exhibitions, conferences, Golden Horde, anniversary, Talas Kurultai

For citation: Sayfetdinova E.G. Events Dedicated to the 750-Year Anniversary of the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 401–406. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.401-406

2019 год проходит под эгидой празднования 750-летнего юбилея Золотой Орды. К данному событию приурочен ряд мероприятий. Самым важным и статусным мероприятием станет проведение в Казани 26–28 июня 2019 года VI Международного золотоордынского форума. Однако мероприятия, которые проходят до форума, также впечатляют.

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств, уже начиная с 2018 года, стал проводить различные мероприятия, посвященные этой юбилейной дате. Важно отметить, что сотрудники Центра активно освещали предстоящее событие и давали интервью разным СМИ и теле- и Интернет-каналам, а также читали лекции на разных площадках. В 2018 году Центр организовал ряд Круглых столов. Одним из важных мероприятий был Круглый стол «Татарское владычество: иго», который состоялся 17 апреля 2018 года. Основным докладчиком выступил доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного университета Селезнёв Юрий Васильевич, тема доклада: «Татарское иго: мифы и реальность». За круглым столом была обсуждена проблема научной обоснованности использования термина «иго» по отношению к периоду владычества Золотой Орды над Русью, а также речь зашла о необходимости популяризации научных достижений, сделанных в изучении русско-ордынских отношений в последние десятилетия. В рамках Круглого стола в конференц-зале Института истории состоялась презентация книги Ю.В.Селезнёва «Картины ордынского ига». Монография Ю.В. Селезнева посвящена рассмотрению места русских князей в системе общественно-политических отношений Джучиева Улуса. Центр также организовал в стенах Института истории АН РТ несколько презентаций своих изданий.

21 февраля 2019 г. в конференц-зале Института истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация переводов исторических рукописей Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми по истории Золотой Орды и татарских ханств. На презентации с приветственным словом к участникам обратились академик АН РТ, профессор И.Р. Тагиров, академик АН РТ, заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов, член-корреспондент АН РТ, директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ И.А. Гилязов и доктор исторических наук, главный науч-

ный сотрудник Института российской истории РАН В.В. Трепавлов, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств И.М. Миргалеев, руководитель Крымского научного центра Института истории АН РТ выступил Э.Х. Сейдаметов.

Одной из первых музейных экспозиций стала состоявшаяся 5 апреля 2019 года выставка «В поисках Золотого трона» в Музее истории государственности татарского народа и РТ, приуроченная к 750-летию образования государства Золотая Орда и 100-летию российской академической археологии.

Посетители ознакомились с хронологией изучения древнего государства исторической и археологическими казанскими школами с XIX века по сегодняшний день. В экспозиции впервые представлена коллекция археолога и специалиста по восточному искусству Франца Баллода, который руководил экспедицией Татарского народного комиссариата просвещения на раскопках столичного золотоордынского города XIV–XV веков Сарай-Бату¹.

На выставке также были представлены научные труды специалистов по золотоордынской истории и представлена деятельность Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и фотоматериалы международных золотоордынских форумов, проходящих один раз в два года начиная с 2009 года².

На открытии выставки с приветственным словом выступила дочь ученого М.А. Усманова, доктор исторических наук, профессор Д.М. Усманова. Она рассказала о деятельности своего отца в исследованиях истории золотоордынского государства. Также о деятельности Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств рассказал его руководитель И.М. Миргалеев.

2 апреля 2019 года открылась выставка «Золотая Орда и Причерноморье» в Центре «Эрмитаж – Казань». В преддверии выставки состоялась пресс-конференция представителей музеев, участвовавших в организации экспозиции, где они рассказали об этапах организации выставки. На открытии с приветственным словом выступили государственный советник, первый президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.С. Хакимов, директор музея-заповедника «Казанский Кремль» З.Р. Валеева.

4 апреля 2019 года в стенах Института истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялся Круглый стол «Золотая Орда и средневековая глобализация». Открывал Круглый стол зам. директора Р.Р. Салихов, который отметил огромный интерес общественности к открывшейся в Центре «Эрмитаж – Казань» выставке и отметил, что Золотая Орда – это государство, которое оставило свое наследие на многие века. Также Р.Р. Салихов отметил, что в Институте активно работает Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств и издается научный журнал «Золотоордынское обозрение», который получил международное признание. В заключение Р.Р. Салихов вспомнил слова ди-

¹ Подробнее: <https://www.tatar-inform.ru/news/2019/03/03/644164/>

² Подробнее: <https://www.tatar-inform.ru/news/2019/03/03/644164/>

ректора Эрмитажа М.Б. Пиотровского, который говорил, что «вместо конфронтации нужен диалог культур».

Затем слово было предоставлено директору музея-заповедника «Казанский Кремль» З.Р. Валеевой, которая в своем выступлении отметила, что все выставки организуются при поддержке Института истории им. Ш. Марджани АН РТ и ученых из других научных центров, важна работа в партнерстве. Дата выставки была приурочена заранее к 750-летию Золотой Орды и при помощи М.Г. Крамаровского появилась возможность организовать выставку, особенно в этом помог фонд Марджани (г. Москва), предложивший выставить отдельные экспонаты. От Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств с лекцией выступил старший научный сотрудник Т.Р. Галимов. Наука и музейное просветительство показано как нельзя лучше. «Тема политизируется, а выставка совершенно о другом», – заключила З.Р. Валеева.

Далее с докладом выступил М.Г. Крамаровский «Рах Mongolica и чингизидская глобализация», в котором он рассматривал проблему глобализации как важную часть представленного исследования. М.Г. Крамаровский отметил, что «это необъятный мир, который только нащупан нумизматами, археологами, который еще требует глубокого анализа».

В дискуссии также выступил Р.М. Валеев, который отметил, что «глобализация без культурного разнообразия не бывает, очень интересно как из малого рождается великое».

Еще одним основным докладом Круглого стола был доклад И.М. Миргалеева «Распад Монгольской империи: таласский курултай». И.М. Миргалеев рассказал подробную историю событий, предшествовавших курултаю, а также итогов последнего панмонгольского курултая.

Другим докладчиком выступил П.Н. Петров, в котором он рассказал о местоположении курултая 1269 года «Йанги Тараз: место проведения Таласского курултая». В своем докладе он подробно остановился на селении Йанги Тараз XIII–XIV вв., расположенном на территории современного Кыргызстана, и открытии его географического местонахождения по нумизматическим данным. В продолжение темы с докладами выступили А.И. Бугарчев «О болгарских монетах середины XIII в. как индикаторе изменения в политической системе Улуса Джучидов» и Т.Р. Галимов «Административно-политический статус русских земель в составе Золотой Орды».

Нумизматическая выставка, приуроченная ко Всемирной неделе денег и юбилею курултая, состоялась в Бишкеке (Кыргызстан). На выставке были представлены монеты монгольского времени из частных коллекций, в частности редкий дирхам Баласагуна, отчеканенный вскоре после добровольного присоединения города к Великой Монголии, и посеребренный дирхам Самарканда с угрожающей надписью «кто не будет брать эту монету, будет преступником», и недавно атрибутированный посеребренный дирхам передвижного монетного двора Орду-Базар³.

³ <https://www.facebook.com/516261245066913/photos/a.516273118399059/3087299381296407/?type=3&theater>

23 апреля 2019 года в стенах Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань) состоялся Круглый стол «Город и степь Золотой Орды – проблема политического, культурного и экономического взаимодействия». С вводным словом выступил руководитель центра золотоордынских исследований И.М. Миргалеев, где он рассказал о традициях проведения круглых столов с действующими учеными, такими как В.В. Трепавлов, М.Г. Крамаровский, И.В. Зайцев, Р.Ю. Почекаев, Ю.В. Селезнев и др., теперь с известным археологом из Уфы В.А. Ивановым.

Основным докладчиком Круглого стола выступил В.А. Иванов с докладом «Кочевая и оседлая (городская) культуры Золотая Орды: диалог или диспут?». Оппонентом выступил И.Л. Измайлов с докладом «Город и кочевая степь: динамика социально-культурных взаимодействий», в котором отметил, что развитие социально-культурного сотрудничества между оседлым и кочевым миром было неразрывным и дополняющим друг друга.

15 мая 2019 года в Париже состоялся форум «Великая степь: культурное наследие и роль в мировой истории», проведенный Тюркской академией совместно с ЮНЕСКО. В международном мероприятии приняли участие около 70-и ученых из 10-и стран – таких как США, Россия, Индия, Китай, Великобритания, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Турция, Узбекистан, Франция, Латвия, Голландия и Венгрия, а также представители ЮНЕСКО. На форуме известные тюркологи представили научному сообществу новые данные и умозаключения в связи с 750-летием Золотой Орды и Таласского курултая. На форуме выступили такие ученые как: Юлай Шамильоглу, с докладом по теме «Золотая Орда и ее вклад в мировую цивилизацию»; А.Г. Ситдинов, с докладом по теме «Археология Золотой Орды: на современном этапе исследований»; А.К. Кушкумбаев, с докладом по теме «Золотая Орда в истории тюркских народов» и др.

Академия наук Республики Татарстан совместно со Стамбульским университетом (Турция) также организовали Круглые столы, посвященные истории и археологии Золотой Орды, которые прошли в Стамбуле и в Казани.

15 июня 2019 года Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ и Совет муфтиев России совместно с аппаратом Президента Татарстана в Булгарской исламской академией (Болгар) презентовали перевод со старотатарского языка на русский язык сочинения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, подготовленный Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств. Также провели Круглый стол по теме «Средневековая тюрко-татарская богословская мысль: источники и интерпретация». (по материалам произведения «Каландар-наме» и «Нахдж ал-Фарадис»).

29 июня 2019 г. планируется открытие выставки работ татарстанских художников в музее «Иске Казан – Старая Казань». Однако главное событие пройдет 26–28 июня 2019 года – VI Международный Золотоордынский Форум «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», который уже давно зарекомендовал себя как основная научная площадка ученых-исследователей золотоордынской тематики.

Сведения об авторе: Эльмира Гадельзяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

*Поступила 01.04. 2019 Принята к публикации 27.05. 2019
Опубликована 29.06.2019*

About the author: Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7138-1256>, ResearcherID: K-2746-2017. E-mail: adulya2@yandex.ru

*Received April 1, 2019 Accepted for publication May 27, 2019
Published June 29, 2019*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Чаша. Золотая Орда, Нижнее Поволжье. 1330–1340-е гг. Кашин; фор-
мовка, рельефная моделировка орнамента агнобом и подглазурная полихромная рос-
пись красками, прозрачная бесцветная глазурь. Диаметр 19,4 см; высота 10 см
// Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки
в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике
«Казанский Кремль», центр «Эрмитаж – Казань». Казань, 2 апреля – 6 октября 2019 г.
М., 2019. С. 247.

On the cover: Bowl. The Golden Horde, Lower Volga Region. 1330s – 1340s.
In: The Golden Horde and the Black Sea Region. The Lessons of the Chinggisid Empire.
Catalog of the Exhibition in the State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve
“Kazan Kremlin”, the Center “Hermitage – Kazan”. Kazan, April 2 – October 6, 2019.
M., 2019. P. 247.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2019. Т. 7, № 2

GOLDEN HORDE REVIEW. 2019, vol. 7, no. 2

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.06.2019 г. Дата выхода в свет 29.06.2019 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 13,0 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>